БУРЕВѢСТНИКЪ

Го… Публ…ая

Пусть сильнѣе грянетъ буря!

Ноябрь 1907 г. Органъ Русскихъ Анархистовъ-Коммунистовъ. № 8.

Разгонъ третьей Думы.

Итакъ, побѣдилъ Столыпинъ! Третья Дума оказалась такой, какую онъ хотѣлъ: идеально черносотенной, нестроптивой и послушной, готовой на всѣ низостиі и гнусности, которыя потребуетъ отъ нея снова поднявшій голову кровожадный и хищный царизмъ. Ликуютъ „истинная Русь" и октябристы, кадеты ропщутъ и жалуются на „незаконность" правительственныхъ дѣяній, негодуютъ, но все же готовятся къ „планомѣрной парламентской работѣ" соціалъ-демократы, радуются своей политической дальновидности бойкотировавшіе выборы соціалисты-революціонеры, а русскій обыватель смотритъ, прислушивается и... тревожно ждетъ новыхъ погромовъ.

А мы? — Насъ также мало огорчаетъ реакціонность третьей Думы, какъ мало радовала въ свое время „революціонность" двухъ прошлыхъ. Объ этихъ послѣднихъ и объ ихъ значеніи въ исторіи русской революціи мы писали уже *), а потому не станемъ повторяться. Когда же мы говоримъ теперь о третьей Думѣ, насъ не столько занимаетъ *она сама*, сколько интересуютъ причины, вызвавшія ее къ жизни и послѣдствія, которыя ее существованіе можетъ имѣть для хода событій въ Россіи. Что же касается ея самой, то, мы еще разъ повторяемъ, ея реакціонность насъ мало тревожитъ: ибо увеличить тотъ произволъ, который уже господствуетъ въ измученной странѣ, ибо сгустить еще больше грозную и мрачную тучу реакціи, нависшую надъ ней — не въ состояніи никто, не въ состояніи никакая сила, никакая Дума, будь она въ сто разъ „чернѣе" столыпинской, будь всѣ члены ея, отъ перваго до послѣдняго, пропитаны истинно-русскимъ духомъ Крушевана.

Каковы же причины, позволившія реакціи одержать такую блестящую побѣду на послѣднихъ выборахъ? Отвѣчая на этотъ вопросъ, вся наша лѣвая пресса, начиная отъ кадетовъ, твердитъ въ одинъ голосъ, что причина одна, что единственнымъ виновникомъ провала лѣвыхъ партій является беззаконный законъ 3-го іюня, лишившій права голоса почти всѣ болѣе или менѣе либеральные элементы русскаго общества. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что съ *фактической* точки зрѣнія это безусловно вѣрно; нельзя, однако, отрицать и того, что при болѣе глубокомъ анализѣ отвѣтъ этотъ оказывается слишкомъ поверхностнымъ и неудовлетворительнымъ. Дѣло въ томъ, что и самъ законъ 3-го іюня долженъ разсматриваться уже, какъ *послѣдствіе* другихъ, гораздо болѣе важныхъ и серьезныхъ причинъ, вызвавшихъ какъ его самого, такъ и выборное пораженіе лѣвыхъ партій. О нѣкоторыхъ изъ этихъ причинъ мы уже говорили: это, во первыхъ, вѣра въ Думу, вѣра въ ея кажущуюся и призрачную силу, которая въ концѣ концовъ ослабила и подорвала дѣйствительную и плодотворную революціонность народныхъ массъ; это, во вторыхъ, роль нашихъ политическихъ партій, которыя, въ своемъ стремленіи упорядочить и дисциплинировать революцію, включить ее въ предначертанныя „теоріей" рамки, такъ усердно работали, что результаты превзошли ихъ собственныя ожиданія, и революція совершенно заглохла... Но это не все: имѣется еще одна коренная причина переживаемой нами реакціи, о которой мы и хотимъ теперь поговорить.

Во всякомъ революціонномъ движеніи, рядомъ съ общественными группами, принимающими прямое и непосредственное участіе въ борьбѣ, фигурируютъ обыкновенно и такія, которыя, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, участвуютъ въ ней лишь косвенно и нѣкоторымъ образомъ на разстояніи. Не представляетъ собою исключенія въ этомъ отношеніи и русская революція. Какъ и вездѣ, въ составъ ея силъ входятъ не одни только активно выступающіе элементы, но еще и другіе, безусловно симпатизирующіе ея лозунгамъ, но тѣмъ не менѣе отказывающіеся лично и открыто бороться за ихъ осуществленіе. Вся дѣятельность этихъ общественныхъ слоевъ, не примыкающихъ къ революціи, но сочувствующихъ ей, заключается обыкновенно въ томъ, что они всячески помогаютъ прямымъ участникамъ ея, оказываютъ имъ разныя услуги, облегчаютъ имъ, насколько это возможно, условія борьбы. Что такая помощь крайне важна и полезна для всякаго революціоннаго движенія, что она, въ частности, сыграла огромную роль въ русскомъ движеніи,— этого оспаривать никто не станетъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ грандіозная, небывалая въ исторіи яркая борьба маленькой кучки героевъ „Народной Воли"; объ этомъ свидѣтельствуетъ вся подпольная работа нашихъ соціалистическихъ партій за послѣдніе пятнадцать лѣтъ: ни одна, ни другая не были бы возможны безъ тайнаго содѣйствія либеральныхъ слоевъ русскаго общества, долгое время поддерживавшихъ революціонеровъ и морально, и средствами, и связями, и необходимыми для ихъ дѣятельности свѣдѣніями...

*) См. „Буревѣстникъ" №№ 6—7: „Что же дальше?"

Но что, собственно говоря, толкало эти слои на содѣйствіе революціонному движенію?—Только одно; ихъ ненависть къ самодержавію. Никакихъ экономическихъ или соціальныхъ переворотовъ они отъ революціи не ожидали; да они сравнительно мало и нуждались въ нихъ, какъ верхи общества, какъ представители привиллегированныхъ классовъ. Имъ не хватало главнымъ образомъ политической свободы, существованіе которой въ Западной Европѣ вызывало въ нихъ непреодолимую зависть; на пути же къ этой политической свободѣ стояло самодержавіе, это олицетвореніе насилія и произвола; и они ненавидѣли самодержавіе, и они сочувственно относились ко всѣмъ тѣмъ, которые, такъ или иначе выступали противъ него. Конечно, этой борьбы съ самодержавіемъ далеко не исчерпывались ни программа „Народной Воли", ни программы современныхъ соціалистическихъ партій; конечно, въ этихъ программахъ имѣлось много и такихъ пунктовъ, которые совершенно расходились съ интересами либеральныхъ слоевъ; но важно было то, что какъ у „Народной Воли", такъ и у современныхъ соціалистическихъ партій, борьба съ самодержавіемъ фигурировала на первомъ планѣ, какъ ближайшая программная задача, безъ разрѣшенія которой сама борьба за соціализмъ считалась немыслимой. Съ такой постановкой вопроса могли согласиться и либеральные элементы общества, и они дѣйствительно согласились. Теперь легко понять то сочувствіе, которое встрѣтило въ ихъ рядахъ, на зарѣ своего возникновенія, революціонное движеніе.

Но времена измѣнились! Прошло какихъ нибудь тридцать лѣтъ и широкая революціонная волна залила всю Россію. Теперь вмѣсто маленькихъ революціонныхъ авангардовъ стали выступать огромныя массы; и странное дѣло: вмѣсто того, чтобы итти по узкимъ дорожкамъ демократизма, которыя такъ старательно прокладывали для нихъ соціалистическія партіи, взявшія на себя роль революціонныхъ распорядителей, эти массы сразу, какъ будто инстинктивно, двинулись по большой столбовой дорогѣ соціальной революціи... Всей земли и всей воли захотѣли онѣ!.. Испугались и отшатнулись отъ революціи господа либералы. Вся земля и вся воля народу — это означало ихъ собственное разореніе, это означало уничтоженіе всѣхъ ихъ классовыхъ привиллегій; вся земля и вся воля народу — это означало соціальный переворотъ; они же добивались только политическаго переворота, они хотѣли низверженія самодержавія; и они бросили свое кокетничаніе съ черезчуръ требовательной революціей; болѣе того: многіе изъ нихъ перешли во вчера еще ненавистный имъ лагерь, считая „конституціонное" самодержавіе менѣе опаснымъ врагомъ чѣмъ стремящійся ко всей землѣ и ко всей волѣ народъ. Такими перебѣжчиками явились главнымъ образомъ классъ среднихъ землевладѣльцевъ и почти вся промышленная буржуазія. Какъ для однихъ, такъ и для другихъ, самодержавный режимъ становился съ каждымъ годомъ, съ каждымъ днемъ все невыносимѣе уже не съ одной политической точки зрѣнія только, но и съ экономической: для первыхъ потому, что онъ отдавалъ ихъ буквально но пожираніе крупнымъ землевладѣльцамъ, этой старинной и почти несокрушимой опорѣ царизма; для вторыхъ потому, что своими крѣпостническими пережитками, своими безчисленными бюрократическими и полицейскими рогатками онъ страшно тормозилъ развитіе въ Россіи крупной промышленности. Вотъ почему и тѣ, и другіе страстно ненавидѣли самодержавіе; вотъ почему они такъ долго играли въ либералы и любезничали съ революціей, при помощи которой они надѣялись избавиться отъ ненавистнаго врага. Оказалось, что революція обманула ихъ, что она ведетъ совсѣмъ не туда, куда имъ бы хотѣлось... И они не только отшатнулись отъ нея, но еще и бросились, ища спасенія, въ объятія „конституціоннаго" самодержавія. Эта утрата сочувствія либераловъ не имѣла бы, сама по себѣ, почти никакого значенія для революціи еслибы, къ сожалѣнію, она не сопровождалась значительнымъ притокомъ новыхъ силъ въ ряды враговъ народняго освобожденія. Притокъ же этотъ далъ перевѣсъ самодержавію и, такимъ образомъ, нанесъ сильный и чувствительный ударъ революціонному движенію.

Вотъ та коренная причина, о которой мы упомянули выше и которая, совмѣстно съ другими, надломила силы революціи и дала восторжествовать реакціи; вотъ причины какъ и самого закона 3-го іюня, такъ и пораженія всѣхъ лѣвыхъ партій на полѣ избирательнаго сраженія; вотъ тѣ причины, которыя позволили правительству такъ безцеремонно разогнать первыя двѣ Думы и добиться, наконецъ, третьей, вполнѣ достойной своего крестнаго батюшки, великаго строителя висѣлицъ земли русской Столыпина!..

А теперь, каковы вѣроятныя послѣдствія возникновенія и дѣятельности новой Думы? Мы говоримъ тутъ, конечно, не о *ближайшихъ* и непосредственныхъ послѣдствіяхъ ея, ибо, какъ мы видѣли, превзойти уже существующую реакцію — рѣшительно невозможно и, какъ бы черносотенно изобрѣтательна ни была третья Дума — ей ничего не прибавить къ тому, что уже имѣется въ наличности. Мы имѣемъ тутъ въ виду *отдаленныя* ея послѣдствія, т. е. ея вліяніе на дальнѣйшую судьбу революціи, на грядущія фазы переживаемой нами борьбы. Ускоритъ-ли новая Дума эту борьбу? сдѣлаетъ-ли она ее болѣе яркой и интенсивной? или, наоборотъ, она затормозитъ ее окончательно и тѣмъ самымъ, на долгіе годы отсрочитъ необходимую и неизбѣжную развязку?..

Пусть обвиняютъ насъ въ излишнемъ оптимизмѣ, но мы глубоко убѣждены въ томъ, что результаты дѣятельности третьей Думы должны оказаться и фатально окажутся полезными для революціи. Весь вредъ, причиненный первыми Думами, не говоря уже о разстлѣвающемъ вліяніи парламентаризма вообще, заключался именно въ ихъ „революціонности", внушившей народу цѣлый рядъ несбывшихся и роковыхъ для его собственной революціонности надеждъ. Со стороны же новой Думы такой опасности намъ бояться нечего. Наоборотъ, ея ничѣмъ не прикрытая реакціонность, ея заранѣе извѣстныя отношенія къ „безсмысленнымъ мечтаніямъ" народныхъ массъ, ея готовность подписаться подъ всѣми актами и дѣяніями озвѣрѣвшаго отъ крови самодержавія, все это подѣйствуетъ отрезвляющимъ образомъ на присмирѣвшихъ рабочихъ и крестьянъ, окончательно разсѣетъ ихъ иллюзіи, окончательно искоренитъ всѣ ихъ надежды и упованія на какихъ бы то ни было спасителей. Новая Дума, благодаря именно своей „черносотенности", благодаря именно своимъ неиз-

бѣжнымъ реакціоннымъ эксцессамъ, откроетъ глаза народу, укажетъ ему на единственную ведущую къ его соціальному возрожденію дорогу: на внѣпарламентскую, насильственную революцію. Новая Дума, своей *реальной* реакціонностью также убьетъ реакцію, какъ старыя убили революцію своей *призрачной* революціонностью. Новая Дума воскреситъ революцію, выведетъ изъ оцѣпенѣнія притихшія народныя массы. И если двѣ первыя были разогнаны правительствомъ, то третья, исполнивъ свою миссію, будетъ разогнана народомъ.

АНТИСИНДИКАЛИЗМЪ ВЪ НАШИХЪ РЯДАХЪ.

Непрерывная анархистская пропаганда въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ, безконечный рядъ жертвъ, принесенныхъ анархистами на алтарь россійской революціи, не дали тѣхъ результатовъ, на которые мы имѣли право надѣяться. Въ настоящій моментъ намъ приходится констатировать печальное состояніе нашего движенія въ Россіи: нѣтъ сколько-нибудь сильнаго, хорошо организованнаго анархистскаго ядра, анархизмъ — мы говоримъ о сознательномъ анархизмѣ, а не о стихійномъ — не пустилъ глубокихъ корней въ широкихъ слояхъ трудящихся массъ... Менѣе всего можно обвинить въ этихъ печальныхъ результатахъ психику пролетаріата и крестьянства нашей страны. Пролетарское и аграрное движеніе въ Россіи тѣми рѣзкими формами, въ какихъ онѣ проявилось, тѣми лозунгами, которые оно выставило, заставило даже кадетскую и соціальдемократическую печать признать наличность элементовъ анархизма, стихійнаго, въ рабочихъ и крестьянскихъ массахъ.

Кризисъ, переживаемый въ настоящій моментъ анархистскимъ движеніемъ въ Россіи, долженъ былъ, казалось, вызвать въ нашихъ рядахъ переоцѣнку тѣхъ методовъ борьбы, которыхъ придерживались до сихъ поръ работавшіе практически товарищи.

Къ сожалѣнію, далеко не всѣ русскіе анархисты-коммунисты восприняли опытъ трехлѣтней работы, и многіе изъ нихъ продолжаютъ защищать старую тактику.

Изъ причинъ, затормозившихъ развитіе нашего движенія, самой важной была — это признано многими изъ товарищей, работавшихъ на мѣстахъ — оторванность наиболѣе активнаго элемента нашихъ группъ отъ массового движенія. И оторванность эта вытекала не столько изъ затруднительнаго положенія новаго теченія, не имѣющаго связей въ пролетарскихъ слояхъ и принужденнаго вести изъ-за нихъ упорную борьбу съ укрѣпившимися тамъ раньше партіями, — она коренилось въ большинствѣ случаевъ въ принципіальныхъ убѣжденіяхъ, въ сознательномъ стремленіи къ сохраненію своей анархистской дѣвственности.

Изъ всѣхъ анархистскихъ фракцій — „безначальцы" особенно сильно опасались утерять, путемъ близкаго соприкосновенія съ массовымъ движеніемъ, чистоту анархистскихъ принциповъ, притупить острые пріемы анархистской тактики. Они говорили, что массовое пролетарское движеніе, погруженное въ сѣрыя сумерки будничныхъ требованій, изрѣдка лишь прорѣзываемыхъ яркими лучами конечнаго идеала, неизбѣжно должно ассимилировать, втянуть въ профессіонализмъ и политиканство всякаго революціонера-анархиста, слишкомъ близко стоящаго къ нему.

Въ лицѣ „безначальцевъ" мы имѣемъ дѣло съ возрожденіемъ нечаевскихъ взглядовъ, нечаевской тактики. Анархистскія группы должны совмѣстно съ люмпенпролетарскими элементами (босяки, по мнѣнію „безначальцевъ", это прирожденные анархисты pur sang*) организовать нападенія на частную собственность, рядъ террористическихъ актовъ; среди крестьянъ вести усиленную пропаганду аграрнаго террора. Этого, по ихъ мнѣнію, совершенно достаточно, чтобы вызвать соціальную революцію — „народную расправу"; народъ, разбуженный грохотомъ бомбъ, проснется отъ тысячелѣтняго сна и примется за разрушеніе стараго и созиданіе новаго міра.

„Чернознаменцы" при своемъ зарожденіи мало чѣмъ отличались отъ „безначальцевъ". Но съ теченіемъ времени, соприкоснувшись съ жизнью рабочихъ массъ, они стали нѣсколько трезвѣе смотрѣть на взаимоотношеніе между анархистскимъ движеніемъ и повседневной борьбой пролетаріата. Теперь они не только признаютъ участіе въ экономической борьбѣ рабочихъ, но даже пришли къ мысли о необходимости организаціи рабочихъ анархистскихъ „синдикатовъ", другими словами, — о необходимости организаціи рабочихъ анархистовъ по профессіямъ. Но новыя теченія, зарождающіяся въ средѣ безпартійныхъ рабочихъ массъ, также мало интересуютъ „чернознаменцевъ", какъ и „безначальцевъ". Вся ихъ тактика построена на оптимистическомъ предположеніи о постоянной готовности находящихся въ аморфномъ состояніи рабочихъ массъ возстать по почину застрѣльщиковъ соціальной революціи — анархистскихъ группъ. При такой наивной вѣрѣ въ бунтовскій духъ неорганизованныхъ массъ представляется излишней, а съ извѣстной древней точки зрѣнія — „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше" — даже вредной организація массъ на профессіональныхъ началахъ.

Двойственность нашихъ „лѣвыхъ" фракцій въ оцѣнкѣ психики массъ бросается въ глаза. Съ одной стороны, ихъ представители обнаруживаютъ большое, слишкомъ большое довѣріе къ бунтовскому духу и коммунистическимъ стремленіямъ, заложеннымъ въ массахъ; съ другой стороны — они въ высшей степени недовѣрчиво относятся къ тѣмъ же рабочимъ массамъ, когда онѣ складываются въ безпартійныя организаціи для борьбы съ хозяевами, даже когда цѣлью этихъ организацій объявляется уничтоженіе всего современнаго строя. Безпартійныя рабочія организаціи *при всякихъ условіяхъ* кажутся имъ губительными для пролетарскаго движенія, а товарищъ А—ъ, примыкающій въ этомъ вопросѣ къ „чернознаменцамъ" и „безначальцамъ", въ статьѣ: „Анархизмъ и революціонный синдикализмъ", помѣщенной въ № 6—7 „Буревѣстника", утверждаетъ даже, что въ Россіи безпартійное рабочее движеніе можетъ быть на руку лишь „проповѣдникамъ государственнаго насилія, поклонникамъ законнаго разбоя".

Теоретики этихъ фракцій, перешедшіе отъ соціальдемократіи къ анархизму, не сумѣли, какъ видно, освободиться отъ бланкизма, который густо пропитываетъ соціальдемократическую атмосферу. Они смѣшиваютъ анархистское движеніе съ политической партіей, берущей на себя освобожденіе пролетаріата. Они забываютъ, что вся тактика коммунистическаго анархизма построена на убѣжденіи, что лишь сами трудящіяся массы, объединяясь въ организаціи и ведя борьбу революціонными средствами, смогутъ освободить себя и все человѣчество отъ оковъ капитала и государства. Анархисты могутъ лишь бороться въ первыхъ рядахъ пролетарскаго движенія, революціонизировать его активнымъ примѣромъ, выяснить ему его конечную цѣль. Думать про свои группы, что онѣ явятся единственными спасителями всего человѣчества — глубоко противно сущности анархистскаго міровоззрѣнія.

По вопросу о значеніи безпартійныхъ рабочихъ организацій для революціоннаго движенія, и объ участіи въ нихъ анархистовъ, велись въ нашихъ рядахъ дебаты чуть ли не съ момента возникновенія новѣйшаго анархистскаго движенія въ Россіи. Но въ печати единственной статьей со стороны товарищей, разрѣшающихъ эти вопросы въ отрицательномъ смыслѣ, является статья товарища А—а: „Анархизмъ и революціонный синдикализмъ".

Въ этой статьѣ всѣ формы безпартійнаго рабочаго движенія, объявлены реакціонными и гибельными для пролетаріата. Революціонный синдикализмъ, по мнѣнію товарища А—а, есть тотъ же тредъ-юніонизмъ, только непослѣдовательный. Для товарища А — а совершенно достаточно того факта, что въ основу всякаго синдикализма положено объединеніе по интересамъ, чтобы отсюда „логически" вывести „мѣщански — торгашескій духъ", „трусливую тактику" и прочее. Для нашего автора, синдикатъ — это нѣкое субстанціональное существо, со свойственными ему, независящими ни отъ времени, ни отъ пространства, ни отъ воли людей — аттрибутами. „Синдикализмъ — это орудіе, выработанное въ процессѣ взаимнаго приспособленія буржуазнаго и пролетарскаго міровъ. Синдикатъ — органъ взаимнаго страхованія рабочихъ и капиталистовъ". Однимъ словомъ, синдикатъ — „чудовище обло, озорно стозѣвно и лаяй".

Подъ вліяніемъ этихъ краткихъ, но въ высшей степени категорически звучащихъ опредѣленій, въ головѣ незнакомаго съ зарожденіемъ синдикальнаго движенія читателя можетъ возникнуть слѣдующее представленіе объ этомъ историческомъ явленіи: повсюду въ Западной Европѣ грозное стихійное движеніе рабочихъ массъ угрожало самимъ основамъ буржуазнаго строя; но вотъ, къ радости буржуазіи и при ея благосклонной помощи, возникло синдикальное движеніе, и капиталисты были спасены. Между тѣмъ, исторія возникновенія синдикатовъ — этихъ „органовъ взаимнаго страхованія рабочихъ и капиталистовъ" — это исторія безконечныхъ жертвъ со стороны рабочихъ и отчаяннаго сопротивленія со стороны буржуазіи, не останавливавшейся ни предъ какими жестокостями, чтобы не дать рабочему классу организоваться. Едва ли позволительно трактовать эту кровавую классовую борьбу въ качествѣ „взаимнаго приспособленія пролетарскаго и буржуазнаго міровъ".

*) Pur sang — чистой крови.

„Мѣщански-торгашескому духу“ и „трусливой тактикѣ“ синдикализма товарищъ А—ъ въ живописныхъ краскахъ гордо противопоставляетъ идейную борьбу и революціонную тактику анархизма. Онъ проводитъ параллель между необъятными горизонтами анархистскаго міровоззрѣнія и будничными интересами профессіональнаго движенія, онъ раскрываетъ пропасть, отдѣляющую методы борьбы рабочихъ союзовъ, добивающихся увеличенія заработной платы, отъ героической борьбы одинокихъ борцовъ, умирающихъ за осуществленіе идеала. Все это дѣлается для вящаго посрамленія синдикализма вообще и революціоннаго синдикализма въ частности. Но синдикализмъ реформистскій развѣнчанъ уже давно, и отрицается даже соціальдемократами, стоящими лѣвѣе Бернштейна. Не стоило, право, подвергать его такой грозной и разрушительной критикѣ на страницахъ анархистскаго органа! Что же касается революціоннаго синдикализма, то и ему, разумѣется, безконечно далеко до тактики Равашоля и Вальяна. Да и никогда массовое движеніе, за исключеніемъ, быть можетъ, момента возстанія, не съумѣетъ подняться до героизма одинокихъ борцовъ и идейныхъ группъ.

Мы, анархисты-коммунисты, признающіе цѣнность революціонно-синдикальнаго движенія и необходимость участія въ немъ анархистовъ, менѣе всего однако склонны отождествлять революціонный синдикализмъ съ анархизмомъ. Революціонный синдикализмъ не только въ настоящій моментъ не является движеніемъ революціонно-анархистскимъ, но никогда не сможетъ всецѣло слиться съ нимъ. Мы говоримъ о практическомъ революціонно-синдикальномъ движеніи; о марксистообразной теоріи, изобрѣтенной Сорелемъ, Лагарделемъ и другими, не приходится, конечно, въ этомъ отношеніи и говорить. Мы подходимъ къ революціонному синдикализму съ гораздо болѣе скромными требованіями, чѣмъ наши „лѣвые“ товарищи. Мы не уничтожаемъ революціоннаго синдикализма сравненіями съ нашимъ представленіемъ о томъ, каково должно быть идеальное революціонное движеніе пролетаріата. Мы спрашиваемъ себя: можетъ ли эта форма пролетарскаго движенія, при дальнѣйшей эволюціи въ нашу сторону, превратиться въ наиболѣе удовлетворительную съ нашей точки зрѣнія форму *открытой* организаціи безпартійныхъ массъ въ *мирное* время? Способствуетъ ли уже современное революціонно-синдикальное движеніе росту въ народныхъ массахъ идеи антипарламентаризма? Способствуетъ ли это движеніе распространенію идеи революціонной всеобщей стачки, и предпринимаютъ ли революціонные синдикаты, помимо словесной пропаганды, какіе-либо практическіе шаги для подготовки пролетарской психики къ моменту всеобщей соціальной стачки и экспропріаціи буржуазіи?

Но если революціонный синдикализмъ и не можетъ принять въ цѣломъ тактику революціоннаго анархизма, то все же его ростъ имѣетъ огромное значеніе для торжества коммунистическаго анархизма. Въ то время, какъ анархисты въ своихъ группахъ могутъ организовать лишь болѣе сознательныхъ и бунтарски-настроенныхъ застрѣльщиковъ соціальнаго переворота, революціонный синдикализмъ приспособленъ къ организаціи наиболѣе сознательныхъ массъ. Выставляя принципъ организаціи по интересамъ, по профессіи, организаціи *классовой*, революціонные синдикаты открываютъ широко двери каждому рабочему, въ которомъ въ той или иной степени проснулась потребность въ борьбѣ. Массовая организація пролетаріата, это необходимое условіе соціальной революціи, не можетъ быть выполнена въ формѣ анархистскихъ „синдикатовъ“. Организація, которая должна включать сотни тысячъ рабочихъ, неизбѣжно должна быть легальной и для того, чтобы расти въ числѣ и имѣть корни въ повседневной жизни рабочаго класса, въ основу ея долженъ быть положенъ принципъ безпартійности.

Признавая необходимость и цѣнность безпартійныхъ рабочихъ союзовъ, ставящихъ своей задачей уничтоженіе современнаго строя, мы не можемъ, конечно, предоставить ихъ волѣ судебъ и интригамъ политическихъ партій. Французскіе товарищи, войдя въ синдикаты и прививая имъ, насколько это возможно при условіяхъ легальности, принципы анархистской тактики и автономной организаціи, выполняютъ дѣло, имѣющее огромное значеніе для торжества анархистскихъ идеаловъ. Но, къ сожалѣнію, они забыли, что, если революціонные синдикалисты и могутъ сыграть роль революціоннаго — сравнительно съ неорганизованными массами пролетаріата — меньшинства, то чисто анархистское дѣйствіе можетъ быть дѣломъ лишь тайныхъ анархистскихъ группъ. Французскіе товарищи совершенно не позаботились о томъ, чтобы, наряду съ участіемъ въ революціонныхъ синдикатахъ, организовать на профессіональныхъ началахъ рабочихъ анархистовъ въ тайныя группы, которыя, оставаясь неразрывно связанными со своими синдикатами, фабриками и заводами, своимъ революціоннымъ дѣйствіемъ вмѣшивались бы въ экономическую и соціальную борьбу рабочихъ массъ, а въ періоды затишья пробуждали бы въ нихъ стремленіе къ борьбѣ.

Отрицательныхъ сторонъ революціоннаго синдикализма мы отъ себя не скрываемъ. И, если мы все-таки сочли нужнымъ заняться статьей товарища А—а, представляющей собой грозный обвинительный актъ противъ революціоннаго синдикализма, то только потому, что авторъ, поднявшись въ свободныя отъ оппортюнизма и компромиссовъ заоблачныя выси теоретическаго революціонаризма, до того увлекся уничтоженіемъ „органовъ взаимнаго страхованія“, что допустилъ въ своей критикѣ множество неточностей и явно несообразныхъ возраженій.

Исходя изъ своего отношенія къ синдикату, какъ къ организаціи, реакціонной уже по заложенному въ ея основаніе принципу, товарищъ А—ъ не видитъ разницы по существу между профессіональными союзами Англіи и Германіи и революціонными синдикатами французскихъ и испанскихъ рабочихъ. Типичными, характерными для синдикальнаго движенія онъ считаетъ англійскіе тредъ-юніоны; всѣ другія формы синдикализма должны, вслѣдствіе заложенныхъ въ синдикатѣ тенденцій, раньше или позже эволюціонировать въ сторону тредъ-юніонизма. Въ революціонномъ синдикализмѣ Франціи и Испаніи тов. А—ъ видитъ лишь временное уклоненіе отъ нормальнаго типа профессіональныхъ организацій. Причины „уклоненія“ онъ видитъ отчасти, въ экономической структурѣ этихъ странъ — причемъ, къ сожалѣнію, на этомъ факторѣ совершенно не останавливается; главной же причиной, по его мнѣнію, является національная психика испанцевъ и французовъ. „Глубокая страсть, героическое настроеніе, бьющая черезъ край смѣлость — качества, не уживающіяся долго съ обыденностью и смиреніемъ, и они-то и вырываютъ испанскаго рабочаго изъ удушливыхъ объятій спрута синдикализма. Легко возбуждающійся темпераментъ, острая впечатлительность, революціонная традиція, тѣни павшихъ героевъ, память яркихъ дней великой борьбы, будятъ и тревожатъ французскаго рабочаго, не даютъ ему застыть, успокоиться, поддерживаютъ въ странѣ напряженное настроеніе, революціонное броженіе“.

Но, если національная психика можетъ играть такую крупную роль въ направленіи профессіональнаго движенія въ ту или иную сторону, то почему не видѣть причины анти-революціоннаго настроенія англійскихъ тредъ-юніоновъ въ флегматичности и практицизмѣ англичанъ, или почему не отнести мирной тактики германскихъ профессіональныхъ союзовъ на счетъ свойственнаго нѣмцамъ преклоненія предъ дисциплиной, вялости ихъ характера и отсутствія революціонныхъ традицій въ Германіи?...

Намъ же, наоборотъ, представляется совершенно ошибочнымъ считать характерными страны съ исключительно благопріятными для рабочихъ экономическими условіями: Англію, до послѣдняго времени безраздѣльно господствовавшую на міровомъ рынкѣ, и идущую ей въ настоящее время на смѣну Германію. Насъ удивляетъ, почему въ такомъ случаѣ тов. А—ъ не сослался еще и на Австралію, гдѣ профессіональные союзы по меньшей мѣрѣ такъ же мирно настроены, какъ въ Англіи и Германіи.

Товарищъ А—ъ не хочетъ понять той очевидной истины, что въ періодъ промышленнаго подъема въ странѣ, когда наряду съ обогащеніемъ капиталистовъ значительно улучшается также и положеніе рабочихъ, психика послѣднихъ не представляетъ собой благопріятной почвы для разрушительныхъ, отрицающихъ всѣ устои современнаго общества, теорій. Въ этомъ мы видимъ главную причину реформистскаго настроенія профессіональныхъ союзовъ въ странахъ, переживающихъ исключительный расцвѣтъ промышленности, а отнюдь не въ реакціонныхъ свойствахъ самого синдиката.

Но такой періодъ промышленнаго подъема не можетъ продолжатся вѣчно, и каждая страна, выдвинувшаяся впередъ, должна перейти отъ временной фазы экономическаго развитія къ постоянной, статической, которую въ каждый данный историческій періодъ переживаютъ остальныя капиталистическія страны. *Типичной, „нормальной“* мы можемъ считать только постоянную, статическую фазу экономическаго развитія, и уже во всякомъ случаѣ современная Франція къ ней гораздо ближе, чѣмъ Англія второй половины 19-го вѣка и Германія нашихъ дней. Въ Германіи, параллельно съ сильнымъ подъемомъ промышленности, мы наблюдаемъ отмѣченную и товарищемъ А—ъ эволюцію профессіональныхъ союзовъ въ сторону реформизма; напротивъ, англійскіе тредъ-юніоны, вслѣдствіе растущаго вытѣсненія англійскихъ товаровъ нѣмецкими, начинаютъ понемногу уклонятся влѣво.

Если мы глубоко убѣждены въ томъ, что рабочее движеніе въ своей тактикѣ и своихъ стремленіяхъ все болѣе и болѣе будетъ приближаться къ анархизму, то это наше убѣжденіе основано именно на выводахъ о невозможности непрерывнаго и значительнаго улучшенія положенія пролетаріата въ нѣдрахъ капиталистическаго строя. Рабочіе, объединенные въ синдикатахъ, основанныхъ на принципѣ классовой организаціи, рано или поздно должны придти къ тому же убѣжденію. И только исключительныя экономическія условія и дѣятельность политическихъ партій мо-

гутъ, какъ это и случилось, направить въ нѣкоторыхъ странахъ синдикальное движеніе въ русло реформизма. Но съ паденіемъ экономическаго подъема этихъ странъ, съ разочарованіемъ пролетаріата въ спасительной дѣятельности парламентскихъ соціалистическихъ партій, кончится и вѣра его въ мирное разрѣшеніе рабочаго вопроса. Синдикальное движеніе въ силу объективныхъ условій вездѣ должно будетъ принимать все болѣе и болѣе революціонные методы борьбы.

⁂

Перейдемъ теперь къ разбору критическихъ возраженій, выставленныхъ въ своей статьѣ товарищемъ А—ъ, противъ французскаго революціоннаго синдикализма. Какъ уже было сказано, мы съ своей стороны не только не считаемъ французскіе революціонные синдикаты анархическими организаціями, но они, на нашъ взглядъ, не отвѣчаютъ вполнѣ даже тѣмъ задачамъ, которыя были нами поставлены легальнымъ безпартійнымъ рабочимъ организаціямъ. Съ этой точки зрѣнія мы привѣтствуемъ критику революціоннаго синдикализма—критику, которая указала бы, въ чемъ коренятся недостатки этого движенія, и какіе коррективы можно въ него внести. Къ сожалѣнію, статья товарища А—а ничего не даетъ въ этомъ отношеніи. Задавшись цѣлью разгромить, уничтожить французскій революціонный синдикализмъ, доказать, что онъ по существу тотъ же тредъ-юніонизмъ, тов. А—ъ возвелъ на него рядъ несправедливыхъ обвиненій; а тамъ, гдѣ авторъ указываетъ на дѣйствительные недостатки французскаго революціоннаго синдикализма, онъ, исходя изъ своей метафизической предпосылки, относитъ ихъ не на счетъ конкретной организаціи, о которой идетъ рѣчь, а на счетъ самой „сущности“ синдиката и синдикализма.

Критику французскаго революціоннаго синдикализма тов. А—ъ начинаетъ, какъ и слѣдовало ожидать, съ указанія на противорѣчіе, которое якобы существуетъ между первымъ пунктомъ устава Конфедераціи Труда и безпартійностью синдикатовъ. Первый пунктъ гласитъ: „Задача Конфедераціи—уничтоженіе наемнаго труда и капитала.“ Въ глазахъ автора „уничтоженіе наемнаго труда и капитала“ составляетъ, очевидно, монополію партій; въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ сходится съ соціаль—демократіей, въ особенности съ русскимъ большевистскимъ теченіемъ. Вѣдь и Ленинъ, въ своей знаменитой во время оно брошюрѣ „Что дѣлать?“ утверждаетъ, что безпартійное рабочее движеніе самостоятельно можетъ придти лишь къ тредъ-юніонизму. И разъ уже тов. А—ъ къ своемъ отношеніи къ безпартійному рабочему движенію сошелся г. Ленинымъ, то естественно, что представленіе о революціонныхъ синдикатахъ, какъ объ авангардѣ рабочаго движенія, кажется ему столь же дикимъ, какимъ оно кажется соціаль-демократамъ большевикамъ.

Синдикаты, по мнѣнію тов. А—а, не могутъ сыграть по отношенію къ неорганизованнымъ рабочимъ массамъ роли революціоннаго меньшинства уже по одному тому, что въ ихъ среду можетъ вступить каждый рабочій, каковы бы ни были его соціально-политическія убѣжденія. Но строгій критикъ изъ-за своихъ схоластически-„логическихъ“ построеній совершенно забываетъ о логикѣ жизни. А жизнь показываетъ намъ, что въ *революціонный* синдикатъ вступаютъ лучшіе элементы рабочаго класса, тѣ рабочіе, въ которыхъ свойственныя массамъ инертность и долготерпѣніе уступили мѣсто сознанію необходимости борьбы. Если въ рабочемъ, благоразумно-трусливомъ, или одураченномъ поповской проповѣдью, пробудилось стремленіе къ организаціи, онъ пойдетъ въ синдикаты желтые, или какіе-либо другіе, но ни въ коемъ случаѣ не въ революціонные, программа которыхъ призываетъ къ разрушенію устоевъ современнаго общества.

Тов. А—ъ указываетъ вскользь еще на одну причину, которая, по его мнѣнію, дѣлаетъ невозможнымъ выступленіе синдикатовъ въ роли революціоннаго меньшинства. „Демократическая организація синдиката съ его безсмысленнымъ и вздорнымъ принципомъ большинства—не даетъ революціонному меньшинству простора и свободы“...

Критикъ революціоннаго синдикализма какъ будто не знаетъ организаціонныхъ принциповъ того теченія, недостатки котораго онъ взялся раскрыть. Пуже слѣдующимъ образомъ излагаетъ эти принципы: *) „Автономны внутри Конфедераціи—Федераціи и Союзы Синдикатовъ; въ Федераціяхъ и Союзахъ Синдикатовъ—независимы отдѣльные синдикаты; самостоятельны отдѣльные рабочіе въ своихъ синдикатахъ.“ Правда, провести эти принципы во всей ихъ полнотѣ въ жизнь не такъ легко. Рабочіе, прошедшіе школу демократическаго воспитанія, съ раннихъ лѣтъ наслушивавшіеся рѣчей государственныхъ мужей и представителей разныхъ политическихъ партій, не могутъ сразу при вступленіи въ синдикатъ отдѣлаться отъ всѣхъ старыхъ организаціонныхъ предразсудковъ и немедленно насквозь проникнуться идеей автономіи; но, во всякомъ случаѣ, мы видимъ въ революціонныхъ синдикатахъ яркую антицентралистическую тенденцію. Въ этихъ синдикатахъ дѣйствительно революціонное меньшинство имѣетъ широкій просторъ для проявленія своей активности; и оно на дѣлѣ ее проявляетъ. Если эти проявленія слабы, то виною тому—не принципы синдикальной организаціи, а малочисленность активнаго революціоннаго меньшинства, которое тов. А—ъ хочетъ еще болѣе ослабить, призывая анархистовъ къ бойкоту синдикатовъ. Поразительно легко отдѣлывается тов. А—ъ въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ организація революціонныхъ синдикатовъ, въ основу которой положены анархистскіе принципы,—фразой о „безсмысленномъ и вздорномъ принципѣ большинства“, якобы присущемъ революціоннымъ синдикатамъ!

„Не менѣе иллюзорно и утвержденіе о внѣпартійности синдиката, о роли синдикализма, какъ предохранительной прививки отъ бациллы парламентаризма,“—говоритъ далѣе тов. А—ъ; это звучитъ очень рѣшительно, но уже черезъ нѣсколько строкъ онъ дѣлаетъ уступку: „Поскольку революціонный синдикализмъ *ограждаетъ* *) только синдикатъ отъ вліянія политики, онъ не далеко уходитъ отъ реформистскаго синдикализма. Только освобожденіе рабочихъ-членовъ синдиката отъ разслабляющаго вліянія праздноботтающихъ политикановъ могло бы быть поставлено въ особенную заслугу революціонному синдикализму!“ Но о какомъ революціонномъ синдикализмѣ идетъ тутъ рѣчь? Не о теоріи же Лягарделли и другихъ самозванныхъ теоретиковъ революціоннаго синдикализма! Тов. А—ъ подвергаетъ вѣдь критикѣ не эти теоріи, а революціонно-синдикальное движеніе французскаго пролетаріата. Революціонные же синдикаты во Франціи, прибѣгая, какъ въ экономической, такъ и въ политической борьбѣ, исключительно къ action directe (прямому воздѣйствію), воспитываютъ рабочихъ—членовъ синдиката въ духѣ самодѣятельности и развиваютъ въ нихъ критическое отношеніе ко всякимъ партіямъ, берущимъ на себя освобожденіе пролетаріата. Это признаютъ всѣ, кто писалъ о французскомъ революціонно-синдикальномъ движеніи—кромѣ тов. А—а. Даже большевикъ г. Воиновъ принужденъ констатировать, что „избиратели ея (французской объединенной соціалистической партіи М. Р.) въ огромномъ большинствѣ не пролетаріи, такъ какъ Конфедерація Труда, большая часть пролетарскихъ организацій, насчитывающая 800,000 членовъ, рѣзко и презрительно поворачивается спиной къ партіи“.

Въ видѣ иллюстраціи къ своимъ утвержденіямъ объ отсутствіи антипарламентскаго сознанія у рабочихъ синдикалистовъ, тов. А—ъ приводитъ восклицанія „vive la loi!“ (да здравствуетъ законъ), раздававшіяся въ Парижѣ на январской демонстраціи Конфедераціи Труда. Этотъ фактъ переданъ въ статьѣ тов. А—а въ такихъ выраженіяхъ, что можно подумать, будто рабочіе—синдикалисты восклицаніемъ „vive la loi!“ хотѣли выразить свое уваженіе къ законности и ея представителю—французской республикѣ. Намъ приходится напомнить о цѣли этой демонстраціи. Она была устроена для того, чтобы выразить протестъ противъ неисполненія буржуазіей завоеваннаго рабочими путемъ прямого воздѣйствія закона о воскресномъ отдыхѣ. „Vive la loi!“ значило—„да здравствуетъ законъ о воскресномъ отдыхѣ!“. Отсюда, конечно, далеко до анархистскаго сознанія о безполезности всякихъ писанныхъ законовъ, но все-таки эти клики, вопреки мнѣнію тов. А—а, едва ли „радовали сердце буржуа“,—по крайней мѣрѣ, если судить по поведенію полиціи и муниципальной гвардіи, прибѣгнувшей и на этотъ разъ къ обычнымъ мѣрамъ воздѣйствія, столь краснорѣчиво описаннымъ самимъ авторомъ въ первой половинѣ его статьи.

Въ анархистской схемѣ соціальной революціи есть два пункта, въ которые наши товарищи изъ бланкистообразныхъ особенно охотно направляютъ стрѣлы своей критики. Это—всеобщая стачка и роль синдикатовъ, какъ организаторовъ производства въ періодъ ликвидаціи стараго строя. Много вниманія удѣляетъ этимъ пунктамъ и т. А—ъ. По поводу всеобщей стачки онъ говоритъ: „Мы не раздѣляемъ распространеннаго предразсудка, будто всеобщая забастовка—необходимая прелюдія соціальной революціи. Крупные террористическіе акты, военный бунтъ, а тѣмъ болѣе аграрныя волненія, временная коммуна—всякое яркое и сильное проявленіе революціонной энергіи можетъ послужить роковымъ для современнаго строя толчкомъ, который выведетъ изъ состоянія покоя всѣ этому строю враждебныя, но малодѣятельныя силы.“

Но защитники всеобщей забастовки никогда и не говорили, что лишь она одна можетъ послужить для массъ толчкомъ къ соціальной революціи. Въ ихъ глазахъ она является необходимымъ составнымъ элементомъ революціи, ея технической предпосылкой, средствомъ дезорганизаціи государственно-капиталистическаго механизма. Тов. А—ъ увѣряетъ насъ въ томъ, что соціальная революція можетъ произойти безъ всеобщей стачки. Но для того, чтобы убѣдить насъ въ этомъ, ему необходимо было бы доказать

---

*) „Соціальное движеніе въ современной Франціи“, Сборникъ статей Берта, Г. Лягарделли, Э. Пуже, Ж. Сореля и Г. Эрве.

*) Курсивъ нашъ. М. Р.

возможность борьбы народа съ современной арміей при правильномъ и непрерывномъ функціонированіи желѣзныхъ дорогъ, почты, телеграфа и проч. Всѣ перечисленныя авторомъ средства борьбы, которыя онъ выдвигаетъ наряду съ всеобщей стачкой, на самомъ дѣлѣ сильно отъ нея отличаются по своимъ задачамъ. Въ то время, какъ террористическіе акты или временная коммуна представляютъ собой лишь агитаціонныя средства, которыя при благопріятныхъ условіяхъ могутъ подвинуть массы къ вооруженному возстанію,—всеобщая стачка дѣлаетъ возможнымъ успѣхъ этого возстанія и переходъ его въ соціальную революцію. Безъ всеобщей стачки не можетъ быть соціальной революціи, и вотъ почему она въ тактикѣ анархистовъ—коммунистовъ и революціонныхъ синдикалистовъ занимаетъ такое исключительное положеніе. Роль, которую многіе анархисты отводятъ синдикатамъ, какъ организаторамъ производства при соціальномъ переворотѣ, тов. А—ъ относитъ къ области поэзіи, желая этимъ подчеркнуть ея утопическій характеръ. Но какъ понимаютъ эту роль ея сторонники, разсматривающіе синдикаты, какъ ячейки будущаго общества? Соціальная революція, понимаемая, какъ интегральное *) освобожденіе человѣчества, только тогда будетъ проведена до конца, когда ея руководящей идеей будетъ отсутствіе всякой власти. Но какъ совершится въ такомъ случаѣ переходъ отъ капиталистическаго строя къ безгосударственно—коммунистическому обществу? Кто можетъ совершить этотъ переворотъ? Мы отвѣчаемъ: этого не могутъ выполнить ни революціонное правительство, ни мы, анархисты,—это можетъ быть дѣломъ лишь самого народа; но не аморфной массы, которую можетъ увлечь за собой любой ловкій демагогъ, а народа, въ процессѣ революціи сложившагося въ организаціи, формы которыхъ ему будутъ подсказаны безошибочнымъ инстинктомъ солидарности и жизненными интересами производства и потребленія. Въ періодъ революціи массы безудержно стремятся къ организаціи, и естественно, что именно синдикаты, организованные по труду, состоящіе изъ элементовъ заинтересованныхъ въ соціальномъ переворотѣ, будутъ тѣми точками притяженія, вокругъ которыхъ сгруппируется весь народъ. Синдикаты—не партія, а зародышъ будущей всенародной организаціи, которая замѣнитъ собой современное государство.

Что же вмѣсто этой, по выраженію т. А—а, „поэтической легенды" предлагаютъ онъ самъ и другіе противники синдикатовъ? Они противопоставляютъ ей все ту же наивную вѣру въ творчество неорганизованныхъ массъ, все тотъ же безпредѣльный оптимизмъ, по-которому все пойдетъ, какъ по маслу, если „со всей страстью нашей убѣжденности крикнуть народу: дѣйствуйте сами! Разрушайте безпощадно! Создавайте смѣло! Будьте сами кузнецами своего собственнаго счастья!"

Тов. А—ъ умалчиваетъ о роли анархистскихъ „синдикатовъ" и группъ въ періодъ соціальнаго переворота. А между тѣмъ по его представленію, если онъ хочетъ быть послѣдователенъ до конца, они должны сыграть рѣшающую роль въ это время. Разъ онъ убѣжденъ, что безпартійная организація народныхъ массъ по труду стремится всегда въ сторону реакціи, то единственное спасеніе для революціи должно въ его глазахъ заключаться исключительно въ организаціи чисто—анархическихъ „синдикатовъ", въ перенесеніи центра тяжести революціи отъ народа въ анархическія группы. Здѣсь именно мы видимъ грозную опасность для анархистскаго движенія.

Анархизмъ могучъ, поскольку онъ всѣ свои надежды строитъ на созидательной силѣ самого народа, на сознательности и революціонности трудовыхъ организацій. Выдвигать на первый планъ руководителей, движущихъ не идеями народа, а исключительно своими собственными идеалами, хотя бы самыми революціонными — это идетъ вразрѣзъ съ сущностью анархизма, это пережитки господскаго міровоззрѣнія — продолженіе старой, какъ міръ, сказки о герояхъ-освободителяхъ, облаченной на этотъ разъ въ мундиръ революціоннаго анархизма.

М. Раевскій.

*) Всестороннее.

Малатеста о синдикализмѣ и организація.

Малатеста, передавая свои впечатлѣнія, вынесенныя съ Амстердамскаго конгресса, пишетъ въ „Temps Nouveaux", между прочимъ, слѣдующее:

„Самымъ, быть можетъ, важнымъ вопросомъ, предложеннымъ на обсужденіе конгресса, былъ вопросъ объ организаціи. Дебатировали о немъ съ большимъ воодушевленіемъ и пришли къ заключенію, которое можетъ многимъ показаться неожиданнымъ, но не удивитъ тѣхъ, которые, не занимаясь спорами о словахъ, изучаютъ психологическія и соціальныя силы, создающія анархистическое движеніе. И это заключеніе состояло въ томъ, что мы, анархисты-революціонеры, именуемся-ли мы индивидуалистами или коммунистами, приверженцами организаціи или противниками ея, — мы всѣ, каковы бы ни были наши теоретическіе взгляды, сходимся на практической почвѣ. Мы всѣ стремимся къ одной и той же цѣли, и для достиженія ея мы всѣ признаемъ приблизительно одни и тѣ же средства. Мы всѣ — непримиримые враги Государства, Капитализма и Религіи; мы всѣ стараемся пріобрѣсти моральную и матеріальную силу, необходимую для уничтоженія правительствъ, экспропріаціи капиталистовъ и передачи соціальныхъ богатствъ въ распоряженіе всѣхъ, для того, чтобы всѣ, движимые соціальными инстинктами и жизненными необходимостями, организовали при полной свободѣ общество мира и счастья для всѣхъ... На конгрессѣ, къ сожалѣнію, присутствовало мало индивидуалистовъ, но между товарищами, которые были тамъ, соглашеніе и желаніе совмѣстной работы казались мнѣ очевидными. Были тов., которые настаивали на правахъ индивида, на личной инціативѣ, и указывали на опасность подавленія личности коллективностью; были другіе, которые настаивали на идеѣ солидарности и совмѣстной работы. Но разница между ними зависѣла отъ точки зрѣнія, на которую становился ораторъ, и я не видѣлъ между ними основного разногласія. И, если судить по тому, съ какимъ одобреніемъ было принято мое замѣчаніе объ этомъ, можно сказать, что всѣ члены конгресса были того же мнѣнія. Споръ между индивидуалистами и „сосіетаристами" *) есть ни что иное, какъ споръ о словахъ. Всѣ мыслящіе люди — анархисты или нѣтъ, — всѣ — индивидуалисты, такъ какъ они знаютъ, что индивидъ есть живая реальность, счастье которой составляетъ единственную важную вещь; и всѣ они — „сосіетаристы", такъ какъ они знаютъ, что общество есть необходимое условіе развитія, счастья и даже самого существованія человѣка. Но необходимо различать. Существуетъ индивидуализмъ того, кто, занимаясь самимъ собою, стремится къ своему собственному развитію, но остается равнодушнымъ передъ страданіями другихъ, если даже не находитъ въ нихъ удовольствія. Этотъ индивидуализмъ свойственъ капиталистамъ и всякаго рода эксплуататорамъ, господамъ. Существуетъ индивидуализмъ тѣхъ, которые не могутъ быть свободны безъ свободы всѣхъ, которые не могутъ быть счастливы, если они знаютъ, что другіе страдаютъ, и которые стремятся къ свободѣ, полному развитію и счастью всѣхъ людей. Этотъ индивидуализмъ принадлежитъ анархистамъ. Точно также существуетъ сосіетаризмъ тѣхъ, которые видятъ въ обществѣ почву для эксплуатаціи, которые пользуются организаціей и силами всѣхъ для удовлетворенія личныхъ интересовъ и желаній. Этотъ сосіетаризмъ свойственъ эксплуататорамъ, приверженцамъ авторитета и власти. Но существуетъ также сосіетаризмъ анархистовъ, которые хотятъ организовать общество такъ, чтобы оно не служило препятствіемъ активности и развитія личности, но служило бы средствомъ для возрастанія ея могущества и свободы. Въ этомъ нѣтъ и не можетъ быть разногласій между анархистами. И если присмотрѣться хорошо — нѣтъ также, или, по крайней мѣрѣ, нѣтъ существенныхъ разногласій и въ практическомъ вопросѣ организаціи. Противники ея имѣютъ въ виду проявленія власти, которая портитъ почти всѣ существующія организаціи; отбрасывая авторитаризмъ, они якобы отвергаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и принципъ организаціи, который есть ни что иное, какъ приспособленіе средствъ къ поставленной цѣли. Но „организаторы", принимая слово за реальность, воображаютъ, что противники организаціи желаютъ жить изолированно. Фактически эта жизнь невозможна, такъ какъ можно быть „дезорганизованнымъ" только тогда, когда ничего не дѣлаешь, или дѣлаешь тѣ рѣдкія дѣла, выполненіе которыхъ не превышаетъ своихъ собственныхъ силъ. Когда желаешь дѣлать что либо, ищешь необходимые для этого элементы — и назовите это организаціей, соглашеніемъ, или какъ угодно — это составляетъ ассоціацію, которую стремишься удержать и расширить сообразно поставленной цѣли. Такимъ образомъ мы видимъ часто, что противники организаціи организованы иногда лучше, чѣмъ многіе изъ тѣхъ, которые ее пропагандируютъ; точно также, какъ мы видимъ часто больше авторитарныхъ проявленій въ группахъ, признающихъ „абсолютную" свободу, чѣмъ въ тѣхъ, которыя, будучи приверженцами организаціи, обвиняются благодаря этому въ авторитаризмѣ. Оставимъ, слѣдовательно, споры о словахъ, посмотримъ на факты, и, если мы думаемъ, что у насъ есть какое либо общее дѣло, будемъ искать средствъ для его выполненія.

. . . . Вопросъ о синдикализмѣ поднялъ на конгрессѣ очень важные дебаты. Это вполнѣ естественно, такъ какъ, съ одной стороны, онъ представляетъ большой немедленный практическій интересъ; отъ рѣшенія его зависитъ будущее анархистическаго движенія и его возможные результаты, и, съ другой стороны, по

*) Т. е. приверженцами общества, общественной жизни, совмѣстной работы.

этому вопросу проявилось единственное серьезное разногласіе между членами конгресса. Одни изъ товарищей придавали рабочимъ организаціямъ и всеобщей забастовкѣ чрезвычайную важность и смотрѣли на нихъ почти какъ на нѣчто тождественное анархизму и революціи; другіе настаивали на интегральной концепціи анархизма и смотрѣли на синдикализмъ, какъ на могучее, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень опасное средство для осуществленія анархистической революціи. Представителемъ перваго взгляда былъ товарищъ Монаттъ, членъ Всеобщей Конфедераціи Труда. Давая отчетъ о синдикальномъ французскомъ движеніи и его матеріальныхъ и моральныхъ результатахъ, онъ заключилъ, что синдикализмъ самъ по себѣ совершенно достаточное средство для совершенія революціи и введенія анархистическаго строя. Я выступилъ энергично противъ этого послѣдняго утвержденія. Синдикализмъ, даже если онъ называетъ себя революціоннымъ, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ легальнымъ движеніемъ, борьбою противъ капитализма въ экономической и политической средѣ, которую ему создаютъ (налагаютъ) капитализмъ и государство. Онъ не имѣетъ, слѣдовательно, выхода и не можетъ добиться ничего постояннаго и общаго, если, переставъ быть синдикализмомъ, онъ не поставитъ своею цѣлью не улучшеніе положенія наемныхъ рабочихъ, не завоеваніе какихъ-либо свободъ, — а экспропріацію богатствъ и полное разрушеніе государственной организаціи.

Я признаю всю полезность, даже необходимость активнаго участія анархистовъ въ рабочемъ движеніи; я былъ однимъ изъ первыхъ, которые, сожалѣя о надменномъ отчужденіи анархистовъ отъ рабочаго движенія послѣ распаденія стараго Интернаціонала, толкали снова товарищей на путь, который Монаттъ, забывая исторію, называетъ новымъ. Но это полезно лишь въ томъ случаѣ, если мы останемся прежде всего анархистами и если мы не забудемъ смотрѣть на все остальное съ точки зрѣнія анархистической пропаганды и дѣйствія. Я не требую отъ синдикатовъ принятія анархистической программы; я не требую, чтобы они были составлены только изъ анархистовъ. Въ этомъ случаѣ они сдѣлаются безполезными, такъ какъ существуютъ чисто анархистическія группы; и, кромѣ того, они тогда потеряютъ то качество, которое дѣлаетъ ихъ цѣнными для анархистовъ, т. е. — являться сегодня почвою для пропаганды, и завтра средствомъ для того, чтобы массы вышли на улицу и взяли въ свои руки владѣніе богатствами и организацію коллективнаго производства. Я хочу, чтобы синдикаты были широко доступны для всѣхъ рабочихъ, почувствовавшихъ необходимость объединенія съ товарищами для борьбы противъ хозяевъ, — но я знаю также всѣ опасности, которыя ожидаютъ рабочія организаціи, ставящія своею цѣлью защиту въ современномъ обществѣ частныхъ интересовъ, и я прошу анархистовъ, находящихся въ синдикатахъ, спасти будущее революціи, поставивъ своею миссіей борьбу противъ естественнаго стремленія рабочихъ организацій стать закрытыми корпораціями, находящимися въ антагонизмѣ съ другими пролетаріями еще больше, чѣмъ съ самими хозяевами.

Быть можетъ, причина недоразумѣнія находится въ вѣрѣ, по моему ошибочной, хотя и общепринятой, что интересы рабочихъ солидарны, и что, слѣдовательно, разъ рабочіе начинаютъ защищать свои интересы и добиваться улучшенія своего положенія, они естественно идутъ къ защитѣ интересовъ всего пролетаріата противъ хозяевъ. Я думаю, что истина — другая. Рабочіе подвержены, какъ и всѣ, закону всеобщаго антагонизма, который вытекаетъ изъ режима частной собственности; и вотъ почему группы, организованныя по интересамъ, всегда революціонныя вначалѣ, пока онѣ слабы и нуждаются въ солидарности другихъ, становятся консервативными и эгоистичными, когда онѣ пріобрѣтаютъ силу и, вмѣстѣ съ силою, сознаніе своихъ частныхъ интересовъ. Исторія англійскихъ и американскихъ рабочихъ союзовъ показываетъ намъ, какъ вырождается рабочее движеніе, когда оно ограничивается защитою своихъ немедленныхъ интересовъ. Только имѣя въ виду полное преобразованіе общества, рабочій можетъ себя чувствовать солидарнымъ съ рабочимъ, угнетенный съ угнетеннымъ, и роль анархистовъ и заключается въ томъ, чтобы постоянно держать горящимъ огонь идеала и стараться, насколько возможно, направить все теченіе къ завоеванію будущаго, къ революціи — даже, если нужно, въ ущербъ какимъ-либо мелкимъ улучшеніямъ какой-нибудь части рабочаго класса, которыхъ, впрочемъ, добиваются часто лишь насчетъ другихъ же рабочихъ и потребителей вообще. Но, чтобы выполнить эту роль въ синдикатахъ, анархисты не должны занимать никакихъ должностей, и, въ особенности, платныхъ. Анархистъ — чиновникъ синдиката, получающій отъ него жалованіе — пропавшій для анархизма человѣкъ. Я не говорю, что онъ иногда не можетъ сдѣлать чего либо хорошаго, но то, что онъ можетъ сдѣлать — другой человѣкъ съ менѣе передовыми идеями можетъ выполнить точно такъ же, какъ и онъ, если не лучше; тогда какъ анархистъ, чтобы получить и удержать свое мѣсто, долженъ пожертвовать своими личными мнѣніями и часто дѣлать вещи, не имѣющія другой цѣли, какъ ту, чтобы ему простили его первоначальный грѣхъ анархизма. Впрочемъ, это ясно. Синдикатъ не анархистическая организація; чиновникъ назначается и оплачивается синдикатомъ; если онъ занимается анархизмомъ, онъ становится въ оппозиціи съ тѣми, которые ему платятъ, и скоро теряетъ свое мѣсто, или же онъ является причиной распаденія синдиката. Если же, напротивъ, онъ выполняетъ свою обязанность, для которой его назначили, сообразно волѣ большинства, тогда — прощай анархизмъ.

Что касается всеобщей забастовки — этого звена, соединяющаго синдикаты, я сдѣлалъ подобнаго же рода замѣчаніе. Мы должны признать и пропагандировать всеобщую забастовку, какъ средство очень удобное для того, чтобы начать революцію, но не нужно обманывать себя иллюзіями и думать, что всеобщая забастовка можетъ замѣнить вооруженную борьбу противъ силъ государства. Очень часто говорятъ, что стачка рабочихъ, заставляя буржуазію голодать, поставитъ её въ необходимость сдаться. Я не могу себѣ вообразить большей глупости. Рабочіе умрутъ давнымъ давно съ голоду, раньше чѣмъ буржуи, имѣющіе въ своемъ распоряженіи массы продуктовъ, начнутъ серьезно страдать. Рабочій, не имущій, не получая больше заработной платы, принужденъ будетъ насильно захватить продукты: жандармы, солдаты и сами же буржуа захотятъ помѣшать этому, и вопросъ долженъ будетъ скоро рѣшиться посредствомъ ружей, бомбъ и т. п. Побѣда останется за тѣмъ, кто сумѣетъ быть болѣе сильнымъ. Приготовимся, слѣдовательно, къ этой необходимой борьбѣ, вмѣсто того, чтобы проповѣдывать всеобщую забастовку, какъ лекарство противъ всѣхъ бѣдъ, способное разрѣшить всѣ затрудненія. Впрочемъ, даже, какъ способъ начать революцію, всеобщая забастовка можетъ быть употреблена только очень относительно. Производство пищи и транспортъ пищевыхъ продуктовъ не могутъ быть пріостановлены надолго; необходимо, слѣдовательно, революціоннымъ путемъ захватить средства производства раньше, чѣмъ стачка развилась бы сама собою до возстанія. Подготовиться къ выполненію этого — не можетъ быть дѣломъ синдиката; все, что онъ можетъ сдѣлать — это дать людей для возможности этого выполненія... Монаттъ и синдикалисты объясняютъ перемѣну идей синдикальныхъ чиновниковъ индивидуальною слабостью. Это невѣрно. Зло было бы не такъ велико, если бы дѣло шло объ ошибкахъ, совершенныхъ слабыми лицами: слабые исчезаютъ скоро, а измѣнники становятся извѣстными и поставлены въ невозможность вредить. Но что дѣлаетъ зло серьезнымъ — это то, что оно вытекаетъ изъ самыхъ условій, въ которыхъ находятся синдикальные чиновники. Я совѣтую нашимъ друзьямъ анархистамъ-синдикалистамъ подумать объ этомъ и сравнить положеніе соціалиста, который становится депутатомъ, и анархиста, который становится синдикальнымъ чиновникомъ: быть можетъ, сравненіе не будетъ безполезнымъ...

∴

Въ чемъ состоитъ полезность синдиката и въ чемъ его опасность, почему синдикализмъ представляетъ собою „очень опасное средство" для осуществленія анархистической революціи — на эти вопросы Малатеста отвѣчаетъ болѣе подробно въ англійскомъ анархическомъ органѣ „Freedom" (ноябрь 1907). Въ своей статьѣ «Anarchism and Sindicalism» онъ пишетъ:

... Мы стремимся къ моральному и матеріальному освобожденію всѣхъ людей; мы желаемъ совершить революцію, которая дастъ свободу и обезпеченную жизнь всѣмъ людямъ; мы убѣждены, что это не можетъ совершиться посредствомъ законовъ и циркуляровъ, но должно быть завоевано сознательной волей и непосредственной борьбой тѣхъ, кто желаетъ матеріальной и моральной свободы для всѣхъ. Мы, слѣдовательно, болѣе чѣмъ кто-либо, нуждаемся въ сознательномъ и добровольномъ сотрудничествѣ тѣхъ, кто больше всего страдаетъ отъ современной соціальной организаціи, и кто болѣе всего заинтересованъ въ революціи. Конечно, полезно и необходимо выработать идеалъ, возможно болѣе усовершенствованный; конечно, полезно и необходимо организовать группы для пропаганды и революціоннаго дѣйствія, но этого намъ недостаточно. Намъ необходимо, чтобы широкія массы рабочихъ приняли нашъ идеалъ, такъ какъ безъ нихъ мы не можемъ ни разрушить современное общество, ни создать новый строй. И такъ какъ для того, чтобъ широкія массы пролетаріевъ могли выйти изъ покорнаго рабства, въ которомъ онѣ прозябаютъ, могли подняться до анархическаго идеала и почувствовать желаніе реализировать его, необходима эволюція, которая не совершается единственно подъ вліяніемъ пропаганды; такъ какъ уроки, даваемые фактами ежедневной жизни, имѣютъ большее вліяніе, чѣмъ всѣвозможныя доктринерскія рѣчи — мы должны непремѣнно принимать активное участіе въ жизни массъ и упо-

требовать, сообразно условіямъ, всѣ средства, чтобы постепенно пробудить въ нихъ бунтарскій духъ и показать имъ на фактахъ жизни дорогу, ведущую къ ихъ освобожденію. Ясно что синдикальное движеніе является однимъ изъ лучшихъ средствъ, и мы сдѣлаемъ большую ошибку если будемъ пренебрегать имъ. Въ этомъ движеніи мы находимъ громадную массу рабочихъ, которые борятся за улучшеніе своего положенія. Эти рабочіе могутъ ошибаться относительно преслѣдуемой ими цѣли и употребляемыхъ ими средствъ для достиженія ея, — и они, по нашему мнѣнію, обыкновенно ошибаются. Но, по крайней мѣрѣ, эти рабочіе не переносятъ болѣе терпѣливо своего рабства, не считаютъ его справедливымъ; они надѣются и борятся. Въ этихъ рабочихъ мы съ большею легкостью можемъ разбудить чувство солидарности къ эксплуатируемымъ товарищамъ и ненависть къ эксплуатаціи, ненависть, которая неизбѣжно приведетъ къ окончательной борьбѣ за уничтоженіе господства однихъ людей надъ другими. Этихъ рабочихъ мы можемъ привести къ тому, чтобы они требовали все большаго и большаго, и все болѣе и болѣе энергичными средствами, и такимъ образомъ мы втягиваемся и втягиваемъ другихъ въ борьбу — пользуясь побѣдами, чтобы показать могущество объединенія и прямого воздѣйствія, но пользуясь также и пораженіями, которыя показываютъ намъ необходимость болѣе энергичныхъ средствъ и болѣе радикальныхъ рѣшеній. Кромѣ того — и это важно — синдикатъ можетъ приготовить тѣ профессіональныя группы рабочихъ, которыя во время революціи смогутъ предпринять организацію производства и обмѣна, внѣ и противъ всякой правительственной власти.

Но, обладая этими преимуществами, синдикальное движеніе представляетъ свои недостатки и опасности, съ которыми намъ приходится считаться, когда мы спрашиваемъ себя, какую позицію мы, анархисты, должны занять въ этомъ движеніи. Постоянный опытъ во всѣхъ странахъ намъ показываетъ, что синдикальное движеніе, будучи всегда вначалѣ движеніемъ протеста и возстанія, воодушевленное вначалѣ духомъ прогресса и человѣческаго братства, очень скоро вырождается. Чѣмъ болѣе это движеніе становится сильнымъ, тѣмъ болѣе оно дѣлается эгоистичнымъ, консервативнымъ, исключительно занятымъ повседневными, узкими интересами; оно развиваетъ въ своей средѣ бюрократію, которая, какъ и всегда, имѣетъ цѣлью лишь свою собственную устойчивость и расширеніе своихъ полномочій. Это-то явленіе и заставило многихъ изъ товарищей выйти изъ синдикальнаго движенія и даже бороться противъ него, какъ противъ чего-то реакціоннаго и вреднаго. Но результатомъ этого ухода было то, что наше вліяніе среди рабочихъ уменьшилось, и что мѣсто осталось свободнымъ для тѣхъ, кто желалъ эксплуатировать движеніе въ личныхъ интересахъ, или въ интересахъ партіи, не имѣющихъ ничего общаго съ дѣломъ рабочаго движенія. И скоро не видно стало другихъ синдикатовъ, кромѣ консервативныхъ и узкоэгоистическихъ организацій, вродѣ англійскихъ тредъ-юніоновъ, или синдикатовъ, которые, подъ вліяніемъ политиковъ — очень часто „соціалистическихъ", — обращались въ простыя избирательныя машины для подъема къ власти нѣкоторыхъ личностей. Къ счастью, другіе товарищи думали, что синдикальное движеніе всегда имѣло въ себѣ здоровый принципъ, и что, вмѣсто того, чтобы предоставить его политикамъ, — лучше заняться тѣмъ, чтобы привести эти организаціи къ ихъ первоначальной цѣли и извлечь изъ нихъ всѣ преимущества, которыя онѣ предлагаютъ анархизму. И эти товарищи успѣли создать, въ особенности во Франціи, новое движеніе, которое, подъ именемъ „революціоннаго синдикализма", старается организовать рабочихъ независимо отъ всякаго буржуазнаго и политическаго вліянія, дабы завоевать ихъ освобожденіе посредствомъ прямой борьбы противъ хозяевъ и господъ. Это, конечно, большой шагъ впередъ; но мы не должны преувеличивать его значенія и думать, какъ нѣкоторые товарищи, что мы осуществимъ анархизмъ естественно, благодаря прогрессивному развитію синдикализма. Всякое учрежденіе стремится къ расширенію своихъ функцій; оно стремится продолжиться и стать своею собственной цѣлью. Неудивительно, слѣдовательно, что инціаторы этого движенія, что тѣ, которые играютъ тамъ самую главную роль, мало-по-малу привыкли смотрѣть на синдикализмъ, какъ на равносильное анархизму, или, по крайней мѣрѣ, какъ на высшее средство, замѣняющее всѣ прочія средства, необходимыя для осуществленія анархіи.

И это заставляетъ насъ еще болѣе избѣгать опасност., и ярко опредѣлять нашу позицію. Синдикализмъ, несмотря на всѣ заявленія своихъ самыхъ ярыхъ приверженцевъ, заключаетъ въ себѣ, въ силу своихъ же функцій, всѣ элементы вырожденія, которые испортили всѣ формы рабочаго движенія въ прошломъ. Въ самомъ дѣлѣ, будучи движеніемъ защиты повседневныхъ интересовъ рабочихъ, синдикатъ долженъ неизбѣжно приспособляться къ существующимъ условіямъ, и принимать во вниманіе интересы, стоящіе на первомъ планѣ въ обществѣ, какъ оно существуетъ теперь.

Насколько интересы одной части рабочихъ совпадаютъ съ интересами всего рабочаго класса, синдикализмъ самъ по себѣ является хорошею школою солидарности; насколько интересы рабочихъ одной страны тождественны интересамъ рабочихъ другихъ странъ, синдикализмъ самъ по себѣ является хорошимъ средствомъ для развитія интернаціональнаго братства; насколько интересы даннаго момента не противорѣчатъ интересамъ будущаго, — синдикализмъ самъ по себѣ является хорошей подготовкой для революціи. Но, къ несчастью, это не всегда такъ.

Гармонія интересовъ, человѣческая солидарность — это идеалъ, къ которому мы стремимся, цѣль, за которую мы боремся, но она не существуетъ въ современномъ обществѣ даже между людьми одинаковыхъ классовъ. Антагонизмъ интересовъ и въ то же время взаимная ихъ зависимость; борьба каждаго противъ всѣхъ, и всѣхъ противъ каждаго — таково правило современнаго общества. Иначе и не можетъ быть въ существующемъ строѣ, гдѣ, благодаря капиталистическому производству, т. е. благодаря тому, что производство основано на монополіи средствъ производства и организовано международно для выгодъ нѣкоторыхъ личностей, — существуетъ, въ общемъ, больше рукъ, чѣмъ работы, больше ртовъ, чѣмъ хлѣба. Невозможно изолироваться ни индивиду, ни классу, ни націи, такъ какъ положеніе каждаго зависитъ, болѣе или менѣе непосредственно, отъ общаго положенія всего человѣчества. Невозможно жить дѣйствительно мирною жизнью, такъ какъ необходимо защищаться и часто даже нападать, если не хочешь погибнуть. Интересъ каждаго это — найти постоянное занятіе и, вслѣдствіе этого, каждый нашедшій работу находится въ антагонизмѣ съ безработными той же страны, или пришедшими изъ другихъ странъ. Каждый желаетъ сохранить за собою, или добиться лучшаго мѣста въ ущербъ всѣмъ прочимъ рабочимъ той же индустріи. Каждый заинтересованъ въ томъ, чтобы продать подороже, а купить подешевле и, слѣдовательно, какъ производитель, онъ находится въ конфликтѣ со всѣми потребителями и какъ потребитель — со всѣми, производителями.

Объединеніе, соглашеніе, солидарная борьба противъ эксплуатаціи — могутъ въ настоящее время существовать среди рабочихъ только тогда, когда воодушевленные высшимъ идеаломъ, они научились жертвовать исключительными и личными интересами въ пользу общихъ интересовъ, интересами даннаго момента — интересамъ будущаго. И этотъ идеалъ общества солидарности, справедливости и братства можетъ быть осуществленъ только путемъ разрушенія существующихъ учрежденій. Распространить среди рабочихъ этотъ идеалъ; дать преимущество широкимъ интересамъ будущаго передъ узкими и немедленными интересами; сдѣлать невозможнымъ приспособленіе къ существующимъ условіямъ, работать всегда для пропаганды и дѣйствія, которыя совершатъ революцію, — вотъ цѣли, которыя должны преслѣдовать анархисты въ синдикатахъ и внѣ ихъ.

Синдикализмъ не можетъ сдѣлать этого, или можетъ сдѣлать очень мало въ этомъ направленіи, онъ долженъ считаться съ интересами дня, и эти интересы не всегда совпадаютъ съ интересами революціи. Синдикализмъ не долженъ слишкомъ переступать границы легальности, и иногда онъ долженъ вступать въ переговоры съ хозяевами и правительствомъ. Онъ долженъ заниматься скорѣе интересами нѣкоторой части рабочихъ, чѣмъ интересами рабочихъ массъ вообще; скорѣе интересами синдикатовъ, чѣмъ многочисленныхъ безработныхъ, чѣмъ интересами рабочаго класса въ цѣломъ. Если бы синдикализмъ не дѣлалъ этого; его существованіе не имѣло бы никакого смысла, и онъ бы потерялъ свою главную пользу, которая состоитъ въ томъ, чтобы воспитать и пріучить къ борьбѣ отсталыя массы. И затѣмъ, такъ какъ въ синдикаты могутъ вступать всѣ тѣ, кто желаетъ добиться отъ своихъ хозяевъ лучшихъ условій жизни, синдикаты, какихъ бы мнѣній они ни были относительно современнаго общества, поставлены въ необходимость умѣрить свои стремленія для того, чтобы не устрашить отсталыхъ рабочихъ, которыхъ они хотятъ привлечь; потому что по мѣрѣ того, какъ синдикатъ увеличивается численно, передовыя личности, инціаторы движенія, теряются въ большинствѣ, которое исключительно занимается мелкими интересами даннаго момента. Такимъ образомъ во всѣхъ синдикатахъ, которые достигли извѣстнаго значительнаго положенія, развивается стремленіе укрѣпить — скорѣе совмѣстно съ хозяевами, чѣмъ противъ нихъ — свое привиллегированное положеніе, затруднить доступъ новымъ членамъ, и доступъ на фабрики подмастерьямъ; развивается стремленіе накоплять фонды, которые они боятся затѣмъ потратить, добиваться благосклонности правительства, всецѣло заниматься кооперативными и всевозможными другими обществами взаимопомощи, и стать въ концѣ концовъ консервативнымъ элементомъ.

Послѣ всего вышесказаннаго, мнѣ кажется яснымъ, что синдикальное движеніе не можетъ замѣнить анархическаго движенія, и можетъ только тогда служить средствомъ воспитанія и революціон-

ной подготовки, когда движеніе существуетъ благодаря вліянію, дѣйствію и критикѣ анархистовъ. Анархисты, слѣдовательно, не должны отождествляться съ синдикальнымъ движеніемъ, не должны принимать за цѣль того, что есть лишь одно изъ средствъ пропаганды и дѣйствія. Они должны оставаться въ синдикатахъ, чтобы заставлять ихъ итти впередъ и сдѣлать изъ нихъ, насколько это возможно, боевыя орудія для соціальной революціи. Анархисты должны стараться развить въ синдикатахъ все, что можетъ увеличить ихъ воспитательное значеніе, ихъ боевое настроеніе, пропаганду идей, стачки, духъ прозелитизма, недовѣріе и ненависть къ властямъ и политикамъ, солидарныя отношенія къ людямъ и группамъ, борющимся съ господами дня. Анархисты въ синдикатахъ должны бороться противъ всего того, что дѣлаетъ ихъ эгоистичными, мирными, консервативными, т. е. противъ профессіональной гордости, корпоративнаго эгоизма, большихъ взносовъ, скопленія капиталовъ, страховательныхъ отдѣловъ, довѣрія къ правительствамъ, дружественныхъ отношеній съ хозяевами, назначенія постоянныхъ и оплачиваемыхъ служащихъ-бюрократовъ. При этихъ условіяхъ участіе анархистовъ въ синдикальномъ движеніи можетъ дать хорошіе результаты,—но только при этихъ условіяхъ. Эта тактика можетъ иногда показаться, или быть дѣствительно вредной для немедленныхъ интересовъ нѣкоторыхъ группъ, но это не имѣетъ никакого значенія, когда дѣло идетъ объ анархизмѣ, т. е. объ общемъ и постоянномъ интересѣ человѣчества. Конечно, мы желаемъ, въ ожиданіи революціи, урвать у правительствъ и хозяевъ какъ можно больше свободы, улучшить насколько возможно нашу матеріальную жизнь; но мы никогда не будемъ жертвовать будущимъ изъ-за какихъ-либо немедленныхъ выгодъ. Будемъ остерегать себя отъ самихъ же себя. Пренебреженіе рабочимъ движеніемъ въ средѣ анархистовъ было большою ошибкой и сдѣлало много вреда для анархизма, но, по крайней мѣрѣ, эта ошибка оставила анархизмъ чистымъ и сохранила его отличительный характеръ. Ошибка смѣшивать анархистическое теченіе съ синдикализмомъ будетъ болѣе опасной. Съ нами случится то же самое, что случилось съ соціалъ-демократами, какъ только они вступили на путь парламентской борьбы: они выиграли въ количественной силѣ, но только—дѣлаясь съ каждымъ днемъ все менѣе соціалистами.

Мы также съ каждымъ днемъ станемъ расти въ числѣ, но перестанемъ быть анархистами.

Различныя теченія въ русскомъ анархизмѣ *)

(Докладъ рабочему интернаціональному анархистскому конгрессу въ Амстердамѣ).

Послѣ многолѣтняго перерыва анархизмъ возродился въ Россіи, *какъ рабочее, революціонное движеніе.*

Много причинъ способствовало развитію этой идеи. Съ одной стороны, подъ вліяніемъ самой жизни, появились различныя теченія революціонной мысли, которыя, несмотря на примѣси якобинско-бланкистскихъ идей, вырабатывали мало-по-малу принципы чистаго анархизма; съ другой стороны — эта идея (анархизма) кристаллизовалась, чисто стихійно, въ самихъ рабочихъ массахъ, часто помимо и даже вопреки вліянію и пропагандѣ соціально-революціонныхъ партій.

Укажемъ на нѣкоторые примѣры.

Такъ, въ центрѣ нефтяныхъ промысловъ, въ Баку, появилась цѣлая группа рабочихъ — соціалистовъ-„антипарламентаристовъ", которая приняла энергичное участіе въ возникшей всеобщей стачкѣ, примѣняя экономическій терроръ.

Этой группѣ приписывали, между прочимъ, поджоги буровыхъ вышекъ въ „Черномъ Городѣ" и Биби-Эйбатѣ (это „некультурное средство" борьбы, на языкѣ политическихъ революціонеровъ), которые причинили милліонные убытки королямъ нефтяной промышленности Нобелю, Манташеву, Ротшильду и К° и др. Аналогичныя группы возникали и въ другихъ мѣстахъ имперіи, между прочимъ среди шахтеровъ каменоугольнаго бассейна. Позднѣе, на югѣ Россіи, и затѣмъ въ западномъ краѣ, возникли полуанархическія группы такъ называемыхъ „махаевцевъ".

Впослѣдствіи онѣ присвоили себѣ названіе партіи „Рабочаго Заговора" и работали въ С.-Петербургѣ и Варшавѣ.

*) Помѣщаемый отрывокъ представляетъ собою II-ую часть доклада тов. Н. Рогдаева. Мы опускаемъ первую, какъ малоинтересную для русскихъ тов. Что же касается до III, IV и V (Анархизмъ въ Литвѣ и Польшѣ, Великороссіи, Уралѣ и Новороссіи) то онѣ будутъ помѣщены въ слѣдующихъ №№ „Буревѣстника".

Эти группы признавали *чисто анархическую тактику*, энергично пропогандируя всеобщую стачку, экономическій терроръ, массовую экспропріацію буржуазіи, рѣзко нападая на государственный соціализмъ и критикуя политическую (парламентскую) дѣятельность.

Призывая пролетаріатъ *къ насильственной классовой борьбѣ*, „махаевцы" первое время работали на руку анархическому соціализму. Что касается до ихъ идеала, конечной цѣли, то они его совершенно игнорировали *), призывая массы исключительно къ разрушительной работѣ. Какая бы ни была въ этомъ „ученіи" смѣсь бланкизма, тредъ-юніонизма и анархизма, оно для Россіи того времени было „новымъ словомъ" и сыграло не малую роль въ дѣлѣ сформированія первыхъ анархистскихъ группъ.

Многіе рабочіе видѣли въ немъ свѣжую, живительную струю — оно выводило ихъ изъ удушливой, пропитанной „политиканствомъ" атмосферы соціалистическихъ партій.

Рабочимъ-революціонерамъ нравилась рѣзкая критика государства и капитализма и нападки на интеллигенцію; они хорошо усваивали принципъ классовой борьбы „ведущій, путемъ экономическаго террора и всеобщей стачки, *къ чисто пролетарской революціи*".

Въ нѣкоторыхъ южныхъ и сѣверо-западныхъ городахъ возникаютъ полуанархистскія группы, которыя ведутъ энергичную пропаганду.

Рабочіе проводятъ здѣсь *чисто анархическую тактику* (экономическій терроръ, всеобщія стачки, саботажъ и пр.), имъ недостаетъ только цѣли, во имя которой нужно бороться; это и дастъ впослѣдствіи анархическій соціализмъ.

До сихъ поръ мы говорили объ идеологическихъ теченіяхъ; перейдемъ теперь къ чисто стихійнымъ.

На далекомъ Уралѣ среди горъ и лѣсовъ, въ уединенныхъ желѣзныхъ и мѣдныхъ рудникахъ, въ 1900 — 1901 г. г. зародилась среди рабочихъ оригинальная секта „Іеговистовъ **)"

Крестьяне рудокопы, помимо революціонной пропаганды, самостоятельно вырабатывали анархическую доктрину.

Вдохновляясь своей идеей, они совершаютъ цѣлый рядъ актовъ, направленныхъ противъ горныхъ инспекторовъ, буржуа, полицейскихъ... примѣняя для этой цѣли страшное орудіе — динамитъ, который находился у нихъ въ изобиліи, какъ средство при добываніи руды.

„Іеговисты" думали, что только истребивъ всѣхъ служителей дьявола, власть и капиталъ имущихъ, можно водворить на землѣ „царство правды" т. е. Анархію. Какъ бы ни было своеобразно это ученіе, оно цѣнно для насъ тѣмъ, что ставило ребромъ вопросъ о рѣзкой борьбѣ съ власть и капиталъ имущими.

Второй сектой, возникшей также стихійно и носившей анархическій оттѣнокъ, было наше „духоборство". Это теченіе діаметрально противуположно воинствующему „Іеговизму". Оно наоборотъ, совершенно мирное, отрицаетъ всякое насиліе, даже противъ угнетателей; они должны жить только „побожьему", отказываясь отъ уплаты податей, военной службы, въ вольныхъ, земледѣльческихъ общинахъ.

Крестьяне духоборы сжигали оружіе, отказывались идти въ армію, исполнять церковные обряды, за что ихъ жестоко преслѣдовало правительство. Всѣ вожди движенія были осуждены на каторгу, сама же масса ихъ послѣдователей сослана въ нездоровый климатъ Закавказья.

Духоборовъ всячески истязали, насиловали, что побудило большинство изъ нихъ эмигрировать сначала на островъ Кипръ, а затѣмъ въ Канаду, гдѣ они основали теперь громадную коммунистическую общину. Этой бѣглой характеристикой стихійныхъ

*) Партія „Рабочаго заговора" создалась подъ вліяніемъ пропаганды Вольскаго, бывшаго польскаго соціалиста, написавшаго извѣстную книгу „Умственный работникъ". Въ этомъ трудѣ онъ обосновываетъ свое ученіе, для котораго характерна слѣдующая особенность: враждебное отношеніе къ роли революціонной интеллигенціи. Это она навязываетъ массамъ идеалы демократіи, соціализма, анархизма. У пролетаріата же одна цѣль—борьба за равный доходъ и равное образованіе. Поэтому долой идеалы — эту религію, которая отвлекаетъ массы отъ непосредственной борьбы за конкретныя требованія. Въ будущемъ массы устроятся сами, какъ имъ будетъ угодно.

Теперь же ихъ нужно звать только къ полному разрушенію капитализма, тайно организуя революцію — „Заговоръ", — посредствомъ ряда бунтовъ, возстаній, террора, стачекъ чисто экономическаго характера. Н. Р.

**) Полу-мистическая доктрина „Іеговизма" состояла въ слѣдующемъ: міръ раздѣленъ на два типа людей „Іеговистовъ", несущихъ „божеское начало", къ которымъ причислялись всѣ бѣдные, трудящіеся люди и „сатанистовъ", — т. е. всѣхъ праздныхъ, тунеядцевъ, какъ то: поповъ, буржуа, чиновниковъ. Между ними можетъ быть одна только непримиримая борьба.

Правительство вскорѣ уничтожило эту опасную секту, сославъ ея главныхъ представителей въ каторжныя работы. Н. Р.

и идеологическихъ течений, носящихъ замѣтную анархистскую окраску и заканчиваемъ описание эпохи, предшествующей появлению въ Россiи чистаго анархизма. Въ то самое время, когда въ Россiи возникали эти теченiя, въ заграничныхъ русскихъ колонiяхъ Швейцарiи, Англiи и Францiи велась уже систематическая пропаганда коммунистическаго анархизма, и ораторы-анархисты часто выступали на многочисленныхъ митингахъ и собранiяхъ.

Небольшiя группы русскихъ и еврейскихъ эмигрантовъ анархистовъ занялись издательствомъ анархической литературы.

Напечатаны были сочиненiя П. Кропоткина Ж. Грава, В. Черкезова, Э. Реклю, М. Бакунина и мн. другiя. Изданы были также оригинальныя вещи, какъ напр. брошюры Иллашвили „Мученики Чикаго", „Революцiя и временное правительство", наконецъ книжка: „Новый походъ противъ социалдемократiи". Въ 1903 году появился первый *) анархическiй органъ: „Хлѣбъ и Воля", гдѣ сотрудничали: Кропоткинъ Черкезовъ, Иллашвили и др. авторы.

Пропаганда анархизма концентрировалась главнымъ образомъ въ Женевѣ и Лондонѣ; въ первомъ городѣ, среди русской молодежи, во второмъ — среди многочисленнаго еврейскаго пролетарiата, ютящагося въ кварталѣ Уайтчепель.

Здѣсь, между прочимъ, особеннымъ влiянiемъ пользовалась анархическая газета «Arbeiter Freind», издаваемая на картонѣ Рудольфомъ Рокеромъ.

Въ этотъ же перiодъ изданы были газеты: „Черное Знамя" и „Новый Мiръ", а также въ Парижѣ анархическiй журналъ: „Безначалiе".

Такимъ образомъ первыя ячейки будущихъ анархистскихъ группъ возникли заграницей, въ перiодъ 1900 — 1903 г. г.

Въ это время нѣкоторые товарищи-пропагандисты уѣзжаютъ въ Россiю, переправляя контрабандой первые транспорты анархической литературы. Чисто-анархическiя группы въ Россiи возникаютъ только въ началѣ 1904 года. сначала въ Одессѣ, Бѣлостокѣ и Черниговской губернiи.

Въ 1905 году анархическая пропаганда уже ведется въ слѣдующихъ пунктахъ: въ Польшѣ (Варшава), на Кавказѣ (Кутаисъ), въ Новороссiи и Украинѣ (Кiевъ, Житомiръ, Екатеринославъ), въ нѣкоторыхъ городахъ Великороссiи, какъ напр. Москвѣ и С. Петербургѣ и даже въ отдаленномъ концѣ Урала, Екатеринбургѣ.

Мало по малу движенiе охватываетъ новые районы и въ короткое время анархисты, въ разныхъ концахъ имперiи, насчитываютъ много группъ съ значительнымъ числомъ участниковъ. Первое время пропаганда ведется исключительно среди индустрiальнаго пролетарiата и отчасти крестьянства, въ послѣднее же время она проникаетъ въ среду солдатъ, учащейся молодежи и люмпенъ-пролетарiата.

Мы еще раньше говорили, что анархизмъ проникъ въ Россiю слишкомъ поздно. Страна уже переживала бурное время революцiи... Волны ея вздымались все выше и выше. Всюду вспыхивали бунты, демонстрацiи, стачки.

Захваченные вихремъ событiй, пiонеры-анархисты не успѣвали удѣлять много силъ пропагандѣ и тратили ихъ главнымъ образомъ на боевыя цѣли. Только когда открылась „эра свободъ" и всюду въ странѣ начались многочисленные митинги, куда стекались всѣ классы населенiя, ораторы анархисты выступали передъ широкой аудиторiей, вызывая своими рѣчами симпатiи однихъ и жгучую ненависть другихъ.

Не довольствуясь заграничной литературой, анархисты „явочнымъ порядкомъ" переиздаютъ многочисленныя брошюры Кропоткина, Грава, С. Фора, Д. Ньювенгейса, Малатеста и прочихъ теоретиковъ.

Выходитъ также масса листковъ, серiя книгъ по вопросамъ революцiоннаго синдикализма, всеобщей стачки, парламентаризма, какъ то Пьеро, Пуже, Нахтъ, Фридебергъ, Пеллутье, Новомiрскiй. Создается богатая литература, которая даетъ возможность познакомиться съ нашимъ ученiемъ.

Раньше анархизмъ для „широкой публики" былъ книгой за семью печатями, и она знакомилась съ нимъ исключительно по трудамъ „научныхъ социалистовъ" Энгельса, Ферри, Бебеля, Плеханова и др. Чтобы удовлетворить громадный спросъ на наши листки, мы организуемъ цѣлый рядъ тайныхъ типографiй. Однѣ изъ нихъ арестовываются, но возникаютъ другiя.

*) Мы говоримъ „первый органъ", потому что полу-анар. и анархическiя газеты не выходили въ Россiи послѣднiе 20 лѣтъ. Органы же, какъ „Работникъ", „Община", „Народное Дѣло", „Земля и Воля", „Народная Расправа", издававшiеся въ 70 годахъ народниками—„бакунистами" давно уже стали библiографической рѣдкостью. Тоже можно сказать о сочиненiяхъ М. Бакунина, З. Ралли и другихъ.

Н. Р.

Такъ, въ перiодъ 1904 — 1906 годовъ функцiонировали слѣдующiя типографiи анархистовъ-коммунистовъ: „Анархiя" въ Бѣлостокѣ, „Группы общинниковъ" въ С. Петербургѣ, „Непримиримыхъ" въ Одессѣ, „Набатъ" въ Черниговской губернiи, „Безвластiе" въ Минскѣ, „Интернацiоналъ" въ Варшавѣ и Ригѣ, „Коммуна" на Кавказѣ, въ Ялтѣ „Гидра", затѣмъ тип. въ Екатеринославѣ и другiя.

Кромѣ того всюду распространялись прокламацiи, изданныя въ общей типографiи „федеративныхъ группъ анархистовъ-коммунистовъ."

Благодаря проваламъ собственныхъ типографiй съ одной стороны и все увеличивающейся потребности въ листкахъ съ другой, приходилось печатать еще такъ называемымъ „захватнымъ правомъ". Оно состояло въ слѣдующемъ: организовывалась группа въ 8 — 10 человѣкъ, вооруженныхъ револьверами и бомбой и, намѣтивъ какую либо буржуазную типографiю, завладѣвали ею.

Захватить телефонъ, арестовать хозяина, поставить часовыхъ у входа — было, обыкновенно, дѣломъ нѣсколькихъ минутъ.

Подъ угрозой хозяинъ приказывалъ своимъ рабочимъ набирать анархическiя прокламацiи и товарищи, уплативъ за работу наборщикамъ, благополучно уходили, нагруженные листками.

Боясь мести со стороны анархистовъ хозяинъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ заявлялъ объ этомъ полицiи. Аналогичныхъ случаевъ было много; мы знаемъ таковые въ Екатеринославѣ, Вильно, Одессѣ, Тираспольѣ Херсонской губернiи и др.

Вполнѣ естественно, что политическiя партiи встрѣтили появленiе въ Россiи анархистовъ-коммунистовъ крайне враждебно; онѣ распускали про анархистовъ различныя клеветы и небылицы съ цѣлью отвлечь отъ нихъ рабочiя массы. Эти клеветническiя выходки слишкомъ хорошо извѣстны нашимъ западно-европейскимъ товарищамъ, противъ которыхъ онѣ уже неоднократно направлялись, чтобы на нихъ стоило останавливаться. Анархистовъ величали „провокаторами" социальной революцiи; нѣкоторые особенно усердные, какъ польскiе социалисты и армянскiе „дрошакисты" шли дальше и становились прямо на сторону реакцiи, разстрѣливая „за грабежъ", во время стачекъ и бунтовъ, рабочихъ анархистовъ. Такъ поступали „революцiонные трибуналы" въ Варшавѣ и Баку; такъ поступили недавно съ нашимъ товарищемъ Витманскимъ въ Ченстоховѣ. Онъ былъ „казненъ" буржуазными революцiонерами по обвиненiю въ „экспропрiацiи".

Къ счастью эта военно-полевая тактика не практиковалась россiйскими социалистами, и они боролись съ нами исключительно на „идейной" почвѣ.

Такимъ образомъ, анархисты, съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности, очутились между двухъ огней: справа было самодержавiе—слѣва политическiя партiи; борьба велась на два фронта.

Царское правительство встрѣтило анархизмъ крайне сурово: оно сразу обрушилось на него рядомъ репрессiй.

Заподозрѣнныхъ въ причастности къ анархистамъ арестовывали, сажали въ тюрьмы, ссылали въ Сибирь, иногда подвергали жестокимъ пыткамъ и истязанiямъ, подобнымъ тѣмъ, которыя совершали турецкiе палачи надъ македонскими революцiонерами, или испанскiе инквизиторы въ знаменитой тюрьмѣ Монжуихъ.

Противъ анархистовъ всѣ средства были дозволены; послѣ пытокъ, ихъ обыкновенно разстрѣливали; такъ было въ Варшавѣ, Ригѣ и др. городахъ.

Крайне критическое положенiе анархистовъ, подъ которыми вѣчно висѣла угроза погибнуть, погибнуть безслѣдно, не завоевавъ еще симпатiи массъ, не познакомивъ ихъ со своей идеей, создавало среди нихъ лихорадочное настроенiе.

Всѣ товарищи доводили „активизмъ" до крайняго предѣла; хотѣлось заявить объ анархизмѣ громче и рѣшительнѣе, чтобы голосъ его былъ услышанъ пролетарiатомъ.

Предстояла разносторонняя работа; анархистамъ нужны были громадныя средства для постановки типографiй, лабораторiй, организацiи транспортовъ литературы, содержанiя нелегальныхъ работниковъ, наконецъ, вооруженiя широкихъ массъ, въ виду надвигающейся революцiи. Гдѣ взять эти средства? На кого разсчитывать? На рабочихъ? Но, вначалѣ, они еще не были знакомы съ анархизмомъ, къ тому же изнуренные безработицей и кризисами, не могли оказывать матерiальной поддержки нашему движенiю.

Что же касается до буржуазной интеллигенцiи, то намъ надѣяться на нее было бы по меньшей мѣрѣ, наивнымъ.

Оставалось одно: мечтать о томъ времени, когда у насъ будутъ средства и возможность работать. Но анархисты коммунисты не могли ограничиваться мечтанiемъ, они стремились къ дѣйствiю...

Не имѣя типографiй, они печатали листки „захватнымъ правомъ", не имѣя динамита и своихъ лабораторiй — они похищали его въ Донецкихъ рудникахъ и на Уралѣ.

Этого было мало; и вотъ, у группъ созрѣла идея пріобрѣтать деньги конфискаціей ихъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ и у крупной буржуазіи. Настаетъ эра „экспропріацій" т. е. вооруженныхъ нападеній на представителей Государства и Капитала.

Мартирологъ погибшихъ во время этихъ нападеній громаденъ: многіе товарищи пали при сопротивленіи, многіе казнены по приговорамъ военно-полевыхъ судовъ.

Часто „экспропріаціи" совершали и политическія партіи (даже социалдемократы, какъ это было въ Москвѣ, Уфѣ, Квирилахъ въ Грузіи), а также, частныя лица, прикрываясь иногда именемъ анархизма.

Чтобы отмежеваться отъ нежелательныхъ формъ, которыя принимали иногда подобныя „экспропріаціи"—анархисты-коммунисты выпускали заявленія, гдѣ сообщали, что они признаютъ 1) „экспропріаціи у крупныхъ буржуа и Государства; 2) что эти „экспропріаціи совершаются на нужды революціи, притомъ въ формѣ вооруженныхъ нападеній; 3) что анархисты не смотрятъ на нихъ, какъ на тактику, разрушающую капиталистическое общество *) и 4) что, наконецъ, во избѣжаніе спекуляцій въ будущемъ, они будутъ опубликовывать заявленіе по поводу каждой конфискаціи, совершенной группой.

Первой поступила такъ „группа рабочихъ анархистовъ-коммунистовъ" г. Екатеринослава, которая, организовавъ многотысячный митингъ Трубнаго завода и желѣзнодорожныхъ мастерскихъ приняла резолюцію, протестующую противъ злоупотребленій именемъ анархизма.

Всѣ присутствовавшіе рабочіе поддержали этотъ протестъ.

Прежде чѣмъ перейти къ исторіи группъ въ отдѣльныхъ районахъ и ихъ дѣятельности, остается сказать нѣсколько словъ по поводу теченій, существующихъ въ русскомъ анархизмѣ.

Мы уже упоминали раньше о женевской группѣ, издававшей газету „Хлѣбъ и Воля". Группа по духу очень напоминаетъ французскій органъ анархистовъ «Révolte».

Программа и принципы „хлѣбовольцевъ" тѣ же, что и у интернацональго анархизма „бакунински-кропоткинскаго" направленія.

Это синдикалистское теченіе въ нашемъ движеніи; оно имѣетъ въ Россіи и заграницей самую богатую литературу: въ Швейцаріи и Лондонѣ были изданы различныя брошюры и 24 №№ журнала „Хлѣбъ и Воля".

Въ послѣднее время заграницей издавались два органа, родственнаго направленія одинъ: „Листки Хлѣбъ и Воли" (18 №№), болѣе правые, и „Буревѣстникъ" (7 №№), носившій первое время форму вольно-дискуссіоннаго органа.

Въ Россіи „хлѣбовольцы" имѣли свои издательства: въ Москвѣ, группа „Свобода", въ Тифлисѣ, группа „Рабочій", а также различными фирмами былъ изданъ рядъ мелкихъ брошюръ и два большихъ сборника „Хлѣбъ и Воля", „Черное знамя", чисто „хлѣбовольческаго" направленія.

Приверженцы группы „Хлѣбъ и Воля" работали главнымъ образомъ, на Сѣверѣ Россіи, Уралѣ, въ Черниговской губ., на Кавказѣ, отчасти въ Новороссіи и нѣкоторыхъ городахъ Литвы.

Родственная имъ, въ своемъ отношеніи къ безпартійному движенію, была группа „Новый Міръ", которая, въ опубликованной ею программѣ „Южно-Русскихъ Анархистовъ-Синдикалистовъ" высказывалась рѣзко противъ „безмотивнаго террора" (т. е. метанія бомбъ въ кофейни, театры, рестораны и пр. мѣста сборищъ буржуазіи) и призывала тов. къ организаціи тайныхъ синдикатовъ. Эти тайные синдикаты должны входить въ открытые безпартійные профессіональные союзы съ цѣлью пропаганды анархическихъ идей и борьбы съ тѣми политическими теченіями, которыя стремятся подчинить движеніе пролетаріата и эксплуатировать его въ интересахъ политической „избирательной борьбы" т. е. съ социалистами-государственниками.

Группа „Новый Міръ", работавшая главнымъ образомъ въ Одессѣ и отчасти въ Кіевѣ и Кривомъ Рогѣ (рудники Хер. губ.), обосновала первоначально свои принципы на чисто марксистской философіи; она издала одинъ номеръ журнала: „Новый Міръ" и недавно выпустила въ Одессѣ номеръ газеты: „Вольный Рабочій".

*) Правда, въ Россіи существовали анархисты возводившіе „экспропріацію" въ тактику. Аналогичное теченіе намѣчалось въ гр. „Безначаліе", работавшихъ въ Кіевѣ и Петербургѣ. Доводя эту идею до абсурда, нѣкоторые „безначальцы" рекомендовали пролетаріямъ бросать работу на заводахъ и жить исключительно личными экспропріаціями". Была еще въ Одессѣ группа „Черный Воронъ", совершившая рядъ дерзкихъ нападеній и грабежей. Но она не имѣла никакого отношенія къ идейному анархизму. Это были просто „бомбисты-экспропріаторы", за которыми нельзя отрицать только одного: безумной отваги при нападеніяхъ, напоминающей „бандитовъ-ножевиковъ" Южной Италіи. Что же касается до ежедневно совершаемыхъ въ Россіи мелкихъ грабежей и „экспропріацій", то это въ большинствѣ случаевъ дѣло безработныхъ. Кризисъ и перспектива голодной смерти заставляютъ ихъ добывать хлѣбъ столь рискованнымъ способомъ. Н. Р.

Кромѣ того ею изданы брошюры: „Манифестъ анархистовъ-коммунистовъ" и „Основы синдикальнаго анархизма".

Есть еще въ Россіи анархисты-коммунисты, являющіеся антисиндикалистами; одни изъ нихъ чистые антисиндикалисты и противники всякой борьбы за конкретныя требованія массъ; другіе—менѣе послѣдовательны и отрицаютъ только легальный безпартійный синдикализмъ, а также смотрятъ на борьбу за экономическія частичныя требованія, какъ на „печальную необходимость".

Первые—сторонники груп.: „Безначаліе"; вторые—„Чернагознамени". Разберемъ ихъ положенія. Начнемъ съ „безначальцевъ". Формулируя свои взгляды, они рѣзко выступаютъ противъ всякого профессіональнаго движенія и опираются, главнымъ образомъ, на безработныхъ и люмпенпролетаріатъ.

Съ ихъ помощью, они надѣются организовать „мятежныя шайки" для террористической, партизанской борьбы, разрушающей одновременно Капиталъ и Государство.

По ихъ мнѣнію, не нужно никакой борьбы ни за сокращеніе рабочаго дня, ни за повышеніе заработной платы: рабочія массы уже и безъ того погрязли въ болотѣ „конкретныхъ требованій".

Задача же анархистовъ-вызвать въ массахъ бурную революцію, ведущую къ полному разрушенію государственно-капиталистическаго строя. Рабочій классъ долженъ предъявить буржуазіи одно требованіе: *перестать существовать*, ибо „смерть буржуазіи есть жизнь рабочихъ". Заграницей „безначальцы" издали и ввезли въ Россію рядъ брошюръ, какъ напр. Бидбея: „Тупорылы" и „Люциферъ" (сатиры на с-д.) Дерябина „За землю и волю", Ростовцева „Къ крестьянамъ" и „Наша тактика", наконецъ 4 №№ журнала „Безначаліе".

Недавно еще изданъ номеръ газеты того же направленія, на польскомъ и еврейскомъ языкахъ: „Революціонный Голосъ".

До настоящаго времени сколько нибудь активно это направленіе въ Россіи не проявлялось.

Существовало оно въ анархическихъ группахъ въ Кіевѣ, С-Петербургѣ, Варшавѣ, и отчасти Минскѣ и Тамбовѣ.

Надо замѣтить, что это теченіе далеко не новое въ русскомъ анархизмѣ. Достаточно вспомнить газету „Народная расправа", С. Нечаева, чтобы увидѣть, что, безначальцы", за нѣкоторыми новшествами, хотѣли просто реставрировать „нечаевскій анархизмъ" въ которомъ удивительно переплетались идеи чистаго „бакунизма" съ различными переживаніями „бланкизма".

Пріидя, въ 70-ые годы, въ соприкосновеніе съ дѣйствительностью, это теченіе потерпѣло полное фіаско: тоже случилось съ нашими „безначальцами" теперь. Чистыхъ группъ ихъ направленія въ настоящее время въ Россіи, мы не знаемъ.

Второе „анти-синдикалистское" теченіе группировалось сначала вокругъ органа „Черное Знамя", потомъ — возлѣ „Бунтаря"*).

Правда, у этого направленія совершенно отсутствуетъ литература, но зато оно проявило себя цѣлымъ рядомъ анти-буржуаныхъ актовъ, причемъ характерными среди нихъ являются такъ называемые „безмотивные".

Подобныя выступленія анархистовъ имѣли мѣсто и въ Западной Европѣ. Достаточно вспомнить взрывы бомбъ въ кафе, въ театрахъ „Белькуръ" и „Лицео", многочисленные акты и покушенія въ Бельгіи, и наконецъ террористическіе акты Лотье и Луиджи Луккени.

Русскими „безмотивниками"—гр. „Чернаго Знамени" были совершены два покушенія—въ кофейнѣ Либмана въ Одессѣ и ресторанѣ „Бристоль" въ Варшавѣ.

„Безмотивный терроръ" примѣнялся противъ буржуа не за какіе либо отдѣльныя поступки послѣдняго, а исключительно за принадлежность къ классу паразитовъ — эксплуататоровъ. Эту тактику „чернознаменцы" особенно рекомендуютъ рабочему классу.

Путемъ такихъ дѣйствій, они думаютъ обострить классовую борьбу противъ всѣхъ властвующихъ и угнетающихъ.

Острая безработица и кризисъ, виновниками которыхъ являлись привиллегированные классы, создавали среди пролетаріата настроеніе, вызвавшее симпатію къ актамъ, поражающимъ буржуа „en masse".

Второй особенностью „черно-знаменскаго" направленія является рѣзко-критическое отношеніе къ участію анархистовъ въ безпартійныхъ профессіональныхъ союзахъ, которые пріучаютъ рабочихъ къ легализму и исключительной борьбѣ за минимальныя требованія (какъ 8-часовой рабочій день, воскресный отдыхъ и проч.). Заявляя, что анархисты-коммунисты должны вести чисто классовую борьбу, не обращая вниманія на какое бы то ни было „смягченіе" государственныхъ формъ (будь это даже демократическая республика),—они признаютъ только насильственно-революціонную тактику.

*) Того и другого органа вышло пока по одному номеру.

Сторонники „Чернаго Знамени“ сходятся съ партіей „Рабочаго Заговора“ во взглядѣ на роль революціонной интеллигенціи.

Отрицательно относясь къ западно-европейскому анархизму, они упрекаютъ товарищей (особенно нѣмецкихъ и французскихъ) въ оппортюнизмѣ и половинчатости, въ расплывчатости и гуманитаризмѣ, и, часто ссылаясь на Бакунина и Моста говорятъ, что современные европейскіе анархисты не примѣняютъ классовой тактики революціоннаго анархизма, легализируясь и размѣниваясь на частности, какъ то: анти-клерикализмъ, синдикализмъ, нео-мальтузіанство, антимилитаризмъ и пр.

„Черно-Знаменцы“ всегда работали вмѣстѣ съ другими фракціями анархизма и лишь въ послѣднее время выдѣлялись въ самостоятельныя группы. Причиной тому послужило разногласіе по вопросу объ участіи въ автономномъ профессіональномъ движеніи. Работая во имя чисто анархическихъ профессіональныхъ союзовъ и *притомъ непремѣнно тайныхъ*, — они къ другимъ формамъ рабочаго движенія, какъ тредъ-юніонизмъ и революціонный синдикализмъ, относятся безусловно отрицательно.

Въ 1906 году въ рядахъ „Черно-Знаменцевъ“ намѣчалось два типа работниковъ: индивидуальные террористы „безмотивники“ и „коммунары“.

Первые готовились вести исключительно анти-буржуазную борьбу путемъ индивидуальныхъ покушеній; вторые стремились дополнить ее частичнымъ возстаніемъ, во имя провозглашенія въ селахъ и городахъ Анархическихъ Коммунъ.

„Коммунары“ говорили приблизительно слѣдующее: пусть эти коммуны возникнутъ въ одномъ районѣ, пусть даже погибнутъ, блеснувъ какъ яркій метеоръ — сами попытки не пропадутъ безслѣдно. Глубоко запавъ въ душу рабочаго, онѣ заставятъ его снова и снова подняться во имя торжества пролетарскаго идеала“.

Въ Россіи, однако, это теченіе имѣло очень мало послѣдователей; они концентрировались главнымъ образомъ въ Новороссіи и Зап. Краѣ, гдѣ работали вмѣстѣ съ другими фракціями, чистыя группы ихъ существовали только въ Варшавѣ, Одессѣ и Бѣлостокѣ.

Заканчивая этотъ бѣглый очеркъ, остается сказать нѣсколько словъ о другихъ направленіяхъ въ анархизмѣ, которыя у насъ существуютъ подъ именемъ „индивидуалистическаго“ анархизма.

Этотъ послѣдній ничѣмъ себя не проявилъ въ революціонной борьбѣ; онъ былъ представленъ небольшими кружками литераторовъ и отдѣльныхъ лицъ, издававшихъ переводы сочиненій Штирнера, Туккера, Макэя, а также оригинальныя брошюры, какъ „Анархическій Индивидуализмъ“ Ивоитна, 2 сборника „Индивидуалистъ“, „Новое направленіе въ анархизмѣ“ Л. Чернаго, „Общественные идеалы современнаго человѣчества“ А. Боровова. Сторонники „индивидуалистическаго анархизма“ были въ Москвѣ, Кіевѣ и С.-Петербургѣ.

Кромѣ того въ С.-Петербургѣ еще существовалъ кружокъ т. н. „мистическихъ анархистовъ“, которые издавали литературные сборники и свой журналъ.

Наконецъ, послѣдователи ученія Л. Толстого иногда называющіе себя „христіанскими анархистами“, составляютъ тоже одно изъ теченій въ русскомъ анархизмѣ; они имѣютъ обширную литературу и одно время издавали въ Лондонѣ, подъ редакціей В. Черткова, журналъ „Свободное слово“.

Въ жизни „толстовцы“ проявили себя постольку, поскольку опирались на различныя раціоналистическія секты, существующія въ русскомъ крестьянствѣ, какъ духоборы, штундисты и др. Нѣкоторые изъ нихъ проявили себя индивидуальными отказами отъ военной службы; другіе занимались главнымъ образомъ культурнической дѣятельностью, основывая маленькія земледѣльческія коммуны.

Таковы различные оттѣнки русскаго анархизма.

Въ нашемъ докладѣ мы останавливались исключительно *на рабочемъ и революціонномъ анархизмѣ*; дѣлая подсчетъ приверженцамъ, мы можемъ сказать, что они преобладали преимущественно на Югѣ Россіи, Кавказѣ, Польшѣ и Литвѣ, гдѣ, въ послѣдніе годы ведется наиболѣе острая и рѣшительная борьба.

И. Рогдаевъ.

---

11 Ноября *).

Вотъ уже 20 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ Чикаго казнили пятерыхъ нашихъ товарищей: Парсонса, Шписа, Фишера, Шваба и Энгеля, пятый — Лингъ самъ убилъ себя въ надеждѣ спасти этимъ своихъ товарищей, а двое —, Небе и Фильденъ были приговорены къ каторжной работѣ.

Годы проходятъ. Много погибло съ тѣхъ поръ героевъ въ великой борьбѣ за освобожденіе народа, а между тѣмъ, до сихъ поръ рабочіе вспоминаютъ съ особою любовью этихъ Чикагскихъ мучениковъ.

Они признали ихъ, *своими*.

Народъ отмѣтилъ ихъ какъ *своихъ мучениковъ*.

Почему? Не за то, конечно, что они пустили бомбу въ полицію, бросившуюся разгонять расходившійся уже митингъ, и убили семерыхъ полицейскихъ.

Всѣ знаютъ теперь, что никто изъ казненныхъ въ Чикаго бомбы не бросалъ; что митингъ былъ созванъ безъ оружія и уже расходился, когда на него напала полиція. Всѣ знаютъ, что казненные товарищи стояли со своими женами возлѣ телѣги, съ которой только что говорили, когда, въ совершенно другомъ мѣстѣ, изъ аллеи одного дома была брошена бомба.

Судъ, полиція и синдикатъ богатыхъ капиталистовъ требовали казни анархистовъ — всѣ прекрасно это знали. Но они требовали казни Парсонса, издателя „Alarm“, Шписа, издателя „Arbeiter Zeitung“, и ихъ ближайшихъ друзей, Фишера, Линга и Энгеля.

— *Почему?* — Потому что они знали, что эти люди *поняли истинную сущность рабочаго движенія, что они всѣмъ сердцемъ, отдались ему*, и жизнь свою посвятили на то, чтобы въ великое *рабочее* движеніе внести *соціалистическую мысль* съ одной стороны, и *боевой характеръ* — съ другой.

„*Идея — въ головѣ, и пуля въ ружьѣ*“, какъ выразился на нашемъ Ліонскомъ процессѣ рабочій Борда.

Возьмите ихъ рѣчи на судѣ. Возьмите ихъ статьи изъ „Arbeiter Zeitung“ и изъ „Alarm“, перепечатанныя въ сборникѣ: „The Chicago Anarchists“.

Возьмите каждое слово, сказанное ими передъ смертью — вездѣ, во всемъ поражаетъ это чувство:

Они живутъ за одно съ рабочимъ народомъ.

Они отождествляютъ себя съ нимъ.

Они — не предводители, даже не руководители. Каждый изъ нихъ — не болѣе, какъ *единица среди всѣхъ*.

Въ нихъ нѣтъ ни капли *демократическаго аристократизма*, котораго мы столько видимъ теперь.

Съ тѣхъ поръ, какъ *рабочій* Интернаціоналъ перестал существовать, этого рода аристократизмъ все больше и больше развивается, въ соціалистическомъ движеніи.

Насколько онъ развитъ среди соціальдемократіи, гдѣ рабочій, усвоившій нѣсколько брошюрокъ, уже подражаетъ своимъ „главарямъ“ и, какъ они, смотритъ свысока на другихъ рабочихъ — насколько это развито во всѣхъ политическихъ партіяхъ, вы это знаете.

Но — не составляетъ ли это тоже аристократизмъ, когда среди *нашихъ* товарищей мы встрѣчаемъ отношеніе свысока къ рабочимъ массамъ за ихъ покорность, за ихъ неподвижность?

Не есть ли это тоже аристократизмъ держаться вдалекѣ отъ рабочихъ массъ?

Жить своею особенной жизнью, — жизнью партій или кружковыхъ конспирацій?

Вѣрить, что мы, немногіе, своими кружками, своими единичными поступками, или даже своею одинокою смертью, произведемъ или вызовемъ революцію.

Основною мыслью Интернаціонала было слѣдующее: — „Кто бы ты ни былъ: рабочій или буржуа, тогда только ты достоинъ быть членомъ Интернаціонала, когда ты живешь среди рабочихъ:

„Живешь ихъ жизнью:

„волнуешься ихъ интересами, интересуешься *своимъ ремесломъ*:

и когда твои помыслы идутъ не на то, что ты будешь дѣйствовать самъ по себѣ, — не совѣтуясь съ рабочими товарищами, а *пойдешь въ толпѣ противъ общаго врага* — въ толпѣ, которая тебя знаетъ и любитъ, *какъ товарища*; и если уже придется тебѣ погибнуть, то погибнешь ты въ *этой толпѣ*, среди безымянныхъ героевъ.

„Ты хочешь отдать свою жизнь для освобожденія народа, *такъ живи его жизнью*.

„Народъ тогда только признаетъ тебя *своимъ*, когда ты *своею жизнью* докажешь, что ты отдался дѣлу, какъ дитя толпы, а не какъ офицеръ, который тоже можетъ совершить великій подвигъ на войнѣ, но всегда *желаетъ выдѣлиться изъ толпы, смотритъ на нее свысока*“.

Такъ говорили въ Интернаціоналѣ. И такъ поняли свой долгъ Шписъ, Парсонсъ, поэтъ Фишеръ и всѣ они.

За это ихъ любитъ и помнитъ народъ.

---

*) Это письмо товарища П. А. Кропоткина было прочтено на рабочемъ митингѣ въ Лондонѣ въ день годовщины казни анархистовъ въ Чикаго.

Я понимаю отчаяніе тѣхъ, которые, видя косность, неподвижность, рабство массъ, выдѣляются въ свое гордое одиночество и говорятъ себѣ: „Пусть *они* рабствуютъ: *я* возстану противъ ихъ кумировъ: государства, собственности, церкви и т. д." Говорятъ, и приводятъ въ дѣйствіе свои слова и гордо гибнутъ на эшафотахъ.

Я понимаю ихъ. *Но этого мало! Этого мало, товарищи!*

Ихъ примѣръ, — скажете „увлечетъ другихъ".

Но кто вы такой, чтобы народъ послѣдовалъ за нами?

Тысячи и тысячи мучениковъ погибло въ человѣчествѣ за великія идеи, политическія, религіозныя и соціальныя.

Но народъ понялъ *только* тѣхъ, кто раньше, чѣмъ принять мученическій вѣнецъ, жили съ нимъ, съ народомъ, дѣлили его хлѣбъ; его мрачную жизнь, его надежды, его радости и горе".

Изо всѣхъ героевъ французской революціи, народъ любилъ одного — Марата, — и пошелъ за нимъ, когда онъ дважды позвалъ народъ Парижа къ оружію.

Почему? Потому что Маратъ, какъ только началась революція, посадилъ себя на хлѣбъ и воду, жилъ и скрывался *среди народа;* и жилъ онъ *мыслями народа,* а не тѣхъ, кто считалъ себя умственными руководителями революціи.

Товарищи! Помните это:

Безъ народа не можетъ быть революціи.

Только народъ — не отдѣльныя личности, хотя бы ихъ было тысячи героевъ, только народъ можетъ совершить такое великое, громадное дѣло, какъ революція. *Только народу — она по силамъ.*

Отдѣльная же личность, если она отдѣлится отъ народа и пойдетъ въ одиночку, сама подрѣжетъ свои силы.

Наши Чикагскіе товарищи поняли это.

Они отдали свои жизни на *организацію* рабочихъ массъ, въ *ихъ* рабочихъ союзахъ.

И дѣлая это, они вдохновляли эти рабочіе союзы революціоннымъ соціалистическимъ идеаломъ.

И когда среди рабочихъ союзовъ появилась мысль о *всеобщей стачкѣ,* они, зная всѣ слабости рабочихъ, немедленно отдались всѣми силами, дѣлу всеобщей стачки.

Но, зная также всю злобу хозяевъ, они поняли, что всеобщая стачка должна необходимо привести къ вооруженному столкновенію. И понявъ это, они стали *организовывать военную защиту рабочихъ, они формировали ихъ въ боевые отряды и вооружали ихъ.*

Вотъ чего не простила имъ буржуазія. Вотъ за что ихъ казнили.

И вотъ за что ихъ полюбилъ рабочій народъ.

И вотъ чего онъ, уже 20 лѣтъ, напрасно ждетъ отъ соціалистовъ.

П. Кропоткинъ.

ЗАГРАНИЧНАЯ ХРОНИКА.

Антверпенская забастовка.

Разгрузка хлѣба въ портахъ — одна изъ самыхъ трудныхъ физическихъ работъ. Выдѣленіе особой пыли изъ хлѣбныхъ зеренъ разрушительно дѣйствуетъ на человѣческій организмъ и доккеры вынуждены закрывать ротъ и носъ во время работы. Никакія предосторожности не спасаютъ однако доккеровъ отъ опухлостей, начинающихъ очень быстро гноиться. И за такую адскую работу доккеръ получаетъ 5 франковъ въ день, причемъ работа бываетъ только три или четыре раза въ недѣлю.

15-го іюня сего года Антверпенскіе доккеры потребовали увеличеніе заработной платы до 6 франковъ въ день. Требованія не были удовлетворены и доккеры объявили забастовку.

Послѣ трехдневной забастовки хозяева вынуждены были капитулировать и рабочіе получили полное удовлетвореніе. Со скрежетомъ зубовнымъ была сдѣлана эта уступка и „Морская Федерація"—такъ называется союзъ хозяевъ — обѣщала отомстить рабочимъ за ихъ побѣду.

Дѣйствительно, Антверпенскіе буржуа своего обѣщанія не забыли! 12-ое августа въ антверпенскій портъ прибыли 1200 англійскихъ рабочихъ, набранныхъ и присланныхъ союзомъ лондонскихъ хозяевъ „Shipping Federation". Слѣдующимъ пароходомъ прибыло еще 700 человѣкъ.

И тѣ, и другіе пріѣхали на слѣдующихъ условіяхъ: 37 фр. 50 с. въ мѣсяцъ, пища, пиво и сигары. „Морская Федерація" согласилась платить англичанамъ гораздо дороже чѣмъ антверпенскимъ рабочимъ, даже послѣ удовлетворенія требованій этихъ послѣднихъ, не безъ основаній. „Федерація" великолѣпно знала роль, которую сыграютъ эти „желтые" въ дальнѣйшихъ событіяхъ въ Антверпенѣ и поэтому наняла англійскихъ портовыхъ рабочихъ, представляющихъ собой настоящихъ, безсознательныхъ скотовъ, ведущихъ самый грубый, невзыскательный образъ жизни.

Со дня прибытія англичанъ, въ Антверпенскомъ порту начинается борьба между рабочими и хозяевамй, отчаянная борьба двухъ классовъ, на нѣкоторое время далеко переходящая рамки заработной платы, лишняго франка въ день.

Вызовъ, брошенный „Морской Федераціей" принятъ рабочими и доккеры пускаютъ въ ходъ энергичнѣйшій савботажъ. Не остаются безъ должнаго вниманія и прибывшіе штрейкбрехеры. Изъ подъ англичанина, подымавшагося по лѣстницѣ съ грузомъ на плечахъ, невидимая, ловкая рука вырываетъ эту самую лѣстницу и онъ летитъ въ глубь парахода. На голову другого англичанина, работающаго въ нижнихъ трюмахъ парахода, „случайно". падаютъ нѣсколько тяжелыхъ, наполненныхъ зерномъ, мѣшковъ.

Черезъ нѣсколько дней добрая половина прибывшихъ англичанъ оказывается израненными, а виновниковъ никакъ не могутъ найти. Положеніе англичанъ становится невыносимымъ и они начинаютъ громко высказывать свое сожалѣніе о пріѣздѣ...

При такихъ условіяхъ въ антверпенскомъ порту объявляется всеобщая забастовка. Къ ней примыкаютъ 15 тысячъ человѣкъ.

Эта забастовка является дѣломъ отнюдь не дирижеровъ рабочаго движенія, которые при каждомъ удобномъ случаѣ совѣтовали возобновить работу, вести себя спокойно и, боже сохрани! употреблять какое либо насиліе... Слѣдствіе ихъ вмѣшательства и поведенія было, что еще въ самомъ началѣ забастовки произошло нѣсколько непріятныхъ инцидентовъ. Такъ, подъ ихъ вліяніемъ, — правда, еще и подъ вліяніемъ воззванія „Морской Федераціи" — нѣсколько сотъ доккеровъ согласились приняться за работу на старыхъ условіяхъ, предложенныхъ союзомъ хозяевъ. Въ тотъ же день этимъ дирижерамъ удалось „побѣдить" революціонеровъ на большомъ собраніи и уговорить еще нѣсколько сотенъ рабочихъ прекратить забастовку. Но когда эти рабочіе прибыли въ портъ работать, бастующимъ доккерамъ удалось урезонить ихъ и они снова примкнули къ забастовкѣ.

„Морская Федерація" съ своей стороны дѣлала все, чтобы сломить стачку. Она пустила въ ходъ всѣ имѣющіяся въ ея распоряженіи средства и, убѣдившись въ непоколебимости забастовавшихъ, объявила *всеобщій локаутъ* антверпенскимъ доккерамъ.

Этотъ шагъ не только сильнѣе озлобилъ рабочихъ, но еще больше объединилъ ихъ на почвѣ братской солидарности и борьбы. Пассивная забастовка переходитъ въ активную, въ возстаніе.

3-яго сентября три вагона, служившихъ штрейкбрехерамъ для передвиженія, разрублены топорами и подожжены. Полные бидоны керосина носятся со всѣхъ сторонъ для поддержанія огня... Англичане до того избиваются стачечниками, что жандармамъ съ трудомъ удается спасти имъ жизнь. Англичане просятъ, чтобъ ихъ отвезли въ Лондонъ. Въ этотъ же день разграблены 6 булочныхъ лавокъ и нѣсколько угольныхъ магазиновъ и все это раздается бастующимъ. Капитана парахода и его матросовъ избиваютъ до потери сознанія... Полиція вмѣшивается, происходитъ цѣлый рядъ стычекъ и въ результатѣ нѣсколько десятковъ бастующихъ ранены... Къ вечеру стачечникамъ удается все-таки остановить работу на всѣхъ параходахъ! Портъ совершенно замираетъ... Только поздно ночью начинается опять оживленіе: горитъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и пожарные за первую ночь всеобщей забастовки вызываются 12 разъ!

На слѣдующій день Антверпенъ принимаетъ видъ военнаго лагеря... Войско, жандармерія, полиція — всѣ въ боевой готовности. „Гражданская армія", составленная изъ буржуазныхъ сынковъ, тоже собрана для защиты капиталистическихъ привилегій. Рабочіе однако не унимаются. 4-ое сентября продолжается разрушеніе перевозочныхъ вагоновъ... Прибывающимъ въ этотъ день на параходѣ „Валерія" 2-мъ тысячамъ англичанъ готовитъ должный пріемъ. Когда они выходятъ изъ парахода, градъ камней сыплется на ихъ головы. Въ 5 часовъ вечера того дня вспыхиваетъ грандіознѣйшій пожаръ въ лѣсныхъ складахъ порта. За очень короткое время сгораетъ лѣсу больше чѣмъ на три милліона франковъ.

5-го сентября англичане цѣлыми толпами бѣгутъ обратно въ Англію; безумный страхъ гонитъ ихъ изъ Антверпена. Пожары снова вспыхиваютъ въ порту: горитъ большой пароходъ, горятъ лѣсные склады. За этотъ день насчитываютъ 20 сгорѣвшихъ складовъ, громаднѣйшую лѣсопильню, 4 магазина, нѣсколько жилыхъ домовъ и пр.

Таковъ „порядокъ дня" и въ слѣдующіе дни.

Увеличивающаяся нужда среди стачечниковъ по мѣрѣ возможности удовлетворяется. Съ 8 часовъ утра до 10 часовъ вечера раздаются съѣстные припасы. Ежедневно раздаютъ 20 тысячъ хлѣбовъ, 250 пудовъ риса и тысячу пудовъ картофеля. Пожертвованія, хотя и слабыя, получаются отъ бельгійскихъ и нѣмецкихъ синдикатовъ...

Революціонный характеръ забастовки продолжается до 7-го—8-го сентября. Съ этихъ дней замѣчается упадокъ революціонности и энергіи бастующихъ доккеровъ.

Дѣло въ томъ, что стачка въ порту не могла не отразиться и на всей промышленности самаго Антверпена: она повлекла за собой застой и во всѣхъ остальныхъ антверпенскихъ коммерческихъ и портовыхъ предпріятіяхъ. Крупные и мелкіе капиталисты испугались исхода забастовки... И вотъ цѣлыми толпами хлынули въ портъ различные доброжелатели и друзья рабочаго класса. Начинаются различныя увѣщанія, совѣты прекратить эту „безсмысленную" забастовку... Безсознательная часть стачечниковъ попадаютъ на удочку этихъ буржуазныхъ провокаторовъ и склоняется въ ихъ сторону. Вліяніе этихъ субъектовъ на ходъ забастовки было самое пагубное. Со стороны доккеровъ начинаются первые переговоры съ „Морской Федераціей".

Буржуа, предчувствуя побѣду надъ рабочимъ классомъ, ликуютъ... „Морская Федерація" систематически отклоняетъ всякія предложенія, исходящія отъ рабочихъ: она открыто заявляетъ, что ея цѣль — разбить, задавить навсегда всякое рабочее движеніе.

„Морская Федерація" все время продолжаетъ свое дѣло: даетъ работу всѣмъ штрейкбрехерамъ, выписывая все новыя и новыя партіи англичанъ.

Къ 13 сентября работаютъ уже около 60 пароходовъ и 3, 500 штрейкбрехеровъ...

Въ Антверпенѣ становится все спокойнѣе. Активная забастовка переходитъ въ пассивную.

Только 16-го сентября революціонныя событія какъ будто возобновляются. Но 20-го сентября всѣмъ стало ясно, что это была послѣдняя вспышка, послѣдняя искра, ярко вспыхнувшая на мигъ, чтобы затѣмъ окончательно потускнѣть.

„Друзья" рабочаго класса, либералы, реформаторы, парламентеры, одержали побѣду надъ сознательными истинно-революціонными элементами бастующихъ, побѣду, которую не могли одержать ни буржуа, ни полиція, ни войско...

22-го сентября доккеры выбираютъ трехъ делегатовъ и посылаютъ ихъ для переговоровъ съ „Министромъ Труда".

24-го марта устраивается митингъ, въ которомъ участвуютъ почти всѣ стачечники. На митингѣ читаютъ письмо отъ бургомистра, въ которомъ послѣдній рекомендуетъ прекратить забастовку и даетъ „торжественное *обѣщаніе*" уговорить „Морскую Федерацію" набавить по 50 сентимовъ въ день.

На этомъ собраніи окончательно удается сломить забастовку. Сознательное и революціонное меньшинство ничего не могло сдѣлать и вѣчно обманутая темная масса рѣшила прекратить забастовку и возобновить работу, не получивъ никакихъ удовлетвореній...

До чего цинично вела себя „Морская Федерація" можно судить по слѣдующему воззванію:

„Рабочіе,

Лидеры забастовки пытаются ввести васъ въ заблужденіе на основаніи ложныхъ обѣщаній.

Вы по своей-же волѣ прекратили эту безполезную борьбу, которая причинила столько страданій вамъ и вашимъ семьямъ.

Совершенно невѣрны слухи, что мы дали какія-либо обѣщанія бургомистру.

Примитесь за работу на старыхъ, ординарныхъ условіяхъ... *Просите* примирительный комитетъ выслушать ваши жалобы.

Слишкомъ долго вы были обмануты подкупными вожаками. Берегите вашу свободу и отстраняйте этихъ вожаковъ отъ себя.

„Морская Федерація".

Такова исторія антверпенской забастовки. Въ началѣ столь революціонная она постепенно теряетъ всю свою революціонность и кончается полнѣйшей побѣдой хозяевъ.

Кто виноватъ въ такомъ вопіющемъ пораженіи рабочихъ?

Было-бы одностороннимъ въ данномъ случаѣ приписывать всю вину различнымъ парламентерамъ и буржуазнымъ провокаторамъ. Виноваты и сами рабочіе, перевозившіе штрейкбрехеровъ, виноваты англійскіе, богатѣйшіе трэдъ-юніоны, ничѣмъ не откликнувшіеся на борьбу антверпенскихъ доккеровъ... Виновата, наконецъ, та огромная масса, на которую не успѣлъ еще упасть лучъ свѣта, лучъ революціоннаго анархизма...

И дѣло нашихъ заграничныхъ товарищей направить этотъ свѣтъ на эти темныя массы. Широкая, революціонная, анархическая пропаганда сотретъ съ лица земли и „Морскую Федерацію" и весь буржуазный міръ.

Э. Е.

ИЗЪ АНАРХИСТСКОЙ ПЕЧАТИ.

„АНАРХИСТЪ", органъ русскихъ анархистовъ-коммунистовъ. № 1, *10-го октября 1907 года.*

Въ новой анархистской газетѣ, какъ и во всей анархистской печати послѣдняго времени, очень много вниманія удѣлено вопросу о синдикализмѣ. Товарищи Бурритъ и А. Колосовъ въ своихъ статьяхъ выступаютъ противъ участія анархистовъ въ синдикатахъ. Мы считаемъ излишнимъ останавливаться на ихъ аргументаціи, такъ какъ она ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ аргументаціи тов. А—а, уже подвергнутой нами критическому разбору въ настоящемъ номерѣ „Буревѣстника" въ статьѣ: „Антисиндикализмъ въ нашихъ рядахъ". Считаемъ однако нелишнимъ отмѣтить характерные концы обѣихъ антисиндикалистскихъ статей „Анархиста".

Товарищъ Бурритъ кончаетъ свою статью слѣдующими словами:

> „Рабочіе анархисты создадутъ свой Анархическій Интернаціоналъ Непримиримый Анархическій союзъ, закаленный въ революціонно-насильственной борьбѣ, мощными, грозными ударами разрушитъ источникъ гнета нищеты и насилія. — Власть".

Здѣсь наши антисиндикальные товарищи лишній разъ обнаружили свою партійно-бланкистскую концепцію соціальной революціи, которая неизбѣжно должна въ концѣ концовъ привести признающихъ ее къ ея логическому концу, къ соціаль-демократической „диктатурѣ пролетаріата". Товарищи антисиндикалисты считаютъ своимъ долгомъ на каждомъ шагу пугать насъ опасностью участія въ синдикатахъ, гдѣ мы неизбѣжно-де должны утратить свою анархистскую непримиримость. Не мѣшаетъ и намъ время отъ времени предостерегать нашу „крайнюю лѣвую" отъ окончательнаго растворенія анархизма въ бланкизмѣ.

Такъ же характерно заканчиваетъ свою статью товарищъ А. Колосовъ:

> „Эволюція отъ Анри и Вальяна до Буксэ и Леви не плюсъ въ пользу французскаго анархизма, а минусъ. Мы стоимъ за возвращеніе къ старымъ боевымъ традиціямъ, за открытую аттаку всѣхъ буржуазныхъ Бастилій".

Авторъ, очевидно, думаетъ, что если бы Букэ и Леви не приняли участія въ синдикальномъ движеніи, то они бы дѣйствовали въ духѣ Анри и Вальяна? Но на чемъ основано это предположеніе товарища? Гдѣ же акты многочисленныхъ анархистовъ, не вошедшихъ въ синдикаты, или тѣхъ, которые выступили изъ нихъ, убоявшись потерять свою революціонность? Въ отсутствіи во Франціи террористическихъ актовъ синдикальное движеніе, повидимому, неповинно. Великолѣпна послѣдняя фраза: „Мы стоимъ за открытую"... и т. д. Очень недурно сказано, но мало высказаться за какую-либо тактику, нужно доказать осуществимость ея въ данный моментъ въ жизни...

Въ статьѣ Вс. Отоцкаго, авторъ даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о возникшемъ „Анархическомъ Крестьянскомъ Союзѣ", въ составъ котораго входятъ двѣ крестьянскія федераціи: Кіевская и Полтавская. Еще три—четыре года тому назадъ анархисты начали на Украйнѣ пропаганду среди крестьянъ, именно — въ Черниговской губ. По разнымъ причинамъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе отъѣзда наиболѣе активныхъ работниковъ въ крупные промышленные центры, постоянныхъ организацій основать тамъ не удалось. Но анархическая пропаганда дала свои результаты. Въ настоящемъ году Черниговская губернія — въ особенности Нѣжинскій и Борзенскій уѣзды, гдѣ анархистами работа велась непосредственно — выдѣляется сильнымъ развитіемъ аграрнаго и разлитого политическаго террора.

Теперь, когда въ составѣ „Анархическаго Крестьянскаго Союза" имѣются спеціально крестьянскіе пропагандисты и организаторы,

можно съ увѣренностью сказать, что развитіе анархизма въ украинскомъ крестьянствѣ быстрыми шагами пойдетъ впередъ. Мы выражаемъ надежду, что товарищи, работающіе въ деревнѣ, воспользуются опытомъ четырехлѣтней анархистской работы въ городѣ и избѣгнутъ ошибокъ, которыхъ не избѣгли городскіе товарищи, и которыя нанесли сильные удары росту нашего движенія.

Привѣтствуемъ въ лицѣ „Анархическаго Крестьянскаго Союза" піонеровъ *организаціи* крестьянства подъ знаменемъ анархіи.

„NOWA EPOKA" № 1.

Съ 15-го октября настоящаго года во Львовѣ (Галиція) появился новый товарищескій органъ на польскомъ языкѣ „Nowa Epoka". Въ статьѣ „Интернаціональный соціалистическій конгрессъ въ Штутгартѣ" тов. М. Лозинскій особенное вниманіе обращаетъ на отношеніе соціаль-демократическихъ партій разныхъ странъ къ антимилитаризму. Даже самая лѣвая въ этомъ вопросѣ французская соціаль-демократія, призывая пролетаріатъ въ случаѣ наступательной войны бороться противъ нея „всѣми средствами, начиная отъ парламентскаго запроса и открытой агитаціи, и кончая массовой стачкой и возстаніемъ", признаетъ однако участіе пролетаріата въ войнѣ оборонительной, ссылаясь на необходимость охраненія національной независимости.

Тов. Лозинскій указываетъ на своеобразную „двойную бухгалтерію", которой придерживается по отношенію къ національному вопросу соціаль-демократія.

Въ то время, какъ соціальдемократы не разъ выступали противъ борьбы пролетаріата угнетенныхъ странъ за національную независимость, усматривая въ этой борьбѣ проявленіе буржуазнаго шовинизма — она, почему-то, считаетъ обязательнымъ для пролетаріата охранять независимость націй господствующихъ.

> „Я часто выступалъ", говоритъ тов. Лозинскій, въ защиту идеи національной независимости противъ этой „двойной бухгалтеріи", которой придерживается соціаль-демократія въ національномъ вопросѣ. Но національная независимость въ современномъ государствѣ — это, прежде всего, монополія національной буржуазіи на эксплуатацію пролетаріата той же національности. Поэтому, участіе пролетаріата въ оборонительной войнѣ было бы ничѣмъ инымъ, какъ охраной этой монополіи „собственной" буржуазіи отъ нападенія буржуазіи „чужой". Правда, покушаясь на государственную независимость народа, врагъ покушается въ то же время и на національную независимость пролетаріата, и пролетаріатъ долженъ охранять свою независимость. Но эту борьбу онъ доженъ вести не подъ знаменемъ буржуазіи, а подъ своимъ собственнымъ знаменемъ для сверженія всякаго гнета, отъ какой бы буржуазіи онъ ни исходилъ, отъ своей или чужой.

Тов. Лозинскій высказалъ здѣсь мысль, которой придерживаются всѣ анархисты, а также и революціонные синдикаты. Всеобщая стачка и вооруженное возстаніе — единственный путь, по которому долженъ пойти пролетаріатъ не только въ случаѣ наступательной войны, но и при войнѣ оборонительной. Защищать противъ нападенія пролетаріатъ долженъ лишь территорію, гдѣ господствуетъ революція. Только тамъ, гдѣ пролетаріатъ восторжествовалъ надъ буржуазіей, гдѣ земля, орудія производства и средства потребленія перешли въ руки рабочихъ, — только тамъ „отечество" интернаціональнаго пролетаріата, и лишь это отечество онъ долженъ защищать.

М. Р.

Интеллигенція предъ судомъ г. Е. Лозинскаго.

Что такое интеллигенція?

Вопросъ не новый, проклятый вопросъ! Надъ разрѣшеніемъ его долго и мучительно трудилось много выдающихся умовъ, много искреннѣйшихъ и благороднѣйшихъ сердецъ. И все напрасно: сфинксъ — интеллигенція остается неразгаданнымъ, и что хуже всего, неразгаданнымъ для самого же себя. Тяжелая, крайне тяжелая трагедія кроется въ этомъ непониманіи собственной сущности, въ этомъ отсутствіи самоопредѣленія. Кто ты такая? чего ты хочешь? куда идешь? каковы мотивы твоей дѣятельности? болѣе того; чѣмъ исторически оправдывается само твое существованіе?... Цѣлый рядъ такихъ вопросовъ волнуютъ, терзаютъ душу интеллигенціи, особенно русской, а отвѣта, яснаго и опредѣленнаго отвѣта все нѣтъ и нѣтъ. Упорно молчатъ и жизнь и исторія...

Заставить ихъ заговорить наконецъ, сказать свое вѣское и рѣшающее слово, попытался, вслѣдъ за многими другими и г. Лозинскій.

Насколько его попытка увѣнчалась успѣхомъ - мы увидимъ ниже.

Сейчасъ-же мы должны отмѣтить тотъ фактъ, что великія „истины", повѣданныя намъ г. Лозинскимъ, далеко не отличаются ни новизной, ни оригинальностью. Уже нѣсколько лѣтъ до него онѣ были „открыты" и съ большимъ шумомъ и трескомъ возвѣщены міру г. Вольскимъ; но благодаря-ли хитрости и коварству вѣчной обманщицы-интеллигенціи, благодаря-ли наивности и глупости хронически довѣрчиваго и одурчиваемаго пролетаріата, обличительный голосъ „кающагося интеллигента" такъ и остался гласомъ, вопіющимъ въ пустынѣ; на фонѣ русской дѣйствительности махаевщина промелькнула, какъ метеоръ и погасла. На смѣну ей явился теперь г. Лозинскій. Со страстностью, съ горячностью, достойной лучшей цѣли, онъ, въ свою очередь, обличаетъ интеллигенцію; его цѣль — это „сбросить маску съ ея Величества интеллигенціи, *какъ класса*, разоблачить всенародно ея дьявольски-хитрыя повадки, раскрыть ея классовой эксплуататорскій интересъ въ современномъ соціалистическомъ движеніи всего міра"; *) — это „сбросить немилосердно и безъ всякихъ колебаній маску съ этого новаго хищника, преслѣдуя его по пятамъ, слѣдя за каждымъ его шагомъ, раскрывая всѣ его тонкія, ученыя повадки. Ибо никогда еще пролетаріатъ не имѣлъ болѣе ученаго, болѣе опаснаго врага, чѣмъ этотъ новый подымающійся господскій классъ, увѣренно и методично подготовляющій свое классовое господство". **)

Интеллигенція — *классъ*, интеллигенція — *эксплуататорскій* классъ, вотъ основная мысль, на которой построенъ весь трудъ г. Лозинскаго. Невзирая на всѣ его яростныя нападки на марксистовъ и на самого Маркса, нашъ авторъ является крайне ревностнымъ поклонникомъ классовой теоріи. Онъ весь проникнутъ ею; онъ прямо не допускаетъ и мысли, чтобы какой либо классъ могъ когда либо хоть на мигъ отказаться отъ своихъ классовыхъ интересовъ; даже для личности онъ считаетъ почти невозможнымъ отрѣшиться отъ своего классового эгоизма. Какъ древній фатумъ, злой рокъ класса тяготѣетъ надъ всякой общественной группой, надъ всякой личностью; и что бы онѣ ни дѣлали, какъ ни расходились бы наглядно ихъ поступки съ ихъ классовыми интересами — толкало ихъ на данные поступки, одухотворяло ихъ въ концѣ концовъ ничто иное, какъ присущій имъ классовой эгоизмъ. „Для личности, принадлежащей къ привиллегированнымъ классамъ, не эксплуатировать такъ же немыслимо какъ, напримѣръ, для бѣшенной собаки не кусать... Таковъ объективный, непреложный законъ общественной жизни. Въ человѣческой исторіи, въ классовой борьбѣ царилъ и, безъ коренныхъ перемѣнъ, всегда будетъ царить всеобщій законъ, *не знающій исключенія*: *(курсивъ нашъ)* при первой возможности сѣсть на шею своего ближняго, осѣдлать его, никто такого счастливаго случая не упускаетъ и, разъ усѣвшись, никто добровольно своей удобной позиціи не покидаетъ" ***).

Къ сожалѣнію однако, говоритъ г. Лозинскій, Марксъ не развилъ до конца своей классовой теоріи, недостаточно разработалъ ее, не сдѣлалъ изъ нея всѣхъ тѣхъ выводовъ и заключеній, которые логически могъ и долженъ былъ сдѣлать; онъ оставилъ внѣ классового раздѣленія, безъ опредѣленныхъ рамокъ, многочисленную и крайне важную по своему положенію общественную группу, интеллигенцію; онъ допустилъ возможность отсутствія у этой группы своего классового инстинкта, своихъ специфическихъ классовыхъ интересовъ. Конечно, въ марксистской литературѣ нѣтъ недостатка въ книгахъ, брошюрахъ и статьяхъ, посвященныхъ интеллигенціи; но, странное дѣло, всѣ эти произведенія почему-то расплывчаты, невыдержаны, всѣ онѣ почему-то многое умалчиваютъ, многаго недоговариваютъ... „Матеріалистическій, повидимому столь нелицепріятно-строгій, сурово-безпощадный методъ изслѣдованія... вдругъ „тупѣетъ" ... всякій разъ, какъ... приходится приложить его и ко всей растущей арміи „умственныхъ работниковъ", къ пишущей и учащей братіи, къ привиллегированнымъ высоко-квалифицированнымъ наемникамъ капитала и государства". *) Чѣмъ объяснить это явленіе, это поразительное всеобщее безсиліе опредѣлить соціально-классовую природу интеллигенціи? Представляетъ ли оно собою результатъ какого нибудь дѣйствительно непреодолимаго теоретическаго затрудненія или... или... тутъ есть нѣчто другое, нѣчто предвзятое, умышленное, вполнѣ сознательное?..

Случайность ли это, или... разсчетъ?!..

Это разсчетъ, отвѣчаетъ г. Лозинскій, интеллигентъ, которому, невзирая на всю фатальность классоваго эгоизма, все-таки удалось уничтожить въ себѣ хищническую интеллигентскую натуру и замѣнить ее настоящей пролетарской душой. Да, это разсчетъ!.. Если интеллигенція до сихъ поръ еще не классирована, если писавшіе и пишущіе о ней интеллигенты, начиная отъ народниковъ: Михайловскаго, Лаврова, Чернышевскаго и. т. д. и кончая соціалистами Марксомъ, Энгельсомъ, Каутскимъ, Лагарделемъ и. т. д. всѣ въ одинаковой мѣрѣ страдаютъ какой-то странной нелогичностью, какой-то загадочной, чисто эпидемической уклончивостью; если всѣ

*) Что же такое, наконецъ, интеллигенція? Стр. 77.

**) Ibid. Стр. 222.

***) Ibid. Стр. 51

они, словно сговорившись, отказываются дать ясный и опредѣленный отвѣтъ на проклятый и давнымъ давно назрѣвшій вопросъ: что такое, наконецъ, интеллигенція?—такъ это не потому, что отвѣтъ этотъ имъ не по силамъ, а потому, что онъ не *выгоденъ* имъ, что онъ опасенъ для ихъ класса, для интеллигенціи; они *не хотятъ, сознательно* не хотятъ дать отвѣтъ, или же даютъ такой отвѣтъ, который съ истиной ничего общаго не имѣетъ... Ибо искренній и правдивый отвѣтъ былъ бы равносиленъ доносу, разоблаченію; онъ раскрылъ бы всю пакость, все коварство этого новаго подымающагося господскаго класса; онъ выяснилъ бы, что „по существу", интеллигенція—порожденіе ехидниное, скрывающее въ своемъ природномъ нутрѣ все хитрое и злое, все мерзостное и жестокосердное, что только присуще грабительскимъ классамъ, несмотря на весь ихъ внѣшній культурный лоскъ и всю ихъ ученость" *); онъ показалъ бы пролетаріату, сколько лицемѣрія и лжи, сколько наглости и надувательства кроется въ столь медовыхъ; столь народолюбивыхъ и высокопарныхъ рѣчахъ примазывающагося къ нему „блѣднолицаго интеллигента"; онъ доказалъ бы, что даже такъ называемое „самозакланіе" русской интеллигенціи — ничто иное, какъ актъ самаго обыкновеннаго классоваго эгоизма, что во всѣхъ фразахъ этой интеллигенціи о „народолюбіи", о равенствѣ и братствѣ скрывается „*фатальная внутренняя фальшь*", что всѣ ея Желябовы, Михайловы, Перовскія и т. д., столь выдающіеся экземпляры человѣческой породы, столь увлекательные по своему психологическому укладу, все таки являются только сознательными или безсознательными насадителями новой формы классоваго господства, блестящими обманщиками рабочихъ массъ"; что слезы ихъ о народномъ горѣ, о рабочемъ рабствѣ и. т. д. суть, въ сущности, слезы крокодила, пожирающаго свою жертву"... **)

Онъ доказалъ бы... Словомъ, искренній и правдивый отвѣтъ на вопросъ: что такое интеллигенція? доказалъ бы все то, что самоотверженно попытался доказать въ своей книжкѣ г. Лозинскій, интеллигентъ, которому, невзирая на всю фатальность классоваго инстинкта, все таки удалось преодолѣть свою хищническую природу „волчьяго" или „паучьяго" отродья... ясно, поэтому, что такого отвѣта никто изъ вышеназванныхъ интеллигентовъ дать не могъ, да и не хотѣлъ, понятна, поэтому, также та отборная, иногда прямо площадная брань, съ которой, въ своемъ благородномъ негодованіи, г. Лозинскій обрушивается на этихъ „сознательныхъ обманщиковъ" рабочаго класса...

Интеллигенція, говоритъ г. Лозинскій, эксплуататорскій классъ и не думайте, что это только голословное утвержденіе. Нѣтъ, г. Лозинскій слишкомъ серьезенъ и наученъ, чтобы довольствоваться простыми увѣреніями; онъ не проситъ васъ вѣрить ему на слово; онъ обстоятельно *доказываетъ* всѣ выставляемыя имъ положенія.

Интеллигенція это общественная группа, обладающая всѣми задатками, всѣми характерными элементами, всѣми типичными чертами эксплуататорскаго класса. Она *владѣетъ* огромнымъ *капиталомъ*: всѣми накопленными человѣчествомъ познаніями, которыя и служатъ источникомъ ея специфическаго *классоваго дохода:—гонорара*; она ничего *не производитъ*, ибо вся дѣятельность ея только „поддерживаетъ и укрѣпляетъ въ настоящее время классовой строй, усиливаетъ степень эксплуатаціи и подготовляетъ новое классовое рабство", ибо всѣ производимыя ею „нематеріальныя блага" только содѣйствуютъ расцвѣту капиталистическаго хозяйства и государства и тѣмъ самымъ способствуютъ порабощенію пролетаріата... Она имѣетъ *свои классовые интересы*, проявляющіе рѣзкій антагонизмъ по отношенію къ интересамъ другихъ классовъ.

Возрастаніе и образованіе интеллигенціи, этого культурнаго „цвѣта націи" обходится пролетаріату очень недешево. „Появляясь на свѣтъ божій уже въ образѣ привиллегированнаго слоя, каждое поколѣніе интеллигенціи, еще до выступленія своего на поле своей „производительной" дѣятельности, является „поглотителемъ" прибавочной стоимости, потребителемъ „чистаго національнаго дохода" ***).

И такимъ „поглотителемъ" оно остается и позже, когда, послѣ долгаго и разорительнаго для народа обученія, оно начинаетъ, наконецъ, „производить" т. е. управлять и руководить, въ качествѣ наемника капиталистическимъ хозяйствомъ; ибо *гонораръ*, взимаемый имъ отъ буржуазіи за свои услуги, ничто другое, какъ часть, и довольно порядочная часть, той прибавочной стоимости, которую „гигантскій капиталистическій насосъ высасываетъ изъ огромнаго сѣраго моря рабочей массы". Ясно, поэтому, что между интересами интеллигенціи и интересами пролетаріата долженъ существовать и существуетъ самый острый, самый непримиримый антагонизмъ: но такое же противорѣчіе интересовъ замѣчается, съ другой стороны между интеллигенціей и буржуазіей. По мѣрѣ того, какъ растетъ и развивается капиталистическая форма производства, по мѣрѣ того, какъ расцвѣтаетъ и осложняется техника — растетъ и расширяется также значеніе „умственнаго работника" и его роль въ производствѣ. Къ несчастью буржуазіи, этотъ ростъ значенія интеллигенціи сопровождается и непомѣрнымъ ростомъ ея аппетитовъ... Конечно она получаетъ довольно солидный гонораръ, она въ почетѣ, ее балуютъ, но... привиллегированный наемникъ—все же наемникъ! И интеллигенція помышляетъ о томъ, какъ бы избавиться отъ своихъ „толстосумныхъ хозяевъ" и, занявъ ихъ мѣсто, „болѣе справедливо распредѣлить „чистый доходъ націи"... по карманамъ всего образованнаго общества". Но она чувствуетъ, что безъ посторонней помощи ея побѣда немыслима. Гдѣ же взять, куда обратиться за этой необходимой помощью? ни къ кому другому, конечно, какъ къ пролетаріату, къ вѣчно глупому и наивно-довѣрчивому пролетаріату, всегда, на протяженіи всей исторіи подставлявшему свою спину всѣмъ хищническимъ, всѣмъ стремившимся подняться наверхъ къ власти классамъ... Интеллигенція такъ и сдѣлала. Но, болѣе хитрая, чѣмъ всѣ предшествовавшіе господскіе классы, она не прибѣгнула больше къ старымъ, отвлеченнымъ лозунгамъ, какъ „справедливость" „свобода" „равенство-братство" и. т. д., во имя которыхъ пролетаріатъ неоднократно втягивался въ борьбу...—за чужіе, большей частью ему враждебные интересы; лозунги эти уже столько разъ побывали въ потребленіи, что они, пожалуй, выдохлись и потеряли всю свою силу. Интеллигенція избрала, поэтому, другой путь: она рѣшила эскамотировать „захватить въ свои руки, использовать вѣковую экономическую борьбу пролетаріата противъ нищеты и рабства... она изобрѣла „соціализмъ" „общественную собственность" „экспропріацію" „обобществленіе" и. т. д. громкія, небывавшія еще въ потребленіи слова, а потому имѣющія магическую силу и идущія прямо въ сердце изголодавшагося и изстрадавшагося пролетарія. И маневръ удался; лишь тридцать съ лишнимъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ эти новыя слова были пущены въ оборотъ, и пролетарское движеніе уже почти всецѣло идетъ на буксирѣ соціалистической интеллигенціи!

Куда приведетъ такое положеніе вещей нетрудно предвидѣть: „уже и теперь, во всѣхъ мѣстахъ управленія надзора и руководства сложнымъ и гигантскимъ общественно-хозяйственнымъ организмомъ засѣдаютъ повсюду умственные люди"; пусть осуществится „обобществленіе" они „разсядутся тамъ еще поудобнѣе, еще покрѣпче. Вѣдь не рабочіе же пойдутъ управлять государственно-хозяйственной машиной, въ которой они ни аза не смыслятъ"...

Такимъ образомъ наступитъ „новое классовое господство умственаго работника, обезпечившаго за собою наслѣдственное монопольное владѣніе своей собственностью—источникомъ богатства и власти, новое рабское хозяйство, но уже на ученыхъ, усовершенствованныхъ началахъ" *)

Итакъ, интеллигенція—новый, подымающійся, эксплуататорскій классъ, стремящійся къ господству, къ захвату власти въ свои руки и къ учрежденію новаго классового рабства; таковъ отвѣтъ г. Лозинскаго. Мы попытались въ предыдущихъ строкахъ изложить возможно короче и яснѣе главные аргументы и положенія, позволившіе ему сдѣлать такой выводъ; посмотримъ же теперь, насколько оправдываютъ такой строгій приговоръ надъ интеллигенціей наука и истина, на которыя такъ часто ссылается г. Лозинскій.

∴

Какъ я указалъ уже, г. Лозинскій — крайне ревностный поклонникъ классовой теоріи Маркса. Какъ всякій правовѣрный марксистъ, онъ для оцѣнки любого общественнаго явленія, любой общественной категоріи прибѣгаетъ къ одному лишь *экономическому* мѣрилу; никакого другого мѣрила онъ не признаетъ. Но, какъ это весьма часто случается, своей категоричностью и догматизмомъ ученикъ значительно превзошелъ своего учителя. Я не марксистъ, а потому совсѣмъ не задаюсь цѣлью защищать въ этой статьѣ Маркса и его школу отъ яростныхъ нападокъ г. Лозинскаго; ниже я попытаюсь даже доказать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти нападки, какъ рѣзки бы они ни были, имѣютъ свое основаніе; нельзя, однако, не сознаться, что слишкомъ часто его вылазки и обвиненія чрезвычайно... наивны, чтобъ не употребить болѣе рѣзкихъ, хотя и вполнѣ заслуженныхъ г. Лозинскимъ, словъ.

Разсматривая весь ходъ индивидуальной и общественной жизни сквозь одногранную призму экономическаго матеріализма, марксизмъ долженъ былъ фатально наткнуться на нѣкоторыя явленія и категоріи, въ которыхъ идеологическій факторъ играетъ такую крупную, такую преобладающую роль, что истолковать и оцѣнить ихъ по своему для него было совершенно невозможно.

Одной изъ такихъ категорій, не помѣщающихся въ рамкахъ экономическаго матеріализма была интеллигенція. Въ существованіи и дѣятельности этой общественной группы такъ много отвлеченной, иногда даже отъ жизни оторванной идейности и такъ мало рѣзко очерченныхъ, специфически-классовыхъ чертъ

*) Ibid. Стр. 100
**) Ibid. Стр. 97.
***) Ibid. Стр. 176.

*) Ibid. Стр. 185

и особенностей, что опредѣленіе ея сущности, характеристика ея общественнаго значенія оказались не по силамъ ученію, отрицающему идейность, какъ двигатель исторіи, и строющему всю свою теорію соціальнаго развитія исключительно на борьбѣ опредѣленныхъ классовъ. Вотъ почему, невзирая на весь свой догматизмъ, несмотря на всѣ свои претензіи на цѣльное, всеобъемлющее, глубоконаучное міровоззрѣніе, марксизмъ *не могъ* понять сфинкса-интеллигенцію и, стремясь разгадать его, тщетно и безсильно бьется уже столько лѣтъ въ паутинѣ безконечныхъ противорѣчій. Совсѣмъ другого мнѣнія о данномъ вопросѣ г. Лозинскій; онъ, какъ я уже сказалъ, гораздо догматичнѣе и категоричнѣе своего учителя; ему и на мысль не приходитъ, что въ безсиліи экономическаго матеріализма опредѣлить сущность интеллигенціи виноватъ присущія ей узость и односторонность; нѣтъ, видите-ли: виновато во всемъ это „паучье отродье", интеллигенція, виноваты ея идеологи, будь это соціалисты или нѣтъ, которые какъ только дѣло коснется ихъ класса, начинаютъ хитрить, сознательно грѣшить противъ всѣхъ элементарнѣйшихъ законовъ логики, стараются всѣми силами затушевать истину... Конечно, они говорятъ иногда о „долгѣ" интеллигенціи народу; но это только одно лицемѣріе! ужъ вѣрьте вы слову г. Лозинскаго... На самомъ дѣлѣ вся ихъ непослѣдовательность и противорѣчивость — умышлены: они не хотятъ выдать своего класса!.. Неправда-ли: какое ясное и простое объясненіе!

Правда, многимъ оно можетъ показаться уже чрезмѣрно простымъ, пожалуй даже нѣсколько простоватымъ; но это ничуть не смущаетъ г. Лозинскаго; онъ прекрасно знаетъ, что далеко не всѣ согласятся съ нимъ, что вся интеллигентская „наука" будетъ пущена въ ходъ для опроверженія его выводовъ... Ничего она не опровергнетъ, никого больше не обманетъ, никакими софизмами не спасетъ хищническаго, грабительскаго класса, съ котораго сильной и смѣлой рукой сорвана, наконецъ, маска...

Да, маска сорвана, но, увы! маскарадъ продолжается, и продолжается онъ, какъ это ни странно, при непосредственномъ содѣйствіи самого г. Лозинскаго; ибо та чудовищная смѣсь, которую онъ нарисовалъ и охарактеризовалъ въ своей книжкѣ, какъ классъ интеллигенціи такъ же мало похожа на классъ, такъ же мало похожа на интеллигенцію, какъ мало похожи на научныя доказательства его отборная брань, его дешевенькіе демагогическіе пріемы... Проанализируйте-ка смѣсь г. Лозинскаго и разложите ее на составные элементы: что получается? — попъ, чиновникъ, сыщикъ, генералъ-губернаторъ, инженеръ, врачъ, сельскій учитель, Михайловскій, Перовская;... никто изъ этихъ господъ не мозолитъ себѣ рукъ, не изнуряетъ себя непосильной фабричной работой, никто изъ нихъ не производитъ, всѣ живутъ на счетъ „прибавочной стоимости," всѣ занимаются только „умственнымъ" трудомъ, а потому всѣ они — интеллигенты, и совокупностью ихъ всѣхъ является интеллигенція!..

Удивительно мѣткая „дефиниція"!.. Должно быть, въ своемъ стремленіи преодолѣть свою классовую природу, уничтожить въ себѣ все господски-интеллигентское, г. Лозинскій хватилъ немного черезъ край.., иначе онъ врядъ-ли додумался бы до столь разношерстнаго, столь пестраго по своему составу „класса".

Современное общество дѣлится на извѣстное количество вполнѣ опредѣленныхъ классовъ, какъ: крупная буржуазія, пролетаріатъ, мелкая буржуазія, и крестьянство; всѣ эти общественныя группы тѣсно и непосредственно связаны съ экономической жизнью общества, находятся въ тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ къ общественнымъ богатствамъ и орудіямъ труда, играютъ ту или иную *непосредственную* роль въ самомъ производствѣ. Внѣ этихъ условій т. е. не имѣя непосредственныхъ отношеній къ хозяйственной жизни общества и не участвуя *непосредственно* въ производствѣ, ни одна соціальная-группа не можетъ считаться классомъ. Такой именно группой, не отвѣчающей только что перечисленнымъ условіямъ, является интеллигенція. Правда, количество членовъ ея, участвующихъ въ производствѣ постоянно увеличивается, растетъ, какъ говорится, не по днямъ а по часамъ; но ссылаться на этотъ фактъ, какъ на доказательство того, что интеллигенція въ цѣломъ, *какъ группа*, играетъ *свою* опредѣленную роль въ производствѣ такъ же неосновательно какъ, напримѣръ, утверждать, что буржуазія, *какъ классъ*, принимаетъ активное участіе въ подготовкѣ соціальной революціи потому, что многіе изъ членовъ ея уходятъ въ ряды борющагося за эту революцію пролетаріата. Всякая общественная группа *въ цѣломъ* имѣетъ свое историческое призваніе, опредѣляющее ея *коллективную*, групповую дѣятельность, независимо отъ *индивидуальной* дѣятельности составляющихъ ее единицъ. Пусть интеллигентъ работаетъ на фабрикѣ, пусть рабочій занимается литературой или капиталистъ наукой — никто изъ нихъ, въ этой чуждой ему сферѣ, не является представителемъ своей группы, выразителемъ ея идеаловъ и стремленій, никто изъ нихъ не дѣйствуетъ какъ членъ опредѣленной группы, имѣющей свою историческую миссію, свои историческія задачи: каждый изъ нихъ фигурируетъ тутъ, какъ частное лицо, какъ изолированная личность, ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ не связанная; каждый изъ нихъ выступаетъ отъ своего имени, но не отъ имени своей группы, своего класса, и даже болѣе того — каждый изъ нихъ утрачиваетъ въ концѣ концовъ всѣ специфическія черты, которыми опредѣлялась его принадлежность къ общественной группѣ, изъ которой онъ вышелъ и пріобрѣтаетъ всѣ признаки и особенности новой среды, въ которой онъ очутился: рабочій-литераторъ ужъ не рабочій а интеллигентъ, точно-также какъ инженеръ, управляющій за огромные оклады крупнымъ промышленнымъ предпріятіемъ, уже не интеллигенты а буржуа. Отсюда ясно, что характеризовать классовую или групповую дѣятельность какого нибудь коллектива на основаніи дѣятельности отдѣльныхъ его членовъ рѣшительно невозможно; отсюда ясно, что участіе *интеллигентовъ* въ производствѣ далеко не означаетъ участія въ производствѣ *интеллигенціи*. Съ другой стороны, мы совершенно не замѣчаемъ присутствія у интеллигенціи какихъ то опредѣленныхъ отношеній къ хозяйственной жизни общества ибо для своей дѣятельности, для выполненія своей исторической миссіи, она не нуждается ни въ орудіяхъ производства, ни въ капиталахъ, ни въ извлеченіи отъ кого-нибудь или откуда-нибудь „прибавочной стоимости" и. т. д. Такимъ образомъ, какъ ни ругалъ бы г. Лозинскій интеллигентскихъ идеологовъ за ихъ „умышленную" непослѣдовательность, къ какимъ бы софизмамъ онъ ни прибѣгалъ, а доказательства того, что интеллигенція — классъ, мы у него все таки не находимъ.

Нѣтъ, интеллигенція не классъ, интеллигенція *внѣ классовъ*; она стоитъ внѣ поля классовой борьбы, въ которой, какъ мы это ниже увидимъ, она принимаетъ рѣдкое и то лишь косвенное участіе. Въ такихъ случаяхъ, она борется не для себя, не для защиты своихъ интересовъ, а выступаетъ только, какъ защитница и временная помощница борющихся классовъ. Ея соціальной миссіей всегда было созиданіе тѣхъ „нематеріальныхъ благъ", которыя постепенно превратили антропоидное животное въ современаго человѣка. Эту миссію свою она одинаково выполняла, независимо отъ какихъ бы то ни было экономическихъ условій, и въ древнихъ, деспотическихъ государствахъ Востока, и въ Греціи, и въ Римѣ и во времена мрачнаго феодализма, и теперь, при современномъ капитализмѣ. Вездѣ и всегда она являлась воспитательницей человѣческаго рода, духовной силой, обогащавшей его разумъ, развивавшей его чувства, безпрестанно толкавшей его впередъ. Вездѣ и всегда она расширяла его горизонты, углубляла его мысль, будила его сознаніе; всегда и вездѣ она отражала его идеалы и стремленія, учила его понимать все то, что выростало и бродило въ глубокихъ тайникахъ его души... Исторія интеллигенціи — это исторія развитія человѣческой мысли, это исторія возникновенія и расцвѣта науки и искусства, исторія всей человѣческой культуры!..

Она не захватила въ свои руки всѣхъ духовныхъ сокровищъ человѣка, какъ утверждаетъ г. Лозинскій: она *создала* ихъ; и создала она ихъ не для одного какого нибудь класса, а для всего человѣчества; вмѣнять же въ вину *ей* то обстоятельство, что плодами ея творчества пользуются только привиллегированные классы такъ-же нелѣпо, какъ упрекать пролетаріатъ въ томъ, что продукты его труда идутъ на пользу не ему, а буржуазіи.

Итакъ, еще разъ повторяю, вопреки всѣмъ „научнымъ" доказательствамъ г. Лозинскаго, интеллигенція не участвуетъ въ производствѣ и не имѣетъ никакого опредѣленнаго отношенія къ экономической жизни общества; признаніе ея классомъ равняется, по этому, соціологическому абсурду; не представляя же собою класса она не можетъ имѣть и фактически не имѣетъ присущихъ ей классовыхъ *экономическихъ* интересовъ. Изъ этого слѣдуетъ, что экономическій антагонизмъ, якобы существующій между нею и буржуазіей съ одной стороны, и пролетаріатомъ съ другой — на самомъ дѣлѣ существуетъ только въ фантазіи г. Лозинскаго... Весь его обвинительный актъ сводится, такимъ образомъ, къ нулю; вся его „послѣдовательность" пропадаетъ даромъ. Стоило-ли, послѣ этого, такъ рѣзко нападать на „умышленную" непослѣдовательность „интеллигентской" науки?..

Право, не стоило.

Интеллигенція, пытался я доказать, по природѣ своей внѣ-классовая; спѣшу теперь прибавить, что, на практикѣ, бываютъ моменты, когда дѣятельность ея значительно уклоняется отъ нормальнаго пути и мало гармонируетъ съ ея природой. Да оно и понятно: борьба, происходящая между живущими рядомъ съ интеллигенціей классами, принимаетъ временами такой острый характеръ, что не отражаться на ней она не можетъ; въ такія эпохи интеллигенція фатально забываетъ свою природную нейтральность; но обыкновенно, въ этихъ случаяхъ, борьба проникаетъ извнѣ въ ея собственные ряды: она раскалывается на части, примыкающія каждая къ другому лагерю. При этомъ нельзя не сознаться, что наибольшее количество интеллигентскихъ силъ уходитъ обыкновенно въ лагерь наиболѣе привиллегированныхъ классовъ, гдѣ онѣ находятъ больше простору, болѣе удобныя условія для своей дѣятельности. Это, конечно, говоритъ очень мало въ пользу интеллигенціи, но это такъ...

Такую именно эпоху острой классовой борьбы, заставившей интеллигенцію выйти изъ кабинета и лабораторіи на арену общественной жизни, мы переживаемъ теперь. Я не стану говорить о причинахъ, вызвавшихъ, уже начиная со второй половины прошлаго вѣка, эту обостренность классовой борьбы; это завлекло бы насъ слишкомъ далеко и къ тому же разборъ этихъ причинъ не входитъ въ рамки настоящей статьи. Укажу только на наличность этой обостренности, которую никто, думается мнѣ, оспаривать не станетъ и на активное участіе, принимаемое въ современной классовой борьбѣ интеллигенціей. Къ внѣ-классовой, общечеловѣческой, чисто культуртрегерской дѣятельности этой послѣдней примѣшалась теперь другого рода работа, а именно: идейное изслѣдованіе причинъ классовыхъ конфликтовъ и идеологическое обоснованіе программъ и требованій враждующихъ классовъ. Эта работа неминуемо должна была привести и дѣйствительно привела къ расколу, о которомъ я говорилъ выше; сама интеллигенція разбилась на два враждующихъ лагеря: лагерь буржуазной и лагерь соціалистической интеллигенціи, ставшихъ первая на сторону буржуазіи, вторая на сторону пролетаріата. Считаю излишнимъ долго распространяться о первой: слишкомъ уже отвратительна роль людей „научно" доказывающихъ, что все существующее—разумно, что грабежъ, эксплуатація, насиліе однихъ людей надъ другими — естественно неизбѣжная необходимость!.. А вѣдь къ этому, и только къ этому, сводится вся роль буржуазныхъ идеологовъ, патентованныхъ представителей оффиціальной науки... Совсѣмъ другое дѣло соціалистическая интеллигенція, взявшая на себя роль идейной руководительницы пролетаріата; о ней поговорить не только можно, но и должно!..

Нѣтъ такой лжи, въ которой не было бы извѣстной доли правды; нѣтъ такого парадокса, въ которомъ опытный глазъ не раскрылъ бы хоть одной крупицы правдоподобности... Эту мысль, какъ нельзя болѣе, подтверждаетъ книга г. Лозинскаго. Оказывается, что въ ней имѣются и такіе взгляды, съ которыми, хоть и не безъ оговорокъ, можно согласиться. Эти взгляды касаются какъ разъ соціалистической интеллигенціи. Я далекъ отъ того, чтобы приписать ей весь макіавелизмъ, который такъ усердно „разоблачаетъ" названный авторъ; я не вѣрю въ тотъ „страшный заговоръ", который она сознательно составила противъ пролетаріата, и на описаніе котораго г. Лозинскій тратитъ не одну страницу, меня мало пугаетъ призракъ ея „грядущаго классового господства", созданнаго его донъ-кихотскимъ воображеніемъ.

Нельзя однако не сознаться, что вмѣшательство интеллигенціи въ пролетарскую борьбу, что дѣятельность ея въ рядахъ пролетаріата не безъ основанія внушаютъ нѣкоторыя опасенія сочувствующимъ ему и могутъ имѣть весьма печальныя послѣдствія для пролетаріата. Дѣло въ томъ, что между интеллигентской и пролетарской психикой лежитъ слишкомъ глубокая пропасть, что интеллигенціи также трудно понять кровные, классовые интересы пролетаріата, какъ и пролетаріату понять всю важность условій, необходимыхъ интеллигенціи для ея культуртрэгерской дѣятельности; а при такомъ взаимномъ непониманіи — совмѣстная работа немыслима. И что это не голословное утвержденіе — ясно свидѣтельствуетъ вся безплодность дѣятельности соціалъ-демократическихъ партій всего міра, партій, представляющихъ собою ничто другое, какъ союзы пролетаріата съ интеллигенціей. И въ самомъ дѣлѣ: что сдѣлали эти партіи для рабочаго класса за сорокъ съ лишнимъ лѣтъ своего существованія? Ровно ничего. Берите Германію: тамъ существуетъ могучая, огромная, трехмилліонная по количеству членовъ партія. Гдѣ плоды ея сорокалѣтней дѣятельности? Улучшила-ли она хоть на іоту положеніе нѣмецкаго пролетаріата? уменьшила ли она хоть сколько нибудь гнетущую его эксплуатацію? Нѣтъ! Почему?
— Потому что идеологи партіи, интеллигентская часть союза, не понимая, а иногда и не желая понимать, кровныхъ, экономическихъ интересовъ пролетаріата и имѣя главнымъ образомъ въ виду улучшеніе условій, необходимыхъ ей для ея культуртрэгерской дѣятельности, толкала пролетаріатъ на чисто демократическую борьбу, на борьбу за разныя политическія реформы и реформочки, безразличныя пролетаріату; потому, что пролетаріатъ, въ свою очередь не понимая интеллигенціи и думая, что его интересы тождественны съ ея стремленіями, слѣпо шелъ за ней, уклоняясь все болѣе и болѣе отъ своей естественной, т. е. чисто пролетарской, экономической, линіи борьбы. А результаты такой тактики, длившейся тридцать съ лишнимъ лѣтъ?.. Полсотни депутатовъ въ парламентѣ, и это все, абсолютно все!.. И это въ Германіи, въ этой классической цитадели соціалъ-демократіи; въ другихъ странахъ дѣла обстоятъ не менѣе плохо; вездѣ и повсюду союзъ между пролетаріатомъ и интеллигенціей оказывается въ концѣ концовъ крайне невыгоднымъ для перваго изъ двухъ союзниковъ, отвлекая его отъ настоящей, свойственной ему по его классовому положенію работы. Эту мысль я только что иллюстрировалъ примѣромъ всемірной соціалъ-демократіи; имѣется еще и другой примѣръ обратнаго свойства: я говорю о революціонномъ синдикализмѣ. Если эта чисто пролетарская организація дѣйствительно представляетъ собою очень крупную силу, такъ это именно потому, что она *чисто* пролетарская, а не *интеллигентски*-пролетарская. Къ сожалѣнію, за послѣдніе нѣсколько лѣтъ и тамъ начинаютъ проявляться нѣкоторыя „союзническія" тенденціи и наклонности: съ одной стороны разные Сорели, Лагардели, Лабріола, Кричевскіе и др. почуяли въ синдикатахъ очень лакомую добычу, а съ другой, синдикаты какъ будто тянутся на удочку этихъ господъ... Остается только надѣяться, что французскій и итальянскій пролетаріатъ во время пойметъ всю угрожающую ему опасность и дѣло закончится однимъ только простымъ заигрываніемъ.

Какой же изъ всего этого сдѣлать выводъ?

По нашему мнѣнію, слѣдующій: въ рядахъ пролетаріата не должно быть мѣста интеллигенціи. Освобожденіе пролетаріата должно быть дѣломъ его собственныхъ рукъ. Этотъ завѣтъ Интернаціонала повторяется всѣми на всѣ лады, и устно, и письменно, и на рабочихъ митингахъ и въ книжкахъ. На самомъ же дѣлѣ съ нимъ такъ же мало считаются, какъ и всевозможные „спасители" пролетаріата, такъ и самъ пролетаріатъ; но такое положеніе дѣлъ имѣетъ для послѣдняго крайне невыгодныя послѣдствія. Пусть же онъ помнитъ это и пусть въ свои ряды не пускаетъ чужихъ.

Но значитъ-ли это, что онъ долженъ отказаться отъ всякой посторонней помощи? значитъ ли это, что онъ долженъ относиться къ интеллигенціи враждебно, какъ къ конкурренту, или даже хуже того, еслибы онъ повѣрилъ г. Лозинскому, какъ къ будущему господину, ждущему только очереди, чтобъ сѣсть ему на шею? Конечно, нѣтъ. Это было бы ошибкой, ибо интеллигенція много знаетъ, и знанія ея могутъ безусловно ему пригодиться. Но пусть она дѣйствуетъ *извнѣ*; пусть она знаетъ, что *внутри* рабочихъ организацій для нея нѣтъ мѣста; она можетъ только *помогать* пролетаріату, но не *руководить* имъ; она должна только *освѣщать* ему *его* дорогу, но не *водить* его по *своей*, гдѣ онъ рискуетъ затеряться. Вотъ каковы должны быть отношенія между пролетаріатомъ и интеллигенціей: не рѣзко враждебныя, какъ проповѣдуетъ г. Лозинскій, но и не чрезмѣрно интимныя, какъ хочется соціалъ-демократіи.

Максимъ Дубинскій.

ИЗЪ РОССІИ:

Ялтинская типографія и севастопольскій побѣгъ.

I.

Пещерная типографія и арестъ въ Ялтѣ.

Это было въ концѣ апрѣля 1906 года. Удушливый кошмаръ кровавыхъ репрессій висѣлъ уже надъ всей страной. Подавленное было самодержавіе все выше и выше поднимало голову, все безцеремоннѣе расправлялось даже съ „полу-просящими" врагами-соціалъ-кадетскими переустроителями. Къ старымъ пріемамъ расправы прибавлялась развѣ откровенная, циничная месть да безграничное глумленіе, надъ всякимъ попадавшимъ въ руки опричниковъ абсолютизма. Положеніе трудящихся по всей огромной странѣ становилось все болѣе и болѣе ужаснымъ. Голодъ безработица, повальное казацкое „усмиреніе" и — надъ всѣмъ — непрерывно возрастающее сознаніе полной невозможности „мирнаго завоеванія" хоть частицы Воли и Хлѣба — таковъ былъ заколдованный кругъ, въ которомъ очутилось большинство русскихъ рабочихъ. Вырвавшаяся было на мгновеніе революція, снова загонялась внутрь. И невыносимость положенія естественно стала вызывать, въ сознательныхъ элементахъ массы — сильную потребность въ жизнеспособной программѣ радикальной и непосредственной борьбы съ властью и голодомъ. Пропорціонально съ этимъ возросталъ спросъ на анархическую литературу. Но удовлетворить этотъ спросъ, особенно на югѣ Россіи, гдѣ я жилъ въ это время; мы были фактически не въ состояніи. Обильная легальная литература по анархизму была слишкомъ дорога и недоступна рабочему люду. Нелегальной же мы располагали въ такомъ ограниченномъ количествѣ, что необходимость постановки типографіи тутъ же гдѣ нибудь наростала, чуть ли не съ каждымъ днемъ. Жадно присматривались мы ко всему, что могло бы намъ помочь выполнить эту задачу. И вотъ именно въ это время, пріѣхавшимъ товарищемъ Семеномъ Беніенко *) было предложено поставить типографію въ пещерахъ близъ Ялты. Идея была хорошая. Мы ухватились за нее и, не откладывая, поѣхали въ Ялту.

*) Погибъ отъ взрыва бомбы 4 августа 1907 въ Ялтѣ.

Въ городѣ мы застали только чуть чуть начинавшуюся болѣе или менѣе систематическую пропаганду анархистскихъ идей. Особенныя колебанія стали замѣчаться между соціалистами-революціонерами: нѣкоторые изъ нихъ формально отказывались отъ генеральствовавшихъ комитетовъ и примыкали къ анархистамъ, другіе находились только въ процессѣ броженія. Такъ что работать предстояло одновременно и въ городѣ, и въ пещерахъ. Прежде всего мы принялись устраивать нашу пещерную квартиру и высматривать типографію для экспропріаціи. Это продолжалось недолго. Дня черезъ два послѣ пріѣзда мы сэкспропріировали станокъ и шрифтъ, перевезли все въ пещеру и приступили къ работѣ. Цѣлые дни проводили мы въ нашей катакомбѣ. Работы было много. Только изрѣдка могли мы отрываться для пропаганды въ городѣ. Тормозилъ дѣло главнымъ образомъ недостатокъ средствъ. Мы рѣшили съѣздить къ екатеринославскимъ товарищамъ. Поѣхалъ я: денегъ я не нашелъ и тамъ, но за то вернулся обратно съ Владимиромъ Ушаковымъ.

Дѣло пошло лучше. Мы стали набирать брошюру „О революціи и революціонномъ правительствѣ". Когда она была кончена (3700 экз.), привезли изъ Екатеринослава для печати некрологъ о погибшемъ товарищѣ Павлѣ Гольманѣ. И къ этому же времени пріѣхали товарищи для печатанія перваго номера „Бунтаря". Часть отпечатанной брошюры стали уже развозить по группамъ. работа типографіи становилась все исправнѣе, а нужда въ ней все росла и росла...

Но... 21 августа въ Азовско-Донскомъ банкѣ былъ арестованъ Владиміръ. Спасти его не было никакой возможности — слишкомъ уже крѣпко держали его.

Грустные возвратились мы послѣ этого ареста въ нашу пещеру и еще сильнѣе налегли на работу. Хоть чѣмъ нибудь хотѣлось выразить свою тоску и боль о потерѣ товарища, свою ненависть къ проклятой тираніи. Цѣлые сутки непрерывно печатали мы листокъ о Павлѣ Гольманѣ.

Надолго, на всю жизнь въ память врѣзались мнѣ эти сутки... Ясно вижу передъ собой и грозно-молчаливую, какъ бы притаившуюся трехъугольную пещеру нашу, и тусклый свѣтъ отъ лампы, едва освѣщающій согнутыя фигуры товарищей, и темный, весь сплоченный изъ камней столикъ, на которомъ происходила работа и товарищей, блѣдныхъ, сосредоточенныхъ, лихорадочно перекладывающихъ листъ за листомъ, не говоря, почти не глядя другъ на друга... Какая то невыносимая, гнетущая тяжесть забиралась въ душу, что то огромное, безпредѣльное рвалось тамъ внутри разбить, разметать вдребезги эту нависшую надъ нами громаду камня, выйти на ширь, на волю... стать лицомъ къ лицу съ врагомъ... со всего размаху ударить въ него... бороться, разрушать и гибнуть самому въ этой борьбѣ медленно, по каплѣ истекая кровью... Только къ 2-мъ часамъ ночи закончили мы печатаніе некролога. Усталые и разбитые выбрались мы наверхъ и пошли къ мѣсту нашего ночлега. Спали мы обыкновенно шагахъ въ двадцати отъ пещеры, въ лѣсу. Волненія послѣднихъ дней и непрерывная двадцатичетырехчасовая работа такъ утомили меня, что, едва коснувшись земли, я сейчасъ же уснулъ.

А проснулся я уже съ руками, скрученными назадъ и туго на туго перевязанными... Едва-едва начинался разсвѣтъ. Трудно было даже разглядѣть окружавшихъ насъ людей. Я оглянулся на товарищей. Такъ же, какъ и я, стояли они ошеломленные, со скрученными, перевязанными руками окруженные плотной стѣной солдатъ... И только выйдя на „Царскую поляну" я разглядѣлъ, что кругомъ стоятъ 2 роты солдатъ, полуэскадронъ „эскадронцевъ" и многочисленная свора полицейскихъ. Начались разспросы... Назвать себя мы отказались. Тогда исправникъ сталъ читать наши имена по бумагѣ. Сначала онъ ошибался (у него было записано восемь именъ, а насъ было только трое), но затѣмъ приглядѣвшись, онъ двоихъ изъ насъ назвалъ вѣрно. Стало ясно, что мы преданы... Когда покончили съ нашими фамиліями, приступили съ требованіями указать, гдѣ находится типографія. Для большей убѣдительности намъ былъ сказанъ нашъ пароль, были нарисованы приблизительно планъ и мѣсто типографіи. Я насторожился... Очевидно было, что предателю извѣстно далеко не все, что многаго и многаго онъ совершенно не зналъ и, наконецъ, что и мѣсто типографіи онъ зналъ только по разсказамъ. Чѣмъ назойливѣе дѣлались требованія ротмистра и исправника, тѣмъ яснѣе становилась предо мной дилемма: или указать типографію и этимъ спасти то, что имъ не было извѣстно, но что могло быть открыто въ процессѣ нащупыванія типографіи, или предоставить имъ искать, по плану общему въ ихъ рукахъ, и этимъ погубить все. Одну минуту я колебался. Ужъ слишкомъ тяжело и больно было отдавать собственными руками стоившую такъ много усилій и труда типографію. Да дѣлать было нечего! надо было удержать хоть то, что можно... я обернулся и заявилъ, что иду. Радость этихъ трусливыхъ, наемныхъ тюремщиковъ была безгранична. Они и не пытались скрыть ее... Но едва мы отошли, одинъ изъ оставшихся товарищей крикнулъ: „Это новый Сусанинъ! Онъ ихъ заведетъ..." Сейчасъ же было доложено объ этомъ сопровождавшимъ меня высшимъ чинамъ полиціи. И снова начались трусливые, подобострастные уговоры и просьбы... Наконецъ, мы двинулись дальше. Съ клокотавшей внутри злобой, съ ноющей, пронизывавшей всего меня мукой указывалъ я наши завѣтные, такъ долго хранимые и оберегаемые входы. И только одна мысль была въ головѣ: какъ бы отвлечь вниманіе отъ остального...

Быстро и механически — равнодушно стали хозяйничать нижніе полицейскіе чины въ типографіи. Все безъ разбору сваливалось въ кучу и вытаскивалось на верхъ. И только изрѣдка мелькавшая хищная радость на лицахъ исправника и ротмистра указывала на ту трепетную дрожь, которую переживали они до самой послѣдней минуты, на безумный безграничный страхъ передъ этими людьми, ушедшими въ пещеры, на все готовыми, на все рѣшившимися, ни предъ чѣмъ не останавливающимися въ своей борьбѣ съ насиліемъ... Мои догадки потомъ оправдались... Черезъ четверть часа все изъ типографіи было забрано, и насъ повели въ тюрьму.

—•—

А въ эти же часы, въ одной изъ одиночекъ Ялтинской тюрьмы метался въ безсильномъ отчаяньи нашъ товарищъ Владиміръ Ушаковъ. Съ перваго момента ареста отъ него стали требовать указаній гдѣ мы, сколько насъ и какъ насъ взять безъ кровопролитія.

Владиміръ молчалъ... Въ ходъ были пущены угрозы, запугиванія эскадронцами, которыхъ впускали къ нему въ камеру пьяными съ нагайками въ рукахъ. Но Владиміръ не говорилъ ни слова.

Тогда тактика была измѣнена. Со словъ предателя, передъ Владиміромъ развернули всю картину нашей жизни, приблизительно было сказано ему даже и мѣсто, гдѣ мы находимся. Просили только одного: чтобъ онъ сказалъ, какъ забрать насъ безъ шума...

Отвѣта не было... Тогда взбѣшенный приставъ Гвоздевичъ окружилъ его камеру двойной стражей и заявилъ: „Я иду ихъ арестовать. Если меня убьютъ, тебя здѣсь мои товарищи разорвутъ на клочки". И ушелъ... Владиміръ остался одинъ въ своей камерѣ. Онъ *зналъ*, что каждая проходившая минута приближаетъ нашихъ враговъ къ намъ, онъ *зналъ*, что малѣйшее предупрежденіе, одно слово могло бы спасти и работу долгихъ, долгихъ мѣсяцевъ, и типографію и, быть можетъ, наши жизни. Но этого слова крикнуть онъ не могъ: крѣпки были стѣны тюрьмы, слишкомъ зорки солдаты, окружавшіе ихъ... Всю ночь метался Владиміръ отъ окна къ койкѣ, отъ койки къ окну. Какъ будто этотъ маленькій просвѣтъ, забранный толстой рѣшеткой, приближалъ его все-таки къ намъ, и онъ дѣлалъ еще глубже, еще острѣе его муку...

Только къ утру узналъ онъ отъ насъ о нашемъ приходѣ, о подробностяхъ ареста, о предателѣ...

Объ этомъ товарищѣ, который сдѣлался предателемъ, мы знаемъ немного. И то, что мы знаемъ, какъ то странно до непонятности не вяжется съ нимъ... Звали его Григорій Холопцевъ. Вначалѣ онъ работалъ съ с.-р.-ами, потомъ, незадолго до нашего пріѣзда, порвалъ съ ними и сталъ работать, какъ анархистъ.

Мы цѣнили его, и относились къ нему съ безусловнымъ довѣріемъ: свое дѣло онъ дѣлалъ хорошо, преданно, умѣло... Товарищи, которые знали его до насъ, говорили о немъ, какъ о честномъ и искренне преданномъ идеѣ рабочемъ.

Арестовали его за нѣсколько дней до ареста Владиміра, по небольшому, неважному дѣлу: по подозрѣнію въ избіеніи околодочнаго. Какимъ образомъ открылось, что онъ анархистъ, что онъ работалъ съ нами и участвовалъ въ актѣ противъ дачи Ф. мы такъ и не знаемъ... Но все это полиціи стало извѣстно, и онъ со страху — началъ выдавать... Намъ передавали о безчеловѣчныхъ побояхъ, которыми вынуждали у него признанія. Говорили также о вліяніи на его позорное рѣшеніе какой то женщины, жившей раньше съ нимъ, которая подолгу бывала у него въ участкѣ въ первые дни послѣ его ареста... Подробностей мы не узнавали, да и вообще избѣгали говорить о немъ: слишкомъ ужъ отталкивающе-гадко и ужасно все это. Чтобъ указать мѣсто нашего ночлега при пещерахъ, его переодѣвали въ полицейское платье, въ которомъ онъ вмѣстѣ съ нарядомъ полиціи ходилъ въ Оріанду. Рабочіе разсказывали потомъ, что на разсвѣтѣ видѣли его возвращавшимся съ конвоемъ оттуда...

Отъ своего предательства онъ не отпирался, и, кромѣ насъ, оговорилъ еще нѣкоторыхъ нелегальныхъ, но и это его не спасло.

Онъ былъ приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе, которое потомъ было замѣнено разстрѣломъ. Большей милости этотъ несчастный трусъ за свое предательство не получилъ.

Казненъ ли онъ или нѣтъ, намъ неизвѣстно.

Въ Ялтинской тюрьмѣ насъ держали недолго. Черезъ 5 дней мы всѣ были перевезены въ Симферополь. И съ перваго же дня нашего водворенія туда мы всѣ принялись тщательно изучать всѣ возможности побѣга изъ замка. Общая всѣмъ арестованнымъ мысль

о побѣгѣ была усилена и обострена въ насъ до крайней степени; и неожиданность ареста, и полная невозможность защищаться, и предательство — способствовало этому. На первыхъ же порахъ мы натолкнулись на разработанный уже планъ подкопа. Побѣгъ долженъ былъ быть массовымъ. Подкопъ уже готовился... Но когда было прорыто 21 аршинъ — кто то донесъ, и планъ рухнулъ...

Надзоръ за нами усилился. Временно по крайней мѣрѣ, приходилось всякую мысль о побѣгѣ отложить. Потянулись томительно долгіе дни, недѣли, мѣсяцы: безпрерывный рядъ сѣрыхъ, автоматически повторявшихъ другъ друга часовъ, оживлявшихся развѣ воспоминаніями о прежней работѣ за безграничной, щемящей каждой воли...

Такъ продолжалось до начала апрѣля... Стояла уже весна... Тогда снова призракъ побѣга мелькнулъ передъ нами. Дѣло было передъ самой Пасхой. По праздникамъ въ тюремныхъ мастерскихъ общія работы прекращались. И вотъ — задумано было, воспользовавшись этимъ — бѣжать черезъ одну изъ мастерскихъ...

Побѣгъ былъ назначенъ на третій день пасхи. Въ мастерской прорыли отверстіе, подобрали ключи... Но на второй день праздника весь нашъ планъ былъ снова кѣмъ то выданъ! Начальство насторожилось... И снова между нами и волей стали крѣпкія тюремныя стѣны...

Это была послѣдняя попытка побѣга изъ Симферопольской тюрьмы. Въ ночь съ 5-го на 6-ое мая насъ перевели въ Севастополь.

—

II.

Передъ вечеромъ 6 мая отвели насъ на вокзалъ, чтобъ отправить въ Севастополь. Стояло уже лѣто: глубокое, томное, „крымское"...

Чѣмъ то призывнымъ и ободряющимъ повѣяло на насъ отъ того небольшого клочка воли, по которому насъ провели.

Мы знали, что ждетъ насъ. Мы знали, что тамъ, впереди, снова тюрьма, военно-окружной судъ и ... 279-ая статья.

Но эта огромная, бодрая, творческая работа жизни природы пріобщала какъ то и насъ къ себѣ. Ни унынія, ни подавленности не видѣлъ я на лицахъ товарищей; почти съ охотой мы садились въ арестантскій вагонъ: вѣдь тамъ все же что-то новое, и кто еще знаетъ какое... Только къ полуночи пріѣхали мы въ Севастополь.

Повели насъ сразу не въ тюрьму, а въ полицейское управленіе, приходилось переждать ночь, чтобы быть доставленными въ тюрьму на завтра съ утра, во избѣжаніе побѣга.

И тутъ въ послѣдній разъ пришлось намъ снова пережить всѣ тревоги приготовленій къ побѣгу и тупую, ноющую боль безплодности ихъ...

Едва перезнакомились мы съ заключенными, какъ намъ сообщили, что въ одной изъ стѣнъ готовится проломъ. Всю ночь работали мы надъ нимъ. Къ разсвѣту большая часть отверстія была уже пробита. Но къ утру надзирателемъ, зашедшимъ въ смежный сарай за флагами (6-ое мая „царскій день"), проломъ былъ открытъ...

Черезъ пару часовъ насъ „благополучно" перевели въ тюрьму...

Здѣсь намъ былъ врученъ, наконецъ, обвинительный актъ.

Насъ обвиняли: 1) въ устройствѣ тайной типографіи въ Царскомъ имѣніи „Оріанда" „безъ надлежащаго на то разрѣшенія". 2) въ приготовленіи и храненіи бомбъ; 3) въ принадлежности къ тайному сообществу и, наконецъ, 4) въ нападеніи на дачу Ф. Весь обвинительный актъ былъ построенъ главнымъ образомъ на показаніяхъ предателя да одной уголовной арестантки, судившейся за кражу, которая сама же призналась, что ялтинскій жандармскій ротмистръ посулилъ ей за свидѣтельство противъ насъ 200 руб. Какъ вещественное доказательство „приготовленія и храненія" бомбъ фигурировалъ только старый кусокъ бикфордова шнура, гдѣ-то у насъ найденный.

Такъ или иначе отъ военно-окружного суда, при обвиненіи по 279-ой статьѣ, ждать слишкомъ много хорошаго едва ли приходилось. Надо было что-либо предпринимать: мысль о побѣгѣ снова стала предъ нами.

Планъ побѣга, на которомъ мы послѣ многихъ комбинацій остановились, былъ таковъ: пользуясь отсутствіемъ часовыхъ съ наружной стороны тюрьмы, товарищи съ воли подкладываютъ въ заранѣе условленномъ мѣстѣ снарядъ, въ то время, когда насъ выпускаютъ на прогулку. Намъ въ тюрьму должны быть переданы браунинги. Къ моменту взрыва мы открываемъ стрѣльбу по часовому и надзирателю и, освободивъ путь, бѣжимъ черезъ образовавшееся въ стѣнѣ отверстіе. Собственно планъ этотъ былъ уже до насъ предложенъ заключенными соціалистами-революціонерами въ свой комитетъ. Но тамъ онъ найденъ былъ абсурднымъ и невыполнимымъ...

Насъ это однако, не остановило. Въ началѣ іюня у насъ были уже связи съ товарищами въ городѣ. Начались приготовленія.

Такъ какъ побѣгъ предполагался массовымъ и „безпартійнымъ", участіе въ подготовительной работѣ принимали также и с-ры: часть оружія, конспиративныя квартиры и проводники должны были быть доставлены ими. Какъ страшно быстро, незамѣтно, лихорадочно проходили эти дни подготовленія и улаживанія всего. И вмѣстѣ съ тѣмъ почти каждый часъ изъ этихъ дней, глубоко пережитыя тогда мгновенія врѣзались въ память и живо, ярко оживаютъ въ ней...

Работа шла дружно. Къ срединѣ іюня снарядъ былъ уже готовъ, обо всемъ условились и оружіе передали намъ. И наконецъ на 15-ое былъ назначенъ побѣгъ. Совершенно почти не спалось въ послѣднюю ночь. Что то большое, необъятное расширялось тамъ въ груди, поднимало тебя съ койки и заставляло бѣгать по камерѣ... Неудержимый вихрь образовъ бѣшено мчался въ головѣ; картины, одна заманчивѣе другой проносились въ мозгу съ почти осязаемой реальностью и никакими усиліями нельзя было ни остановить, ни удержать ихъ. Бывало съ какой то лукавой намѣренностью начинаешь доказывать себѣ, что все еще крайне гадательно, что тысячи тысячъ непредвидѣнныхъ и неучитываемыхъ случайностей могутъ разрушить весь планъ, какъ повторялось это уже много и много разъ... Одну минуту что-то какъ бы начинало прислушиваться къ этимъ доказательствамъ. Мысли утихали, падали...

Но минута проходила. И снова наполняли они образами голову, то вспыхивая, то погасая одна ярче другой, одна другой заманчивѣе...

Стало, наконецъ, свѣтать. Настало и утро... Товарищи такъ же, какъ и я, ходили въ взвинченно-бодромъ, задумчивомъ и нѣсколько излишне суетливомъ настроеніи. Надо было ждать послѣдняго условнаго сигнала, который долженъ былъ дать знать, что побѣгъ не отложенъ. Часовъ въ 10 мы получили его. Быстро справились мы съ послѣдними приготовленіями: переодѣлись въ свое платье, переспросили еще разъ всѣхъ, желающихъ бѣжать... отказались только двое..., Предстояло переждать время до нашей прогулки. Наша очередь была третьей. Ушла и пришла первая смѣна... Ушла и вторая. Наиболѣе волновалъ насъ въ эти послѣднія полъ-часа вопросъ о томъ, пропустятъ ли всѣхъ, рѣшившихъ бѣжать съ нами. Обыкновенно больше 15-ти человѣкъ сразу на дворъ не выпускали. А насъ было 21...

Когда возвратилась вторая смѣна, мы стали въ рядъ такъ, что „смертники" и каторжане были впереди, а остальные сзади. Подошли къ дверямъ и стали выходить. Сверхъ всякаго ожиданія выпустили всѣхъ. Настроеніе еще больше приподнялось. Товарищъ, шедшій за мной, успѣлъ мнѣ шепнуть: „Мнѣ ужасно хорошо, что мы всѣ тутъ. Вѣдь каково должно было быть состояніе души пятнадцатаго, если-бъ шестнадцатый остался по ту сторону двери"...

Кругомъ смѣялись.

Сигналъ, что у насъ все готово, былъ уже данъ. Сдѣлавъ два круга по двору, мы всѣ прилегли у противоположной отъ намѣченной къ взрыву стѣны и стали ждать отвѣтнаго сигнала.

Наша скученность, общая напряженность ожиданія, очевидно не ускользнувшія отъ надзирателя, стала тревожить его. Подозрительно сталъ онъ оглядываться по сторонамъ, понемногу приближаясь въ нашу сторону... Какъ вдругъ небольшой камешекъ, описавъ дугу въ воздухѣ, ударился о нашу стѣну. Это и былъ ожидаемый нами сигналъ... Быстро пріоткрыли мы рты... Страшно-оглушительный взрывъ послѣдовалъ тотчасъ-же. И въ то же мгновеніе рядъ выстрѣловъ посыпался по надзирателю и часовому. Все это продолжалось не больше 10-15 секундъ...

А черезъ полъ-минуты мы всѣ уже были на волѣ.

Едва я съ Владиміромъ выскочили за уголъ тюрьмы, какъ насъ окликнулъ по именамъ старый товарищъ... Онъ-то и привелъ насъ на конспиративную квартиру. Владиміръ былъ слегка раненъ.

Мы перемыли и перевязали ему рану, посидѣли немного, и я ушелъ на другую квартиру, приготовленную для меня по сосѣдству съ первой. Владиміра мнѣ больше не суждено было видѣть.

Ночью слыхалъ я какой-то странный сухой выстрѣлъ и шумъ.

Только на утро разъяснилось мнѣ все ужасное значеніе этого.

Вотъ что прочелъ я въ мѣстной газеткѣ: „изъ мѣстной гражданской тюрьмы путемъ пролома стѣны бѣжали 21 важныхъ политическихъ арестанта. Часовой раненъ въ грудь. Надзиратель невредимъ. Онъ былъ найденъ въ обморочномъ состояніи. Взрывъ былъ настолько силенъ, что окна въ тюрьмѣ и въ сосѣднихъ домахъ были сплошь выбиты. Брешь въ тюремной стѣнѣ образовалась аршинъ около двухъ высоты и ширины. На всю ночь полиціей были предприняты облавы. Во дворѣ одного дома на татарской слободкѣ былъ замѣченъ какой то человѣкъ. Его окружили и крикнули „руки вверхъ"! Неизвѣстный вынулъ браунингъ и выстрѣломъ въ високъ покончилъ съ собой. Тюремный надзиратель опозналъ въ немъ одного изъ бѣжавшихъ — Владиміра Ушакова..."

Такъ погибъ одинъ изъ наиболѣе любимыхъ нами товарищей...

А полиція продолжала неистовствовать. Кѣмъ то былъ пущенъ слухъ, что мы переодѣваемся турками и выѣзжаемъ на пароходахъ, отходящихъ въ Константинополь. Нехорошія времена наступили для ни въ чемъ неповинныхъ турокъ... ихъ хватали, обыскивали, часто подолгу держали въ участкахъ... А мы понемногу разъѣзжались.

Изъ всѣхъ 21 бѣжавшихъ, (кромѣ застрѣлившагося В. Ушакова.) былъ арестованъ только одинъ.

Симферополь. Послѣ провала мѣстной группы, произшедшаго благодаря провокаціи Антона Ермоленки и Николая Шелахведова *), работа совершенно прекратилась; почти полгода объ анархистахъ ничего не было слышно. И только въ концѣ марта, пріѣзжими товарищами а.-к. была вновь сорганизована маленькая группа; но, такъ какъ средствъ совершенно не было, то приходилось оставить всякую мысль о немедленной плодотворной анархистской работѣ; для работы необходима была литература, типографія, оружіе, — денегъ же не было... Рѣшено было сдѣлать экспропріацію. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, числа 12 или 13-го, нашей группой было совершено вооруженное нападеніе на контору богоугоднаго заведенія, гдѣ было взято 6996 рублей; уходя съ экспропріаціи, товарищи оставили въ конторѣ бомбу. Только черезъ 20 мин. явились на мѣсто происшествія представители власти: первое, что имъ бросилось въ глаза, была бомба, и типъ бомбы ихъ страшно поразилъ; такой бомбы они еще никогда не видали. Газеты писали: „грабители оставили послѣ себя „бомбу" (въ кавычкахъ), — кусокъ палки со свинцовымъ слиткомъ на концѣ". Бомба была отправлена въ первый участокъ, и вотъ тамъ „палка" дала себя знать. Видный дѣятель Союза Русскаго Народа и начальникъ боевого черносотеннаго отряда, организаторъ погрома Канаки, явившись въ участокъ, началъ смѣяться надъ бомбой и анархистами, которые обладаютъ такими бомбами; и вдругъ раздался страшный взрывъ — бомба отомстила за насмѣшки. Взрывомъ были убиты Канаки и одинъ шпикъ; тяжело ранены другой шпикъ и старшій ингушъ, который проявлялъ себя своей жестокостью при обыскахъ и истязаніяхъ въ участкѣ; оба умерли.

На деньги, взятыя въ богоугодномъ заведеніи, было куплено немного оружія и литературы, былъ также купленъ динамитъ; но сразу невозможно было начать кружковую работу за неимѣніемъ пропагандиста (что всегда губитъ наши молодыя группы въ самомъ ихъ зародышѣ). Поѣхали въ Екатеринославъ просить, чтобы пріѣхалъ пропагандистъ; пообѣщали, но что-то, очевидно, помѣшало. Были попытки своими силами заниматься съ кружками, нѣкоторые товарищи выступали также въ профессіональныхъ союзахъ.

Но тутъ разразились событія, заставившія на время совершенно отказаться отъ работы въ массѣ.

Два члена группы были убиты за растрату групповыхъ денегъ, потомъ опять одинъ скрылся, по всѣмъ предположеніямъ въ Кіевѣ **) захвативъ полученные ему 1080 рублей. Это случилось въ началѣ мая. Въ виду этихъ злоупотребленій и другихъ расходовъ (какъ напримѣръ: на голодающихъ безработныхъ 1100 рублей, Екатеринославской группѣ 500 рублей, Севастопольской группѣ 200 руб., также куплено для нея оружіе и на 70 руб. литературы; на тюрьму, на организацію побѣга товарищей изъ Севастопольской тюрьмы и отправку ихъ 425 рублей и т. д.) — группа рѣшила предпринять новую экспропріацію.

Въ маѣ мѣсяцѣ четыре товарища поѣхали въ Тульскую губ., въ Одоевскій уѣздъ для совершенія экспропріаціи, но тамъ ихъ постигла неудача. Еще не успѣвъ прибыть къ тому мѣсту, гдѣ должно было совершиться нападеніе, товарищи были окружены стражниками въ количествѣ 30 человѣкъ. Залпами изъ трехъ браунинговъ и одного маузера товарищи пробили себѣ дорогу, а стражники, образовавъ полукругъ, безпрерывно стрѣляя, преслѣдовали ихъ; такъ отступленіе продолжалось двѣ версты, а до мѣста, въ которомъ предполагалось скрыться, было около 14-ти верстъ, и приходилось проходить черезъ двѣ деревни. Крестьяне, работавшіе въ полѣ и выбѣжавшіе навстрѣчу изъ деревни, присоединились къ стражникамъ. Отступленіе было очень трудное; мужики, которыхъ набралось до 200 человѣкъ, очень насѣдали, а стрѣлять было жалко. Но тутъ судьба улыбнулась товарищамъ. Навстрѣчу имъ ѣхалъ возъ съ житомъ; онъ былъ немедленно арестованъ, жито сброшено; вскочивъ на телѣгу, товарищи помчались подъ выстрѣлами стражниковъ, съ пѣніемъ „Чернаго Знамени". Пришлось ѣхать черезъ деревню. Предупрежденные крестьяне уже стояли на дорогѣ, вооруженные топорами и вилами, и пытались задержать ихъ. Въ числѣ товарищей былъ Петя Васинъ, *) ихъ однодеревенецъ. Своей прекрасной и искренней рѣчью, въ которой онъ объяснилъ имъ, за что и противъ кого ведутъ борьбу анархисты-коммунисты, онъ заставилъ ихъ разступиться со словами: „ѣдьте, богъ вамъ да поможетъ!"

Товарищи въѣхали въ слѣдующую деревню, гдѣ стражники пытались аттаковать ихъ, выхвативъ шашки на-голо, но были отбиты залпами. Въ это время навстрѣчу попался мужикъ, ведшій лошадь съ бороной; онъ загораживалъ дорогу, и одинъ изъ товарищей закричалъ ему: „съ дороги, стрѣлять буду!" и когда, не обращая вниманія, онъ продолжалъ свой путь, товарищъ поднялъ браунингъ и хотѣлъ выстрѣлить въ него, какъ вдругъ товарищъ Петя закричалъ: „стой: не стрѣляй! это мой отецъ!" Минута была ужасная: со всѣхъ сторонъ смерть — и такая встрѣча сына съ отцомъ послѣ пятилѣтней разлуки... Товарищи думали, что Петя растеряется, и тогда придется трудно — но не таковъ былъ Петя. Зарыдавъ, онъ только крикнулъ: „Прощай, отецъ! помирать на родную сторону пріѣхалъ!" и, въ то же время, со словами: „ахъ, проклятые гады!" продолжалъ пускать выстрѣлъ за выстрѣломъ въ слишкомъ насѣдавшихъ стражниковъ. Только въ такой прекрасной душѣ, какъ у Пети, совмѣстимы были въ одно и то же время святая и горячая любовь и страшная ненависть. До лѣса оставалось всего версты полторы. Товарищи благополучно добрались до него и скрылись въ чащѣ, а гнавшіеся за ними стражники, достигнувъ лѣса, дальше не рѣшались преслѣдовать. Послѣ долгихъ скитаній по лѣсу и дорогамъ, товарищи добрались наконецъ до станціи и благополучно прибыли въ Симферополь.

Но Петѣ Васину не суждено было долго жить съ нами. Ушедши отъ, казалось, неминуемой смерти въ Тульской губерніи, онъ черезъ недѣлю погибъ въ Симферополѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Когда онъ проходилъ по Пушкинской улицѣ съ товарищемъ Володей Вашкевичемъ, трое городовыхъ хотѣли задержать ихъ, по указанію шпіона Антошки Тикмеса (бывш. с.-р.). Товарищи начали стрѣлять; ранивъ городового, они вскочили на извозчика и помчались по Дворянской улицѣ. Преслѣдуемые шпіонами на велосипедахъ, истинно-русскими добровольцами и ингушами на лошадяхъ, они засѣли на Мало-Базарной улицѣ въ домѣ Качера, выславъ предварительно хозяйку изъ квартиры. Еще во дворѣ, при попыткѣ задержать ихъ, былъ убитъ околодочный надзиратель Егоровъ. Домъ немедленно былъ окруженъ полиціей, двумя ротами солдатъ Литовскаго полка и эскадрономъ ингушей; послѣдніе размѣстились на крышахъ сосѣднихъ домовъ и все время безпрерывно обстрѣливали домъ, гдѣ засѣли товарищи. Но винтовки ничего не могли сдѣлать, товарищи находились подъ прикрытіемъ стѣны. Привели пушку. Передъ бомбардировкой губернаторъ Новицкій барабаннымъ боемъ вызвалъ товарищей на переговоры, но переговоры ни къ чему не привели. На предложеніе губернатора, сдаться послѣдовалъ гордый отказъ: „Анархисты живыми не сдаются". Во время переговоровъ оба товарища были ранены нѣсколькими пулями изъ винтовокъ, такъ какъ довѣрчиво высунулись въ окно, чѣмъ и воспользовались ингуши.

Бомбардировка началась. Въ отвѣтъ на каждый пушечный выстрѣлъ раздавались изъ глубины двора два глухихъ выстрѣла изъ браунинговъ, потомъ сталъ слышенъ только одинъ... Товарищъ Володя былъ убитъ ядромъ, остался Петя; выскочивъ во дворъ изъ комнаты, онъ произвелъ нѣсколько выстрѣловъ въ войска и упалъ, изнемогая отъ ранъ. Въ него посыпался градъ выстрѣловъ, но трудно было взять на прицѣлъ распростертаго на землѣ, и ему начали кричать „сдавайтесь!" но получили отвѣтъ: „я еще живъ, а анархисты, пока держатъ въ рукахъ браунингъ, не сдаются". Онъ былъ уже страшно слабъ отъ потери крови; рука съ трудомъ подымала браунингъ... Увидѣвъ, что гады приближаются къ нему, онъ, съ крикомъ: „да здравствуетъ анархія, прощайте, товарищи!" приложилъ дуло браунинга къ виску. Раздался глухой выстрѣлъ, и все стихло...

Петра и Владиміра не стало. Они погибли такъ же геройски, какъ геройски вели борьбу съ угнетателями народа. Съ ихъ гибелью группа потеряла двухъ самыхъ преданныхъ борцовъ за идеалы анархизма. Особенно чувствительна гибель Петра; онъ былъ не только боевикомъ — онъ былъ также природнымъ ораторомъ. Я слыхалъ его на одномъ изъ митинговъ въ Ялтѣ, гдѣ подъ вліяніемъ его рѣчи, вся масса была готова итти за нимъ куда угодно.

Послѣ всѣхъ этихъ событій, видя, что въ Симферополѣ нѣтъ благодарной почвы для анархизма: нѣтъ заводскихъ рабочихъ, а крахмальный пролетаріатъ, въ лицѣ приказчиковъ, портныхъ и т. п., никакъ не можетъ совмѣстить мѣщанскую психологію съ идеей анархизма, — симферопольская группа рѣшила перенести свою дѣятельность изъ Симферополя въ Севастополь, какъ въ военный центръ, гдѣ, какъ было сказано выше, уже существовала маленькая группка а.-к., которая была очень слаба: вся ея дѣятельность заключа-

---

*) Николай Шелахведовъ убитъ въ началѣ мая нашимъ товарищемъ.

**) Имя его Дмитрій, по профессіи плотникъ, видъ интеллигентный. Просимъ кіевскихъ товарищей обратить вниманіе.

*) Убитый при отпорѣ въ Симферополѣ. См. „Буревѣстникъ" № 6-7.

засъ въ томъ, что ею было выпущено нѣсколько листковъ, отпечатанныхъ на гектографѣ. Какъ разъ въ это время отъ Партіи с.-р., послѣ экспропріаціи на почтѣ, гдѣ было взято 17000 руб., откололась боевая дружина (около 40 человѣкъ). Нѣкоторые изъ нихъ объявили себя анархистами-коммунистами и присоединились къ группѣ. Остальные же образовали особою группу подъ названіемъ „Свобода внутри насъ". Эта новая группа выставила своимъ основнымъ принципомъ отрицаніе государства и частной собственности, чѣмъ она сходится съ анархистами. Членами обѣихъ группъ совмѣстно была совершена небольшая экспропріація.

Лѣто отличалось изобиліемъ полицейскихъ обысковъ, сильно тормозившихъ революціонную работу. Тов. рѣшили положить этому конецъ и вотъ въ концѣ іюля или началѣ августа былъ совершенъ террористическій актъ въ домѣ черносотенца Семенова (домовлад.) Въ этомъ домѣ была снята квартира, гдѣ, въ сундукѣ, была устроена адская машина; затѣмъ туда была направлена полиція, которая и не замедлила явиться для обыска. Едва только приставъ сталъ открывать сундукъ, какъ раздался взрывъ, всѣ находившіеся въ комнатѣ были убиты: приставъ, околодочный надзиратель и два жандарма, одинъ изъ которыхъ служилъ уже 20 лѣтъ; кромѣ того тяжело былъ раненъ хозяинъ дома, истинно-русскій Семеновъ.

На этомъ пока остановлюсь. Добавлю только, что нужно обратить больше вниманія на Севастополь, какъ на крупный военный центръ, гдѣ матросы и солдаты съ сочувствіемъ и живымъ интересомъ прислушиваются къ идеѣ анархическаго коммунизма.

М.

Обращенія работницъ одесской городской прачешной къ группѣ анархистовъ-коммунистовъ.

Ниже мы печатаемъ письмо работницъ одесской городской прачешной, обратившихся къ одной изъ одесскихъ группъ анархистовъ-коммунистовъ съ просьбой о защитѣ отъ эксплуатаціи и насилія администраторовъ прачешной.

По этому поводу мы считаемъ нелишнимъ напомнить, что задача анархистовъ-коммунистовъ отнюдь не заключается въ томъ, чтобы въ отдѣльныхъ случаяхъ исключительной эксплуатаціи и насилія надъ пролетаріями выступать въ качествѣ ихъ защитниковъ, дѣйствующихъ вмѣсто самихъ угнетенныхъ и оскорбленныхъ.

Напротивъ, мы всегда, вездѣ и всюду стараемся привить рабочимъ убѣжденіе въ томъ, что, въ борьбѣ за свое освобожденіе, они должны разсчитывать лишь на самихъ себя (см. коррес. изъ Бѣлостока въ этомъ №). Работницы, пославшія печатаемое письмо, очевидно, еще не вполнѣ прониклись духомъ революціонной самодѣятельности, но онѣ уже поняли, что насилію необходимо противопоставить насиліе. Обратились онѣ съ просьбой о защитѣ къ анархистамъ-коммунистамъ. Очевидно, онѣ не разсчитывали ни на помощь елейно-ораторствующихъ соціалъ-демократовъ, ни на соціалистовъ-революціонеровъ, боящихся, какъ огня, экономическаго террора. Израиль Покотиловъ и другіе анархисты-коммунисты, казненные за вмѣшательство съ оружіемъ въ рукахъ въ экономическую борьбу рабочаго класса, показали пролетаріату Одессы, кому ближе всего страданія трудящихся массъ, и кто ихъ борьбу всецѣло считаетъ своею борьбою.

Письмо печатаемъ безъ всякихъ поправокъ.

Ред.

Къ Товарищамъ Анархистамъ-Коммунистамъ.

„Мы работницы Городской Прачешной просимъ Группу Анархистовъ-Коммунистовъ чтобы не отказать въ нашей просьбѣ такъ какъ мы только и надѣемся на Васъ Товарищи что вы сможете насъ защитить отъ проклятыхъ нашихъ угнетателей и обращаемся къ Вамъ товарищамъ болѣе вліятельнымъ на этихъ сволочей, которые пьютъ кровь изъ бѣдныхъ рабочихъ и работницъ. Вотъ мы, товарищи, изложимъ наши нужды, которыя побудили обратиться къ Вамъ за защитой.

1) Что завѣдующій Городской Прачешной Г. Зарицкій, дѣлаетъ со своими работницами такую штуку: Онъ устраиваетъ настоящій Гаремъ: Выбирая какую-нибудь изъ работницъ, которая покрасивѣй, онъ узнаетъ ея Положеніе жизни и назначаетъ ей въ городѣ свиданіе и тамъ ее заманитъ куда нибудь и предлагаетъ постоянно работать и не разсчитываться. И конечно которая не имѣетъ съ чего жить рѣшается на гнусный шагъ изъ-за ради куска хлѣба.

Но мы, болѣе сознательныя, не можемъ этого переносить и потому, товарищи обращаемся къ Вамъ за защитой.

Вторая наша просьба товарищи! къ вамъ чтобы вы ему напомнили чтобъ онъ принялъ старыхъ работницъ разсчитанныхъ на зиму. Онъ старыхъ и болѣе сознательныхъ разсчитываетъ, а какихъ то новыхъ принимаетъ на наши мѣста. Такъ, какъ намъ извѣстно, онъ набираетъ истинно русскихъ дѣвицъ. А старыхъ, которыя еще остались, пугаетъ 10-ти часовымъ рабочимъ днемъ и теперь проработавшихъ болѣе 2, 3, 4-хъ лѣтъ выбрасываютъ на улицу. Тѣмъ, которыя напоминаютъ ему о прибавкѣ жалованія, такъ какъ теперь за 60 коп. или 70 коп. не проживешь, онъ отвѣчаетъ, что если не нравится, то получайте разсчетъ. И заявляетъ, что можетъ найти по 50 копѣекъ въ день которыя будутъ работать 10 часовъ въ день.

Въ прачешной работаютъ семь вдовушекъ которыя имѣютъ по 5 душъ дѣтей и 3-ое имѣютъ больныхъ мужей неспособныхъ къ труду, и мы поневолѣ должны переносить все отъ этого гнуснаго паразита Поляка. Товарищи, просимъ мы Васъ, не оставьте этого паразита безъ наказанія за его гнусную игру надъ нами беззащитными. Затѣмъ просимъ, не забудьте еще одного Паразита, поставленнаго надъ нами старшимъ, который угнетаетъ насъ еще хуже другихъ: это его зять *Константина Францевича Яворскій.*

Товарищи просимъ Васъ, чтобы Вы этому паразиту прислали отдѣльно письмо угрожающее. Онъ намъ постоянно напоминаетъ крѣпостное право и какъ раньше сѣкли розгами помѣщики своихъ людей. Онъ намъ говоритъ, что мы скоро дождемся того дня что будутъ не только кричать за что есть и за что нѣту, а даже за сказанное ему слово напротивъ онъ будетъ бить бичемъ.

Дорогіе Товарищи, просимъ мы Васъ, Работницы Городской Прачешной, не оставьте насъ безъ защиты, хоть напужайте нашихъ паразитовъ, пьющихъ нашу кровь.

Рабочія Городской Прачешной.

Слободка Романовка рядомъ съ Сумасшедшей больницей.

Бѣлостокъ. (Іюль — Октябрь 1907 г.). Настроеніе у рабочихъ массъ пессимистическое; онѣ ничего не ждутъ. Каждый занятъ своей работой въ мастерской. Всѣмъ плохо, однако никто не думаетъ объ улучшеніи своего положенія.

Вначалѣ погромъ, затѣмъ повальные аресты, разстрѣлы и висѣлицы, распря между еврейскими и польскими рабочими, локауты, объявленные фабрикантами и заводчиками и выбрасывавшіе на мостовую рабочихъ десятками и сотнями, хозяйственный кризисъ,— все это вмѣстѣ взятое заставило рабочихъ дорожить своимъ заработкомъ, своимъ мѣстомъ на фабрикѣ.

Несмотря на это, адскія условія, которыя уже не вмоготу было выдержать рабочимъ-сапожникамъ, заставили ихъ бросить работу и выставить экономическія требованія.

Это было въ сентябрѣ. Сапожники „заказныхъ" мастерскихъ и магазиновъ рѣшили объявить мастерамъ забастовку. На первое собраніе явились всѣ бастующіе въ количествѣ 100 съ лишнимъ человѣкъ. Говорили между собой, говорили, но ни къ какому толку не пришли. Рѣшили обратиться къ партійному человѣку для совѣтовъ и для того, чтобы въ случаѣ надобности получить оружіе. Относительно с.-д., собравшіеся рабочіе не хотѣли и говорить: съ ними-молъ не стоитъ начинать возню; что же касается с.-р., то ихъ нѣтъ въ Бѣлостокѣ, „да если бъ и были, то это тоже не то, что намъ нужно". „Намъ слѣдуетъ обратиться только къ анархистамъ, такъ какъ это люди самоотверженные, искренніе, а главное—революціонные и рѣшительные, а намъ съ мерзавцами—мастерами не надо церемониться".

И вотъ, нашъ товарищъ а.-к. отправляется къ нимъ на собраніе, говоритъ тамъ о положеніи вещей на заводѣ и въ мастерскихъ, о жизни рабочаго, о причинахъ экономическихъ, политическихъ и моральныхъ несправедливостей, и въ концѣ своей рѣчи указываетъ, что только революціонными средствами можно улучшить свое положеніе и уничтожить современныя условія жизни. На завтра рабочіе просили опять придти, и такимъ образомъ устраивались ежедневныя собранія; стачка продолжалась 8 дней.

Тѣмъ временемъ полиція арестовала около 25-ти рабочихъ, болѣе передовыхъ, по ея мнѣнію. На это бастующіе рабочіе отвѣтили взрывомъ бомбы въ мастерской Файста. Это былъ сознательный революціонный протестъ противъ эксплуататоровъ, не обращавшихъ вниманія на ихъ требованія,— это было мщеніе за арестованныхъ товарищей.

Въ это же самое время сапожники — „тандетники", при посредствѣ одного с.-р-а обратились къ намъ съ заявленіемъ, что и они хотятъ бастовать, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы анархическая группа взяла на себя обязанность выиграть стачку. На это мы отвѣтили, что они сами должны отстаивать свое человѣческое достоинство, и что они сами для себя больше сдѣлаютъ, чѣмъ

кто-либо другой для нихъ. Пусть они не ошибаются и не смотрятъ на партію или группу, какъ на ихъ бога—освободителя, что сила — въ ихъ сознаніи, солидарности и готовности къ революціонной борьбѣ, и что группа а.-к. можетъ только придти имъ на помощь совѣтами, пропагандой, оружіемъ.

Слабые духомъ рабочіе „тандетники“ не забастовали, несмотря на то, что ихъ собратья-сапожники, работающіе на магазины и въ „заказныхъ“ мастерскихъ, выиграли половину изъ выставленныхъ ими требованій и добились освобожденія арестованныхъ товарищей.

Рабочіе въ Бѣлостокѣ сейчасъ неохотно бастуютъ, замѣчается сильный упадокъ духа. Но если рабочіе рѣшаются предпринять что-либо, то за помощью и совѣтомъ они идутъ къ нашей группѣ анархистовъ-коммунистовъ.

Работница.

Уфа 16 августа 1907 года двумя рабочими, анархистами, убитъ возвращавшійся изъ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ служащій Поповъ. „Уфимская Группа А.-К.“ выпустила по этому поводу прокламацію, изъ которой мы приводимъ слѣдующій отрывокъ:

„Каждому извѣстно, кѣмъ былъ Поповъ. Каждый изъ рабочихъ испыталъ его гнетъ на себѣ. Вотъ что передаютъ сами рабочіе о Поповѣ: „Онъ вездѣ и всюду проявлялъ свою черносотенную дѣятельность—въ вербовкѣ банды грабителей—патріотовъ. По своей дѣятельности, онъ не уступалъ любому жандарму, любому сыщику! за свое шпіонство онъ получалъ отъ полиціи 25 рублей въ мѣсяцъ. Бывало, какъ только онъ услышитъ отъ рабочихъ свободное слово или что либо, сказанное въ опроверженіе „истинно-русскому патріотизму“, онъ немедленно обращается къ говорящему съ слѣдующими словами:—Ты революціонеръ! завтра же тебя не будетъ!—

Эти угрозы имъ приводились въ исполненіе, и рабочаго разсчитывали. Но разсчета было мало; бывали случаи, что по его указанію сажали въ тюрьму и даже ссылали. Поповъ, по своему усмотрѣнію, вмѣстѣ съ жандармами, производилъ обыски въ рабочихъ верстакахъ...

Словомъ, власть Попова сказывалась на насъ сильнѣе, чѣмъ власть всей желѣзно-дор. администраціи. За послѣднее же время Поповъ еще болѣе проявлялъ свою власть, свое нахальство. Онъ уже не довольствовался тѣмъ, что по его указанію сажали въ тюрьму, но, не скрывая своей алчности, онъ еще глумился надъ своими жертвами, насмѣхался и издѣвался надъ нами, часто грозя, что всѣхъ насъ повѣсятъ.

Онъ попиралъ ногами человѣческое достоинство рабочаго, боровшагося за Хлѣбъ и Волю; по отношенію къ намъ, рабочимъ, онъ являлся тираномъ.“-

На ряду съ прочими листками „Уфимская Группа А.-К.“ выпустила одинъ „Къ рабочимъ“ въ которомъ рѣзко осуждаетъ экспропріацію, какъ шантажъ, и въ частности вымогательство 1000 руб. у Прокофьева, совершенное второй существующей въ Уфѣ т. н. „Уральской группой А.-К.“ (безначальцы). Послѣдняя группа отвѣтила аналогичнымъ листкомъ, въ которомъ защищала свою позицію.

Анархизмъ среди уфимскихъ рабочихъ, пользуется очень большими симпатіями. Главнымъ недостаткомъ въ пропагандѣ нашей идеи является полное отсутствіе нелегальной, агитаціонной литературы. Тоже среди товарищей мало опытныхъ пропагандистовъ.

Недавно одинъ изъ лучшихъ агитаторовъ-анархистовъ Павелъ Канторовичъ, вмѣстѣ съ другими товарищами, убиты конвоемъ, при попыткѣ бѣжать изъ тюрьмы. Это громадная потеря для нашего молодого движенія.

N.

Аронъ Елинъ. *(Гелинкеръ *).*

(Некрологъ).

Еще жертвы... Новыя, свѣжія могилы.

Каждый день приноситъ вѣсти о павшихъ товарищахъ-борцахъ. Десятки молодыхъ жизней обрываются. Завязалась упорная, грозная, глубокая по своему смыслу и значенію, борьба между міромъ обездоленныхъ и хищной стаей эксплуататоровъ-угнетателей.

Міръ труда и страданій, лишеній и голода, міръ нищеты и голода, міръ нищеты и слезъ подымается. Народъ проснулся. Рвутся цѣпи рабства. Ни хитрость и обманъ, ни жестокая кровожадность и насилія властителей не остановятъ его... Громко возвышаютъ свой голосъ коммунисты-анархисты. Всѣхъ эксплуатируемыхъ и обездоленныхъ зовутъ они къ великой битвѣ между трудомъ и капиталомъ. Будетъ буря. Первые предвѣстники ея уже появились. Жертвы падаютъ. Онѣ неизбѣжны. Но каждая свѣжая вѣсть о павшемъ борцѣ новою болью отзывается въ сердцѣ.

Сотни жертвъ вырвалъ уже жестокій врагъ изъ нашихъ рядовъ. И еще одну невозвратимо-большую потерю мы понесли на дняхъ.

9-го мая 1606-го года, на старомъ кладбищѣ въ г. Бѣлостокѣ, ворвавшаяся свора полицейскихъ въ сопровожденіи солдатъ оцѣпила кладбище, окружила нашихъ товарищей и потребовала сдачи оружія. Ни у кого, за исключеніемъ товарища Арона Елина, оружія не было. Въ отвѣтъ на требованіе пристава, въ отвѣтъ на направленныя на него дула ружей и револьверовъ, Елинъ выхватилъ изъ кабуры свой браунингъ и, съ возгласомъ: „вотъ тебѣ мой браунингъ!“ Спустилъ курокъ и выстрѣлилъ въ пристава. Пуля смертельно ранила солдата. Второй пулей его былъ раненъ другой солдатъ. Грянулъ ружейный залпъ, и сраженный на вылетъ пулей въ грудь. Елинъ палъ, обливаясь кровью. Остальные товарищи, воспользовавшись суматохой, бѣжали подъ ружейными залпами и почти всѣ спаслись. Въ мучительныхъ страданіяхъ, окруженный полиціей и солдатами, черезъ часъ скончался Елинъ. Послѣдними словами его, обращенными къ полиціи, были: „Проклятые рабы буржуазіи и государства! Товарищи отомстятъ за мою смерть“.

Трупъ его хоронила полиція.

Солдатская пуля похитила у насъ одного изъ лучшихъ нашихъ борцовъ. Трагически-безвременно оборвалась лишь начинавшая развертываться юная жизнь. Глубокую утрату понесли мы, и съ нами весь борющійся рабочій классъ.

Ничто не вознаградитъ за его смерть.

Гелинкера (нелегальное имя Елина) хорошо знали и цѣнили товарищи. Не случайнымъ гостемъ былъ онъ среди борющагося пролетаріата. Его борьба, его участіе въ движеніи было не минутнымъ, скоропереходящимъ увлеченіемъ. Жизнь ковала изъ него борца... Съ какою то особенною заботливостью она растила и упрочивала въ немъ всѣ задатки необходимые для грознаго борца съ буржуазіей. Вся обстановка съ дѣтскихъ лѣтъ сѣяла въ немъ сѣмена ненависти къ богатымъ и власть имущимъ.

Аронъ Елинъ родился и выросъ въ бѣдной еврейской семьѣ. Мать любила его до самозабвенія. Отецъ былъ строгій, суровый фанатикъ — еврей. Семья терпѣла страшную нужду, чуть ли не голодъ. Потребности урѣзывались до невозможнаго. Приходилось отказывать себѣ въ самомъ необходимомъ... А рядомъ сверстники, — дѣти богатыхъ. Маленькому Елину они казались такими красивыми, счастливыми. Ему хотѣлось быть похожимъ на нихъ, —также не голодать, быть опрятно и чисто одѣтымъ, говорить и читать по-русски. Что-то тѣснило его кругомъ. Хотѣлось иного. Чуткій мальчикъ своимъ дѣтскимъ сердцемъ и умомъ догадывался, что его ждетъ незавидная участь ребенка пролетарія. Въ немъ пробуждалась жажда учиться, знать. Его отдали въ училище, но скоро принуждены были взять его обратно. Нечѣмъ было платить учителю... Ребенокъ смотрѣлъ, думалъ, и первые проблески глубокой, сильной ненависти къ богатымъ, первыя искорки симпатіи и любви къ бѣднымъ и обездоленнымъ, какъ и онъ, пробуждались въ немъ... Ребенокъ росъ. Печальныя семейная обстановка обстановка все больше тѣснила и сковывала его. Онъ рвался на просторъ. Рвался — но не зналъ, куда и какъ. 12-ти лѣтнимъ мальчикомъ онъ бѣжитъ изъ дому и втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ бродяжитъ и скитается по городу. Безъ квартиры, вѣчно голодный, оборванный, проводитъ цѣлые годы. Въ эти годы начинатъ складыкаться его характеръ.

Передъ нашими глазами его фигура. Средняго роста, статный, съ особою гибкостью и ловкостью во всѣхъ своихъ движеніяхъ. Полная жизни—подвижная фигура говоритъ о силѣ и мужествѣ. Худое, энергичное, рѣзко черченное лицо, глубоко сидящіе глаза, съ двумя глубокими складками возлѣ переносья, дышало рѣшительностью и какой-то необыкновенной смѣлостью и отвагой. Нѣсколько холодный и злой, лишенный сентиментальности, онъ обладалъ большой силой воли. Съ перваго взгляда чувствовался недюжинный революціонеръ. Необыкновенныя смѣлость и храбрость выдѣляли его среди товарищей. Одинъ фактъ его недолголѣтней жизни ярко обрисовываетъ эти черты. Работая въ Бердичевѣ, онъ, вмѣстѣ съ товарищами, явился отъ имени группы анархистовъ-коммунистовъ къ мѣстному буржуа съ требованіемъ денегъ на нужды организаціи; буржуа успѣлъ предупредить полицію. Во время переговоровъ товарищей съ хозяиномъ вваливаются гурьбой въ переднюю 7 казаковъ, съ цѣлью арестовать анархистовъ. Елинъ не растерялся. Моментально выхватываетъ онъ браунингъ; три сухихъ, короткихъ выстрѣла, — и трое казаковъ падаютъ сраженными. Осзальные въ ужасѣ обращаются въ бѣгство. Елинъ оборачивается, 4-ымъ выстрѣломъ ранитъ буржуа и выскакиваетъ изъ квартиры. Но, пройдя нѣкото-

*) Печатаемый некрологъ изданъ екатеринославской группой въ маѣ 1906 г.

рое разстояніе, онъ замѣчаетъ, что съ нимъ нѣтъ его товарищей. Невзирая на страшную опасность быть вновь застигнутымъ казаками и полиціей, Елинъ возвращается въ квартиру буржуа, освобождаетъ изъ рукъ сбѣжавшихся буржуевъ товарища и спокойно удаляется вмѣстѣ съ нимъ. И этотъ фактъ безумной храбрости не единиченъ въ жизни Елина.

15-ти лѣтъ Аронъ Елинъ поступаетъ на кожевенную фабрику и становится рабочимъ. Здѣсь онъ попадаетъ въ новую еще для него революціонную среду. Партія с.-р., которая, въ то время начинаетъ работать въ Бѣлостокѣ, вскорѣ видитъ его въ своихъ рядахъ. Онъ плохо разбирается пока въ программахъ, но его привлекаетъ революціонная тактика с.-р. Съ этой поры судьба Елина опредѣлена. Онъ безповоротно и навсегда отдается рабочему движенію. Проходитъ время. Въ Бѣлостокѣ появляется группа анархистовъ-коммунистовъ. Елинъ сталкивается съ ея членами и знакомится съ програмой и тактикой анархизма. Онъ попадаетъ на одно собраніе, гдѣ излагаютъ принципы анархизма товарищи-анархисты: „Яша портной," погибшій въ Одессѣ во время погрома; Ривкиндъ (Викторъ), одинъ изъ разстрѣлянныхъ въ Варшавѣ, и Страга, такъ печально погибшій на дняхъ въ Парижѣ. Идеи анархизма все сильнѣе притягиваютъ Елина. Въ началѣ 1905-го года онъ оставляетъ партію с.-р., вступаетъ въ группу и съ первыхъ же дней становится дѣятельнымъ членомъ ея: неустанно агитируетъ среди рабочихъ, привлекаетъ въ группу нѣсколькихъ изъ бывшихъ своихъ товарищей по партіи с.-р. — онъ, достаетъ денежныя средства, помогаетъ группѣ въ разнообразныхъ ея предпріятіяхъ. Всего годъ пробылъ онъ въ нашихъ рядахъ, и сколько сдѣлано!

Еще будучи с.-р., Елинъ покушался на жизнь казачьяго офицера.

Вступленіе въ группу открыло широкій просторъ для его революціонной дѣятельности. Втеченіе года слѣдуютъ одинъ за другимъ его террористическіе акты.

Въ іюнѣ 1905-го года разыгрывается въ Бѣлостокѣ крупная стачка. Полиція неистовствуетъ. Масса арестовъ, избіеній. Настроеніе рабочихъ массъ подавленное, угнетенное. Страшній полицейскій произволъ запугиваетъ стачечниковъ, ослабляетъ ихъ борьбу съ буржуазіей. Положеніе становится невыносимымъ такъ продолжаться не можетъ. Надо остановить полицейскую удаль. Показать холопамъ государства и буржуазіи, что набѣги не пройдутъ для нихъ безнаказанно. И вотъ, въ дютѣ въ центрѣ города, близъ памятника Муравьева, разрывается бомба, брошенная смѣлою рукою Елина въ полицейскую свору. Сражнымъ взрывомъ убито нѣсколько высшихъ чиновъ мѣстной полиціи и много ранено. Въ числѣ раненыхъ — помощникъ полиціймейстера. Крикъ радости, единодушный восторгъ рабочихъ массъ привѣтствуетъ актъ. Моментально все оживаетъ. Какой то живительный токъ пробѣгаетъ въ сердцахъ стачечниковъ. На ихъ лицахъ бодрость и радостное сознаніе, что насильники встрѣтили отпоръ, что жертвы отомщены.

Это былъ первый актъ Елина, какъ анархиста. Въ концѣ августа того же 1905г., свирѣпствовавшіе тогда въ Кіевѣ хулиганы нападаютъ на Елина. Онъ встрѣчаетъ хулиганскую банду револьверными выстрѣлами. У него выходятъ всѣ пули. Сбѣгается на шумъ выстрѣловъ полиція и, раненаго, жестоко избиваетъ его и арестуетъ. Освободившись, Елинъ въ концѣ октября даетъ въ Бердичевѣ свой безумно-храбрый, необычайный по смѣлости и отвагѣ отпоръ казакамъ. Убиваетъ 3-хъ изъ нихъ и ранитъ буржуа.

Вскорѣ затѣмъ начинается новый періодъ въ революціонный дѣятельности Елина. Много пережилъ, много передумалъ Елинъ за это время. Инстинктивный революціонеръ превращается въ сознательнаго, вдумчиваго, но тѣмъ болѣе грознаго для буржуазіи борца. Онъ складывается окончательно. Вѣрный революціонный инстинктъ большой тактъ подсказываютъ ему направленіе его дальнѣйшей дѣятельности.

Кругомъ совершались грандіозныя событія. Народъ боролся. Лилась рабочая кровь. Развертывались грандіозныя стачки. Рабочія семьи голодали. Бурно волновалася деревня. Обездоленные искали спасенія. Они жаждали лучше жить, желали освободиться отъ ненасытной эксплуатаціи капитала, отъ дикаго насилія государства. Народъ, этотъ неустрашимый, могучій революціонеръ, какъ большой ребенокъ, довѣрчиво и страстно прислушивался къ каждому голосу, выражавшему его желанія, указывавшему путь и средства борьбы. Алчная, нахально-хищная буржуазія прикидывается другомъ народа. Она затѣваетъ колосальный, грандіозный обманъ, На всѣхъ перекрестахъ, въ тысячахъ рѣчей и прокламацій, ея глашатаи зовутъ обездоленныхъ бороться за демократію. Буржуа пускаютъ въ ходъ всю свою хитрость, весь свой талантъ, всѣ свои громадныя знанія, чтобы совлечь пролетаріатъ съ пути борьбы съ его истинными дѣйствительными врагами—буржуазіей и охраняющимъ ее государствомъ. И этотъ обманъ ей удается. Она ликуетъ...

Сотни молодыхъ рабочихъ жизней гибнутъ въ борьбѣ. Рабочія семьи изнемогаютъ отъ голода... А буржуазія пируетъ. Въ роскошныхъ кафе и ресторанахъ изощряется она въ невиданныхъ еще наслажденіяхъ. Роскошныя кареты мчатся по роскошнымъ буржуазнымъ кварталамъ. Переполнены театры, концерты... И наши товарищи анархисты-коммунисты рѣшаются вскрыть этотъ обманъ; надо заставить оглянуться, задуматься массы, показать буржуазіи, что есть въ рабочей средѣ люди, понимающіе весь ея цинизмъ и подлость.

И вмѣстѣ съ другими товарищами Аронъ Елинъ разитъ буржуазію въ ея роскошномъ притонѣ: 1905 года 6 динамитныхъ бомбъ взрываются въ роскошномъ кафе Либмана въ Одессѣ, гдѣ въ великіе стачечные дни безпечно пируетъ буржуазія. Одинъ за другимъ гремятъ страшные удары бомбъ, брошенныхъ анархистами въ кафе Либмана. страшная паника, смертельный ужасъ охватываютъ буржуазію *)...

Проходитъ три мѣсяца... Въ послѣднихъ числахъ марта 1906 г. Елинъ, какъ грозный мститель, бросаетъ свою бомбу въ Бѣлостокское жандармское управленіе. Черезъ нѣсколько дней онъ, вмѣстѣ съ другими товарищами, среди бѣлаго дня, на людной улицѣ ранитъ пристава и убиваетъ его помощника.

И, наконецъ, онъ геройски обрываетъ свою юную, но бурную и кипучую жизнь вооруженнымъ отпоромъ на кладбищѣ.

Палъ борецъ-революціонеръ! Палъ полный жизни и энергіи, полный жажды борьбы. Еще много силъ таилось въ немъ. Многое могъ бы онъ сдѣлать, впереди еще была кипучая, грозная дѣятельность революціонера. Его не стало. Но не умерла и не умретъ память о немъ въ сердцахъ борцовъ. Память о юношѣ-борцѣ будетъ жить среди товарищей. Его не забудетъ борющій пролетаріатъ. Воспоминаніе о немъ могучимъ приливомъ къ борьбѣ будетъ отзываться въ сердцахъ обездоленныхъ и трудящихся. Пусть его акты укажутъ имъ путь въ ихъ борьбѣ съ насиліемъ и гнетомъ. Пусть помнитъ народъ, что, пока въ его средѣ имѣются такіе грозные, самоотверженные борцы, какъ павшій товарищъ, дѣло его не проиграно. Пусть вся кипучая, отважная жизнь безвременно-погибшаго юноши-революціонера раздастся грознымъ боевымъ кличемъ къ борьбѣ, къ борьбѣ за счастье и свободу угнетенныхъ, къ борьбѣ за анархическій коммунизмъ!

Палъ буревѣстникъ — но буря будетъ... Будетъ грозная, неумолимая борьба. И борющійся народъ, въ своемъ спискѣ павшихъ героевъ-борцовъ, впишетъ славное имя нашего товарища.

Не слезы и скорбь, не уныніе и печаль, — а неумолимая борьба, борьба до конца будетъ лучшей памятью о тебѣ, дорогой товарищъ. Спи же, товарищъ-борецъ! Вѣчная память тебѣ!

„Екатеринославская Группа Рабочихъ А.-К.". *Май 1906 г.*

Къ вопросу о съѣздѣ.

Изъ писемъ, полученныхъ нами изъ товарищескихъ группъ и изъ заявленія въ № 1 „Анархиста" мы узнали, что нѣкоторые товарищи задались цѣлью организовать въ ближайшемъ будущемъ съѣздъ россійскихъ анархистовъ. Мы вполнѣ раздѣляемъ мысль о желательности съѣзда для обмѣна мнѣній между товарищами и для объединенія на почвѣ практической работы. Но, принимая во вниманіе кризисъ, переживаемый въ настоящій моментъ анархистскимъ движеніемъ въ Россіи, повсемѣстные провалы группъ, сильно развившуюся за послѣднее время провокацію, мы считаемъ необходимымъ прежде всего заняться усиленной работой на мѣстахъ для возрожденія анархистскихъ группъ и очищенія ихъ отъ нежелательныхъ и подозрительныхъ элементовъ. Только тогда, когда эта трудная задача будетъ выполнена, мы сможемъ приступить къ организаціи съѣзда и къ основанію федераціи россійскихъ анархистскихъ группъ. До тѣхъ же поръ, всякая попытка организовать съѣздъ, на нашъ взглядъ, преждевременна и, даже болѣе того, можетъ оказаться чрезвычайно опасной для переживших періодъ разгрома группъ.

Редакція и группа „Буревѣстникъ".
Боевая Интернаціональная Группа А.-К.

P. S.

Просимъ всѣ группы, раздѣляющія наше отношеніе къ организаціи съѣзда въ настоящій моментъ присоединиться къ этому заявленію. *Ред.*

*) Читатели „Бурев." знакомы съ нашимъ отношеніемъ къ „безмотивному" террору, къ оцѣнкѣ котораго мы еще вернемся. Редакція

Письма и деньги просятъ направлять въ:
Paris. Rédaction du « Libertaire » rue d'Orsel 15.
L. Avenier 24. Avenue Soret 24. Genève.
На внутреннихъ конвертахъ необходимо дѣлать надпись
для „Буревѣстника"
Типографія „Буревѣстника"

Вап. 261